

ISSN 2410-1583

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Правительство Алтайского края
Совет по вопросам реализации
государственной национальной политики в Алтайском крае
Алтайский государственный университет
Институт социальных наук
Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края»
Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию
интеграции народов и культур в Алтайском крае
Алтайская краевая общественная организация психолого-социального
сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие»

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник материалов

*III Международный научный форум «Интеграционные
процессы в этнокультурной сфере»*

*I Международная конференция
«Большой Алтай: развитие, интеграции,
международное сотрудничество»*

2021

ББК 60.542.15-26
М 695

Редакционная коллегия:

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко

М 695 Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. – Вып. 10. Том 2. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2021. – 296 с.

ISSN 2410-1583

В издание включены материалы I Международной научной конференции «Большой Алтай: развитие, интеграция, международное сотрудничество», прошедшей в рамках III Международного научного форума «Интеграционные процессы в этнокультурной сфере» 7, 8 и 11 июня 2021 года в Алтайском государственном университете при поддержке Фонда президентских грантов. В материалах обсуждаются проблемы международного сотрудничества стран Большого Алтая и Центральной Азии по вопросам социальной интеграции, сохранения и развития народных традиций, культурного наследия, этнического разнообразия в условиях глобализации. В докладах рассматриваются острые социальные проблемы современного развития приграничных регионов России, трансграничного социокультурного пространства, предлагаются пути повышения эффективности кооперации, реализации инновационных проектов развития макрорегиона.

Сборник предназначен для представителей органов законодательной и исполнительной власти в сфере социальной и национальной политики, специалистов комитетов по делам молодежи, некоммерческих организаций, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех лиц, интересующихся проблемами социальной интеграции и этнической безопасности.

ББК 60.542.15-26

Издание подготовлено и опубликовано при поддержке Гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов по проекту «Международная школа “Большой Алтай: форсайт-2050”».

ISSN 2410-1583

- © Правительство Алтайского края, 2021
- © Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края», 2021
- © АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2021
- © Алтайский государственный университет, 2021
- © Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Bolorchuluun Ch., Anudari B.</i> Spatial analysis of Turkic ballbals and rune inscriptions in Western Mongolia.....	6
<i>Munkhtseren Z., Dashdorj O., Chuluudai B.</i> Changes and trends in Mongolia's animal protection ethics.....	17
<i>Авазов Э. А.</i> Андиганское восстание 1898 года: основные вопросы дискуссии и в историографии дореволюционной эпохи....	25
<i>Андрянова Т. В., Шевлякова А. Н.</i> Особенности мотивации персонала в России: перспективы управленческого воздействия и национальная специфика.....	34
<i>Баймуканов А. К.</i> Опыт Республики Казахстан в регулировании межконфессиональных отношений.....	40
<i>Баубекова С. А., Сырцева Т. И.</i> Информационный контент книжных коллекций Н. В. Кочешкова и Г. А. Отаиной для исследования этнокультур евразийского пространства.....	46
<i>Бообек уулу Болот.</i> Культ коня у кыргызов и народов Саяно-Алтая.....	58
<i>Борисова О. В.</i> Специфика этнической структуры приграничного региона России.....	69
<i>Водичев Е. Г.</i> Трансграничные территории: проблемы методологии междисциплинарного анализа.....	74
<i>Геворгян Г. Г.</i> Особенности развития этнокультуры армянской диаспоры в Алтайском крае.....	81
<i>Гришанова М. А.</i> Социальный капитал и его новое звучание в рамках информационного общества.....	86
<i>Журба В. В.</i> Международный туристско-спортивный фестиваль «Great Altai» как средство повышения мотивации международного сотрудничества в сфере физической культуры и спорта.....	95
<i>Злобина Ю. И.</i> Социоинтеграция китайских студентов на трансграничной территории: проблемы адаптации.....	99
<i>Замятина О. Н., Кода Е. А.</i> Кризис института семьи как детерминанта формирования нового человека постмодерна.....	107
<i>Катаева А. Е., Атласов В. В.</i> Гражданская идентичность современной молодежи в условиях социокультурной трансформации.....	114
<i>Каулбекова Р. А., Шаршенбек кызы А.</i> Сотрудничество стран-участниц шанхайской организации сотрудничества в сфере культуры и образования.....	120
<i>Кожокар В. А.</i> Взаимодействия коллекционеров и музейных работников северо-востока Казахстана с российскими коллегами на примере Ч. Ч. Валиханова, М. Шорманова и Д. П. Багаева.....	127

<i>Кузина Н. В.</i> Последствия экономического кризиса, вызванного пандемией, и факторы, создающие угрозу стабильности в Российской Федерации: на примере Республики Алтай и Алтайского края (в связи с экономической, демографической, социальной, этнокультурной повесткой, а также настроениями пользователей Интернет-ресурсов).....	134
<i>Мальковец Н. В.</i> Социальные последствия реформы местного самоуправления.....	146
<i>Муканова Г. К.</i> Этнокультурное поле трансграничных регионов как фактор интеграции (взгляды Смагула Садвокасова).....	154
<i>Назаркулова А. К.</i> Проблемы реализации гражданской идентичности в Кыргызстане.....	159
<i>Нургалиев Т. М.</i> Проблема информационных автократий	167
<i>Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Нуркатова Л. Т.</i> Иерархия угроз и измерений социальной безопасности в представлениях населения российского приграничья.....	172
<i>Плотникова М. В.</i> Риск как феномен социальной реальности.....	180
<i>Совостьянова А. М., Касенова Н. Н.</i> Всероссийский социокультурный проект «Неделя межнационального взаимодействия» как площадка межнационального взаимодействия учащейся молодежи по сохранению истории ВОВ.....	185
<i>Соколов А. А.</i> Отношение студенческой молодежи к образу современного преподавателя (на примере Алтайского государственного университета).....	192
<i>Солонина М. В.</i> Элементы межэтнических конфликтов, выявляемых в процессе его диагностики.....	199
<i>Спирина А. С.</i> Отношение местного населения к мигрантам (на примере Новосибирской области).....	203
<i>Старовойт А. Н., Маркина П. В.</i> «Вектор образования».....	208
<i>Суртаева О. В., Черепанова М. И.</i> Угрозы социальной безопасности в оценках населения приграничных регионов России.....	213
<i>Урманбетова Ж. К.</i> Процессы идентификации в регионе Центральной Азии.....	224
<i>Харитонов А. М.</i> К происхождению библейского народа филистимлян – пеласгов.....	238
<i>Чжан Юньфэй.</i> Варианты гидронима Янцзы на русских и китайских картах.....	245
<i>Шарапов О. М., Ульмасов Р. У.</i> Основные факторы, тенденции и итоги интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве на современном этапе.....	251
<i>Шахова Е. В.</i> Особенности процессов миграции населения из стран СНГ в Россию.....	257

<i>Шевнина Т. Э.</i> Социальная и правовая защита военнослужащих и членов их семей на примере Новосибирского военного института войск национальной гвардии.....	264
<i>Щеглова Д. К.</i> Социальная активность молодежи как фактор формирования гражданского общества.....	272
<i>Эралиева Ы. С.</i> Кыргызские и алтайские эпосы в исследованиях З. Мамытбекова и Э. Абдылдаева.....	278
<i>Юркова Е. М.</i> Положение социально-культурной активности личности в процессе динамики культуры.....	287
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	291

SPATIAL ANALYSIS OF TURKIC BALBALS AND RUNE INSCRIPTIONS IN WESTERN MONGOLIA

Bolorchuluun Ch., Anudari B. (Ulaanbaatar, Mongolia)

Abstract: *Scientists have established that the territory of western part of the Mongol Altai's five western provinces has been inhabited by humans since the Lower Paleolithic. However, the area, which has a rich historical and cultural heritage, is extremely poorly studied compared to central Mongolia, and research institutes lacked such opportunities. But in recent years, research has become more active. In this study, we tried to analyze the spatial distribution of the Tureg period manuscripts and Rune inscriptions in five western provinces by administrative units, natural zones, elevations, horizons, soil types, and protected areas, by total of 6 indicators.*

Keywords: *Rune inscription, Turkic balbal, Spatial analysis, Geographic information system.*

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ТЮРКСКИХ БАЛБАЛ И РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Болорчулуун Ч., Анудари Б. (Улан-Батор, Монголия)

Аннотация: *Учеными установлено, что западная часть пяти монгольских западных провинций была заселена уже в эпоху раннего палеолита. Однако, эта территория, имеющая богатое историческое и культурное наследие, весьма скудно изучена, по сравнению с Центральной Монголией, и исследовательские институты не используют эту возможность, хотя в последние годы процесс активизировался. В данном исследовании предпринимается попытка анализа пространственного распределения рукописей тюркского периода и рунических надписей в пяти западных провинциях в зависимости от административного деления, природных зон, типов возвышенностей и горизонтов, типов почв и защищенных территорий, всего по шести показателям.*

Ключевые слова: *рунические надписи, тюркские балбалы, пространственный анализ, геоинформационная система*

1. Introduction

In the age of globalization and the trend of over-consumption, the world's cultural heritage, including historical and cultural monuments, is

eroding over time, with the negative consequences of the scientific and technological revolution and the evolution of socio-economic life. As the threat of being destroyed threatens to escalate, countries must work together to protect it, both nationally and internationally, in accordance with national and international law prohibiting the «illegal import, export and transfer of cultural property» as well as the 1970 UNESCO Convention on the Prohibition and Prevention of the Transfer of Property, the 1972 UNESCO Convention for the Safeguarding of the World Cultural and Natural Heritage, and the 2001 UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity (<https://whc.unesco.org/en/conventiontext/>). The study of historical and archaeological sites in the western part of the Early Mongol Altai was insufficient compared to other regions. An expedition led by the Russian explorer G. P. Potanin first studied the historical and cultural monuments of the region in the late 19th century [3, 4].

Since then, in the 1950s and 1960s, our national archaeologists, including Dr. N. Ser-Odjav, have explored some soums in Bayan-Ulgii province and reported on a few monuments. In the 1960s and 1980s, the Stone Age Research Unit of the Mongolian-Soviet Joint Historical and Cultural Expedition, led by the Academy A. P. Okladnikov, D. Dorj, and A. P. Derevyanko, uncovered some ancient Stone Age monuments in the Khovd and Sagsain river basins and studied them [4].

Professor D. Tseveendorj, V. D. Kubarev and E. Jakobson studied petroglyphs in Baga Oigur-Tsagaan Salaa of Ulaankhus soum, Shiveet Khairkhan and Aral Tolgoi of Tsengel soum within the framework of the Mongolian-Russian joint project «Ancient Altay» in 1994–2005 [1]. The results have been published in 4 volumes and 6 books. Most of these studies have been in the form of circular explorations and petroglyphs, a few local deer statues, and human stones or balbals. There is a need for a modern study of these ancient monuments, as no comprehensive scientific study of them has ever been done before. Historical and cultural monuments include man-made tombs, mausoleums, burial mounds, monuments, petroglyphs, and temple ruins [9].

«Cultural heritage» means cultural heritage that has the value and significance of nature, society, history, culture, art, and science that can represent a particular historical space or time period. Cultural heritage is classified into tangible and intangible in its traditional form [8].

Intangible heritage is divided into movable and immovable. Traces of fossils of ancient animals and plants in tangible cultural heritage include ancient human dwellings, camps, and monuments that have preserved their traces of residence, places where minerals were mined and processed, ancient tombs, deer statues and human stone and light

monuments, archeological monuments such as petroglyphs and inscriptions. Movable monuments include museum exhibits, temples, and personal artifacts. Immovable monuments include archeological, paleontological, and architectural monuments, such as ancient steppe burial mounds, petroglyphs, inscriptions, and the ruins of ancient cities and temples. For this reason, the Tureg period human stone and Rune inscriptions are a cultural heritage.

1.1. Runic inscriptions monuments of the Tureg period

In recent years, a number of new runic inscriptions related to the ancient Turkic ethnic groups living in Mongolia have been discovered in the five western provinces. These inscriptions are not only important sources for the study of the history, language and culture of ancient Turkic, Uyghur and Kyrgyz countries, but also as historical sources. The inscriptions found in the territory of the five western provinces belong to the category of small monuments of Mongolian runic script and are a line script in terms of writing style and form [6].

The content of these inscriptions, which usually consist of one or two lines, shows that they have very little to do with burial and sacrificial rituals, but that they are mostly about life and hunting. There are currently more than 10 runic inscriptions in the five western provinces, and it is likely that they will continue to be found in the region [3].

1.2. Balbals of the Turkic period

One of the most common types of archeological monuments in Mongolia is the human stone statue. The first researcher of Mongol Altai's Human stone was a well-known Central Asian Scientist G. H. Potanin, who organized two reconnaissance units in Western Mongolia in 1876–1878. The work of this exploration class is still of great value to this day, as it has accumulated invaluable information not only in the ancient studies of the Western Mongolia, but also in history, ethnography, and geography [7].

The Institute of Mongol Altai Studies has been implementing the «Historical and Archaeological Monuments of the Western Altai of Mongolia» project since 2005. During the implementation of the project, archeological research in the region was deepened, and modern archeological research methods were used to classify the monuments by type, form, and time, and to study them in a comprehensive manner [9].

1.3. Legal environment

The laws and regulations issued by the government show that our country is taking a number of measures to preserve its cultural heritage [5]. These include:

Article 7.1 of the Constitution of Mongolia states that historical, cultural monuments, scientific and intellectual heritage of the Mongolian people are under state protection;

Law on Protection of Cultural Heritage renewed in 2014;

The State Enlightenment Supervision Service was established by the protocol No. 172 of the Government of Mongolia in 1998;

«National program for protection and restoration of immovable historical and cultural monuments» approved by the Government Protocol No. 51 of 1998;

Article 17.3 of the Law of Mongolia on Protection of Cultural Heritage classifies the legal protection of immovable historical and cultural monuments as state, local and organizational. It is stated that «the list of immovable historical and cultural monuments under state and local protection shall be determined by the Government based on the proposal of the state central administrative body in charge of culture and science».

2. Research methodology

This study was a combination of spatial and non-spatial data using ArcGIS 10.8 geographic information software to create spatial images with scale 1: 1000000 and 1: 1500000. This database will be connected to the geographic information system in the future and will open up a wide range of opportunities to process, study, monitor and protect information. Spatial information was used, such as Aster DEM, soil classification, administrative boundaries, natural zones, and protected area boundaries.

In this study, D. Tseveendorj, Ts. Turbat's non-spatial information, such as atlases, research reports, and printed sources, such as «Archaeological Monuments of the Mongol Altai», «Atlas of Cultural Heritage Risk» published in 2017, and «Historical and Cultural Monuments of Mongolia» (Thematic Directory) in 1999, were digitized and coordinated and analyzed in combination with spatial data [2].

Five western provinces of Mongolia, Bayan-Ulgii, Khovd, Uvs, Zavkhan and Gobi-Altai provinces were selected for the research.

Uvs province: The lowest point in Uvs province is the Uvs Lake Basin Strictly Protected Area, which is 758.9 meters above sea level, and the highest point is Tsagaan Deglii, which is 4,250 meters above sea level. It is located in the Great Lakes' pit and the Altai mountains, so it has a harsh continental climate. Summers are +40–50 degrees Celsius in July and winters are -40 degrees Celsius in January. The province center is Ulaangom, with 19 soums and 93 bags.

Bayan-Ulgii province: The territory of Bayan-Ulgii province is 1301–4374 meters above sea level, and 95.3 % of the total territory is located above 1600 meters. As for the temperate climate, the surrounding high mountains attract moisture from the outside air, so the average annual precipitation in the highlands of the Altai Mountains reaches 400–500 mm. The average annual wind speed is 4–9 m / sec. Bayan-Ulgii province has a total area of 45.8 thousand square kilometers with 13 soums.

Khovd province: Khovd province is located in the Great Mountains of Mongol Altai. There are large mountains such as Munkh Khairkhan, Khukh Serkh, Baatar Khairkhan and Myangan Ugalzat, and the Gobi steppe covers about 20 % of the province's territory. Pre-Cambrian bedrock and Quaternary sediments are distributed in the mountains. The high mountains are covered with rocks and soils in the foothills, the light brown soils of the steppe in the northern part of the country, and the gray soils of the Gobi in the southern part. In mountainous areas, alpine and mountain steppe vegetation grows, and in the southern part, Gobi vegetation. Khovd province is located in the western part of Mongolia and has 17 soums and 91 bags.

Zavkhan province: Zavkhan province is located in the western part of the Khangai mountain range, in the eastern part of the Great Mountain Depression, and in the northern part of the Mongol Altai mountain range. The territory of the province has decreased from east to west. Mr. Otgontenger, the highest peak in the Khangai Mountains, is 4031 meters high, and the lowest point is on the shores of Lake Durgun, at 1132 meters above sea level, 2000 meters above sea level. In the territory of the province, Mongolian sand in the direction of the Great Lakes, Bor Khyar sand in the middle part, about 50 percent of the total area from the west along the latitude, and scattered sand in the Tesiin river along the northern border. Zavkhan province is located in the western part of Mongolia and has 24 soums and 116 bags.

Gobi-Altai province: Gobi-Altai province is dominated by high mountain, dry steppe and desert Gobi steppe climate. The humid cold alpine and warm Gobi Desert climate is also formed in the semi-desert and high mountain peaks. There are high mountains such as Sutai, Burkhan Buudai, Alagkhaikhan, Ajbogd and Gichgene. Cenozoic sediments are also found in large pits such as Sharga, Biger, and Khuis, and the mountains are composed of Cambrian and pre-Cambrian bedrock. In the midland of Altai part there is a desert brown-gray soil, in the mountains there are mountain meadows and mountain brown soils, in the northern part there is brown soil, in the Front-Altai there are Gobi

vegetation, in the mountains there are mountain steppe and in the northern part there are steppe plants. Gobi-Altai province is located in the western part of Mongolia and has 18 soums and 87 bags.

3. Results

In the five western provinces, there are 10 Rune inscriptions and 290 Turkic period balbals, for a total of 300 monuments. Zavkhan province has 1 Rune inscription and 81 Turkic period balbals. Gobi-Altai province has 2 rune inscriptions and 17 Turkic period balbals. Bayan-Ulgii province has 3 Rune inscription and 56 Turkic period balbals. Khovd province has 1 Rune inscription and 60 Turkic period balbals. Uvs province has 2 Rune inscription and 77 Turkic period balbals. Table 1 shows the location of Rune inscriptions and Turkic period balbals by administrative unit. Zavkhan province has the largest number of 82 monuments by administrative location. As for the soum, there are 17 Turkic period balbals in Turgen soum of Uvs province (Figure 1).

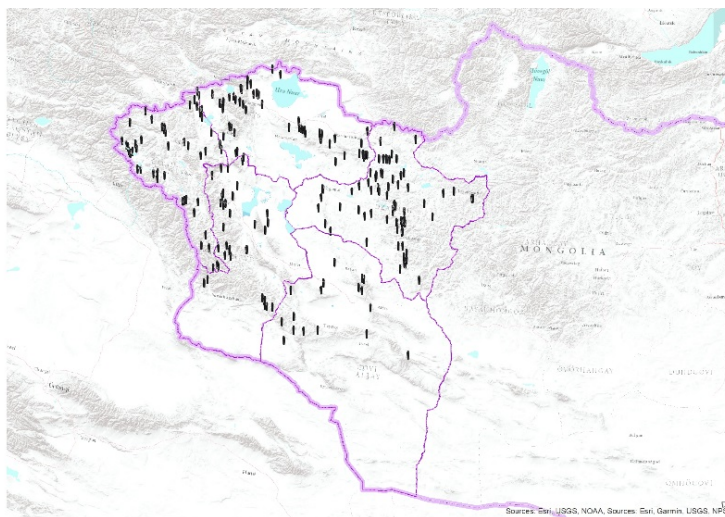

Figure 1. Marked sites of the monuments

Table 1

Number of monuments by administrative unit.

Pro-vice	Soum	Rune inscription	Turkic period balbals	Pro-vice	Soum	Rune inscription	Turkic period balbals	
Zavhan	Altar Khaan	0	4	Bayab-Olgii	Olgii	0	1	
	Bayan Tes	0	2		Altai	0	7	
	Bayar Kharkhan	0	7		Altantsogts	0	2	
	Dorvoljin	0	3		Bayannuur	0	3	
	Zavkhanmandal	0	2		Bugat	0	1	
	Ider	0	1		Bulgan	0	6	
	Ikh Uul	0	2		Deluun	0	6	
	Nomrog	0	1		Nogoonnuur	1	7	
	Santmargats	0	2		Sagsai	0	4	
	Sogino	0	6		Ulaankhus	1	6	
	Tosontsengel	0	1		Tsengel	1	13	
	Tudevtei	0	6		Khovd	Altai	1	1
	Telman	0	2			Bulgan	0	4
	Tes	1	1	Buyant		0	2	
	Urgamal	0	3	Duut		0	2	
	Tsagaankhairkhan	0	7	Mankhan		0	3	
	Tsagaanchuluut	0	5	Munkhkhairkhan		0	13	
	Tsetsen-Uul	0	6	Myangad		0	4	
	Shiluustei	0	1	Hovd		0	12	
	Erdenekhairkhan	0	4	Tsetseg		0	9	
Yaruu	0	15	Chandman	0		4		
Uvs	Baruunturuun	0	2	Erdeneburen		0	6	
	Bohmoron	1	7	Govi-Altai		Bayan-Uul	0	1
	Davst	0	2			Biger	1	1
	Zuunkhangai	0	10			Bugat	0	2
	Malchin	0	9			Darwi	0	2
	Omno-Gobi	0	2			Jargalan	0	2
	Undurkhangai	0	1			Taishir	0	1
	Sagil	1	5		Tonkhil	0	4	
	Tarialan	1	2		Togrog	0	1	
	Turgen	0	17		Khaliin	0	1	
	KHovd	0	5		Chandman	1	0	
	Khyrgas	0	10		Sharga	0	2	
	Tsagaankhairkhan	0	4					

The natural zone with the most monuments is the steppe with 89 monuments, and the zone with the fewest is real desert with only one monument. At an altitude of 1700–1945 meters, there are 27.9 % or 81 monuments of man-made stones of the Turkic period. In Tsengel sum of Bayan-Ulgii province, there is a rune inscription at the highest altitude of 3043 meters (Figure 2).

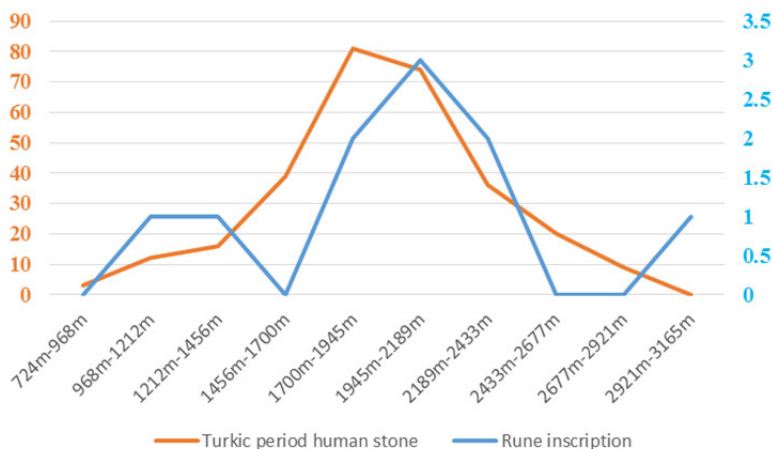

Figure 2. Altitude of monuments

From analyzing the direction, most of the Turkic period balbals face north and northeast, while a small number face east and west. Most of Rune inscription was facing northeast.

Table 2

Aspects of Monuments

Direction	Turkic period balbals	Rune inscription
North	65	2
North East	62	5
East	19	1
South East	33	0

Direction	Turkic period balbals	Rune inscription
South	41	1
South West	26	0
West	19	1
North West	25	0

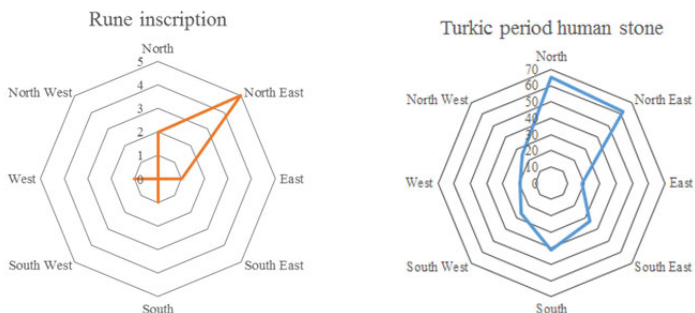

Figure 3. Aspects of monuments

Most of the Turkic period balbals were in mountain soil with it being 141 monuments, the number of monuments in other types of soils is in Table 4 and the lowest was in bare soil with only 4 monuments. Rune inscription were the found most in the mountain soils with 6 monuments, while the lowest was in mountain and hill soils with only 1 monument.

There are 2 Strictly Protected Areas and 9 National Parks in the study area, for a total of 53 monuments. There are 56 monuments in 31 places out of 256 local special use sites. There are total of 109 monuments in the state and local special use areas.

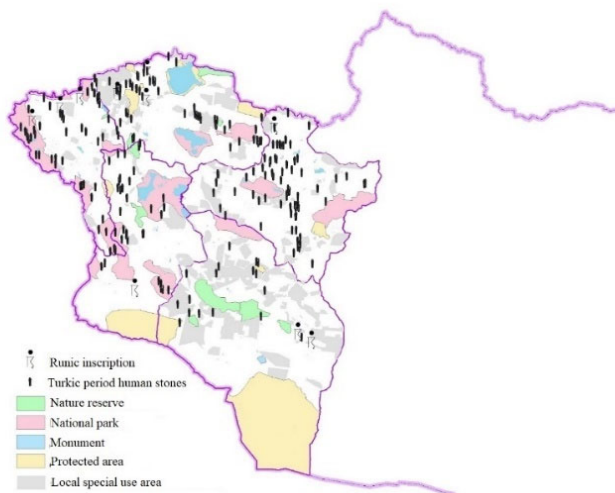

Figure 4. Special protected areas and monuments

4. Conclusion

The stone man are discovered not only in the territory of Mongolia, but also in our neighboring countries' border areas such as Tuva and Altai of Russia and Inner Mongolia and Xinjiang of China.

The spatial distribution of the Turkic period human stone and Rune inscriptions, which are part of the immovable cultural heritage, was analyzed by administrative units, natural zones, elevations, elevations, soil types, and protected areas, for a total of six indicators. Of the 88 soums in the five western provinces, 67 have Rune inscriptions and Turkic period balbals. From an elevation point of view, Rune inscriptions and Turkic period balbals were erected at relatively high altitudes and were usually placed on the north side.

One third of the total 109 monuments are in protected areas, and the rest are unprotected and more vulnerable to damage and looting. Therefore, these monuments should be taken into account and protected. Spatial analysis of other cultural real estate needs to be further collected.

References

1. *Ester J.* Joint Mongolian/America/Russian project. The petroglyphic complex: Tsagaan Salaa/Baga Oigor, northwestern Bayan Ölgii Aimag, Mongolia 1994–2005. University of Oregon, 2000.
2. *Campiani A. Lingle A., Lercari N.* Spatial Analysis and Heritage Conservation: Leveraging 3-D Data and GIS for Monitoring Earthen Architecture. *Journal of Cultural Heritage*. 2019. 10.1016/j.culher.2019.02.011.
3. *Dashnyam L., Ochir A., Urtnasan N., Tseveendorj D., Gongorzhav G.,* Historical and cultural monuments in Mongolia (Thematic directory), University of the Humanities Ulaanbaatar, 1999. 286 p. (in Mongolian)
4. *Erdenebat U.* Methods of Basic Archaeological Research. Ulaanbaatar: Bitpress, 2012. 370p (in Mongolian).
5. *NCCH,* Atlas of Cultural Heritage Risk. Ulaanbaatar: The National Center for Cultural Heritage, 2017. 286 p.
6. *Tsendsuren Ts.* To the guardians of immovable historical and cultural monuments. A handbook for governors at all levels, state environmental inspectors, and cultural workers. Ulaanbaatar: Sodpress, 2008. 354 p. (in Mongolian).
7. *Tseveendorj D., Bayar D.* Preservation and protection of immovable historical and cultural monuments in Mongolia. Ulaanbaatar, 2006. 260 p. (in Mongolian).

8. *Tseveendorj Ts., Bayar D., Tserendagva D., Ochirkhuyag Ya.* Mongolian Archeology. Mongolian Academy of Sciences, Institute of History, 2003. 255 p. (in Mongolian).

9. *Tseveendorj D., Turbat Ts.* Archaeological monuments of Mongol Altai Ulaanbaatar, 2009 (in Mongolian).

CHANGES AND TRENDS IN MONGOLIA'S ANIMAL PROTECTION ETHICS

Munkhtseren Z., Dashdorj O., Chuluudai B. (Ulaanbaatar, Mongolia)

Abstract: Mongolians are people who have created a culture and history that is exemplary to other nations in terms of respect for nature, mountains, water, plants and wildlife. In addition, it has been reflected in the written laws issued by the state and has been passed on to future generations by loving wildlife and nature. Mongolians have long protected animals in all possible ways, including quarantine, compassion, worship and state law.

Our people have long been one of the few nations in the world to have regarded nature as the basis of existence, to observe its laws, to understand its natural evolution, and to have mastered and passed on to nature the animals, grasses, and the environment. However, the decline of endangered species and ecological imbalances in recent years is due not only to global problems but also to the immoral activities of citizens. We tend to believe that it is our duty today not to destroy animals, not to change the environment, to love and learn from traditional teachings, to understand that they are an essential part of our lives, and to love the environment and learn about sustainable development.

Keywords: animal ethics, animal worship, animal rights, traditional teachings, sustainable development.

ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В ЭТИКЕ ЗООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОНГОЛИИ

Мунхцэрен З., Дашдорж О., Чулуудай Б. (Улан-Батор, Монголия)

Аннотация: Монгольскому народу удалось создать культуру и историю, которая может стать примером для многих других наций в том, что касается защиты природы, гор, воды, растений и диких животных. Указанные вопросы отражены в законодательстве страны, проводится работа по передачи будущим поколениям любви к дикой природе. Монголы всегда защищали животных, используя для этого разнообразные средства – карантинные мероприятия, эмоциональные контакты, поклонение животным, создавали правовые основы для такой защиты. Наш народ долгое время был одним из немногих в мире, рассматривающих природу в качестве основы существования, исследующих ее законы и особенности

развития, овладевающих знаниями и охраняющих животных, растения, окружающую среду. В то же время, сокращение численности вымирающих видов животных и растений, экологический дисбаланс, происходящие в последние годы, вызваны не только глобальными проблемами, но и в значительной степени неподобающим поведением граждан. Мы искренне верим, что наш долг сегодня не допустить уничтожение животных, не разрушать окружающую среду, любить и учиться у народных традиций, понимать, что они являются важной частью жизни, рассматривать экологические проблемы в контексте устойчивого развития.

Ключевые слова: *этические основы защиты животных, поклонение животным, права животных, традиционные методы обучения, устойчивое развитие*

For the last 30 years of the twentieth century, countries around the world have been debating the model of human development as sustainable development. Sustainable development is the principle of meeting one's needs following the capacity of the ecosystem. This means that we have the right to live well and that future generations have the right to live well so that we can meet our own needs without destroying the ability of future generations to meet their own needs. Therefore, sharing the best practices of each country with the environment will be important for the realization of the concept of sustainable development.

For Mongolians, «environmental protection» means protecting the environment from external influences, preventing potential degradation rather than rehabilitating it in the event of degradation, living in harmony with the environment wisely, worshipping and respecting the motherland and treating it humanely. It involves the idea of loving animals and plants and conserving their resources. Mongolians have taught their descendants that the earth and the sky are complex and that human beings, who are part of the world, should live in harmony with it rather than possessing everything, which can be seen as a fundamental principle of sustainable development in many parts of the world. Many researchers have studied the traditions of the environment and animal customs, including O. Amarkhuu's work which divides the principles into five main categories¹: compassion; prohibition; doctrine; religion; observations.

¹Amarkhuu O. Mongolian customs and laws to protect the environment. UB., 2000.

From this, it is possible to elaborate on the traditional concept of animal protection in each of these areas and see how it is evolving from today's perspective.

Mongolians' tradition of protecting the environment and animals includes attitudes and behaviors towards animals, and they have experience in hunting, recognizing and managing their lives. Because of the precise timing of the animals' reproduction as well as knowledge of hair, skin, and fattening, they are hunted during the day for meat and skin with great respect and it is considered a «natural endowment.» From ancient times, Mongolians have enacted and implemented several laws to protect the environment and wildlife, and the main ideas reflected in these laws are: love for nature, protect life and prevent its extinction, follow the rules of hunting, take care of mountains and water while avoiding water pollution, rational use of land and pastures, love, and ownership of pastures.

We have inherited the teachings of fire prevention and forest protection. As a result, everyone adhered to a culture of never hunting or even disturbing infants, offspring, lactating animals, pregnant animals and endangered or newly introduced animals. Mongolians also taught their children not to kill birds in their hibernation, to destroy their nests, to dig up the nests of shy animals, and not to disturb or demolish the nests of ants. All of these are wonderful traditions of caring for and using wildlife, providing ecological education and maintaining the balance of nature. Because the vast majority of Mongolians are Buddhists, Buddhist teachings on animal protection have been important. The Buddhist ethic is based on the principle of compassion, which teaches us to love and protect all beings, from insects to the six mother species, for the benefit of all beings. We talk a lot about human rights, but we need to talk about animal rights. «Human beings and other non-human beings depend on the well-being of the environment, so we must take stock of the losses caused by our negligence in the past and take bold and decisive steps to protect the environment,»² as seen in the Buddhist declaration of nature. This seems to be the common denominator of the three concepts of Buddhism, traditional Mongolian teachings and the concept of sustainable development.

Buddhist ethics teaches that animals should be treated as human beings, which is in line with Mongolia's traditional concept of animal

² Bayarchimeg, Ch Zolzaya. M Oyungerel. D Moral tradition and modernity of Mongolian animal protection. UB, 2020. P. 143.

protection. For example, if an animal or ant's nest is destroyed, the house will be destroyed later. It is explained in connection with the suffering of human beings through the torture of animals, such as the loss of the endowment of the Khangai /spiritually natural world / world if animals are disturbed during pregnancy.

The teachings of Buddhism on love, compassion and nonviolence are important in protecting the natural rights of animals. Buddhists prefer the non-violent (ahimsa) practice, which is to refrain from killing without a reason and to create the best possible environment for animals.

The list of endangered species is growing every year, and the ecological patterns are being lost. All of this is ultimately the result of human error. As long as our greed, compassion and ignorance continue, the future of our planet will only get worse.

Respect for livestock is the basis of many forms of nomadic culture. It has been in line with Buddhist teachings to promote a more environmentally friendly way of life. For example, we have a tradition of treating animals in a timely and humane manner, such as removing hair, wool and cashmere on time, not enclosing them in manure when they are hot, preparing warm beds in cold weather, and raising orphaned offspring like children.

Animal worship and symbolism. The worship and symbolism of animals is rooted in the idea of protecting them. From ancient times the mainstay of human life has been hunting, so people have been constantly accumulating knowledge about food and essential animals. Mongolians have always loved and protected the animals of their meadows, and there have been various ways to show respect for some species. Another way to protect animals, such as deer, bears, wolves and white falcons, is to show respect and compassion when hunting.

It is claimed that the ancestral idols of nomadic Mongols are wolves as they are descended from them. Wolves are constantly attacking herders. It is customary to offer sacrifices and offerings to the gods, but it is a feature of steppe life that an idol attacks the flock of devotees. For example, there are many historical facts, fairy tales, legends and old sayings that Mongolians revered deer and wolves for their origins, patronage and virginity. The fact that the Mongols depicted animals such as deer in petroglyphs and paintings can be considered as a sign of respect.

Mongolians have always respected birds as their ancestors. Birds are rarely hunted, and their eggs are not allowed to be shaded or touched because they are believed to curse the birds and shorten their

lifespan. Birds are said to lay their eggs in the shade, so they teach their chicks to do so. There are 21 families, 204 species and 472 species of birds registered in Mongolia. There are 260 species of birds that lay their eggs in Mongolia, 49 species that migrate north and south every spring and autumn, 8 species that do not lay eggs, and 64 species that occasionally come and spend the summer.³ Therefore, bird-related rituals are quite common. For example, some tribes associate their origin with the name of a bird. The crane is one of the most cherished birds, not only in Mongolia but also in the Altai language. Mongolians observe dance-loving behaviors and rush to shout, «Cranes are cute, vultures are ugly». Teachings such as, «You can't break a crane's egg, and that bird can curse a horseman's iron pedal until it breaks,» are another way to protect animals, using real-life examples to illustrate the crane's ability to protect its offspring.

It is believed that the chirping of magpies speaks of both good and bad. That's why when the magpies are chirping, they say: «Magpies, magpies, listen to the good news». Probably, in order not to turn the news of the magpie into a bad one, people might say it softly. People who talk nonsense are told to «scream like magpies».

Kh. Nyambuu, an ethnographer, noted in his work that Mongolians have always loved and protected fish and respected the highest symbolic values.⁴ He noted that fish never close their eyes, have many offspring, and reproduce very quickly, so it is common for a Mongolian woman to create a pair of fish figures, such as earrings and ankles. In the center of the Soyombo letter, a symbol of the sovereignty and independence of the Mongolian people, there is an image of a male and a female fish, symbolizing the fish's vigilance and reproduction.

Another way of protecting animals is to give another respected name for it. For example, Mongolians call snakes «Urt Khairkhan»/long creature/, «Khairkhan»/wild life creature /, «Urt Khorkhoi»/long insect/, «Lusyn Animal», /sea creatures/ and «Unbreakable Ereen Dees»/printed rope/. There is a similar mentality among some ethnic groups that the Mongols worship the snake as a sea animal.

Abstinence. It is a tradition of quarantine and a way of instilling compassion in the minds of our descendants to make them aware of what they have to endure in dealing with nature and to maintain nature's ability to regenerate itself. Mongolians consider animals such

³ Wealth flying through the skies of Mongolia. <http://tsagtur.mn/2010-03-05-02-15-01/>. 2021.05.02

⁴ Nyambuu H. The most honorable UB, 1991.

as snakes and fish to be sea creatures. Hunting, poisoning, and trapping deer, bex, migratory birds and other rare animals were strictly forbidden.

They also avoid destroying bird nests and casting shadows on eggs. The first prey of an eagle must be caught by an elder. Eagles are released back into the wild after 10–11 years, and if they die in the ger before that, they are buried at the peak they first took. It is a popular taboo. It is considered a sin to injure and kill a hunter. Animal-related abstinence is important to protect the natural rights of animals. Scientist Sh. Choimaa commented that it is a hunter's taboo to « Hunt endangered animals and herd leaders, exterminate or over-hunt animals, hunt animals that have rare colors, hunt pregnant, young or migrating animals or to hunt wolves». It is also seen as a negative action to « capture animals during breeding and grazing, capture herd leaders, contaminate soil with the blood of slaughtered animals, make places red with blood where animals gather near water and salt marshes, torture animals while killing them and to disturb their hibernation to kill them»⁵.

Endangered species in our country are rapidly declining in number due to human activities. For example, the endangered species of Przewalski's horse, saiga, and Gobi bear are on the verge of extinction. Since 2012, the Law on Animals (revised version) and, in 2017, the Law on Animal Health are in force in Mongolia. Therefore, it is clear that legal measures have been taken. It is important to increase the legal knowledge of citizens, promote the provisions of the law, and provide ethical education to children and youth on animal protection. However, the Przewalski's horse is a good example of the recent reintroduction of an endangered species. From all this, it can be seen that Mongolians have a history of protecting their wildlife through their legal documents. We just need to follow the law, understand the details of its provisions, introduce children and young people to very rare and endangered species, and provide people with a systematic knowledge of ways to protect them in a process of lifelong education.

In recent years, the issue of animal rights, which is used in scientific experiments in the field of animal protection ethics, has received a lot of attention. In the interests of human health, many animals are tested every year and their lives come to an end. In order to determine the toxicity and effectiveness of new drugs, injections and preparations in humans, first testing them on animals is an act for the

⁵Buddhist studies. Series I. UB, 1998. 150th party.

good of man. Mongolians have a long history of respecting animals, and a modern example of this is the world's first white rat statue in 2019. The statue also reminds us that in the future we should use animals less in experiments and instead rely on human intellectual resources and new opportunities.

To protect animals, we humans need to fight climate change by reducing greenhouse gas emissions and increasing the use of renewable energy, supporting environmentally-friendly policies, actively participating in the protection of wildlife, protecting biodiversity, supporting and disseminating ethical training and research on animal protection. There is a need to take measures to promote compassion for animals.

Animals have their possessions, just as everyone has their own space. Therefore, we, as human beings, have a responsibility to understand this and to constantly study environmental and ecological education. Traditional customs, traditions, knowledge and laws to protect the environment and animals are becoming more valuable and meaningful today. Based on the progressive approach of traditional ideology, we believe that the following measures should be taken to improve the ethical education of citizens on animal protection:

1. Promote legislation governing the protection, sustainable use and reintroduction of animals.

2. Be able to name the animals and plants of the area where they live and be able to explain the customs that have protected animals based on certain sources.

3. Incorporate environmental traditions and their advances into ecological education curricula at all levels.

5. Disseminate knowledge and information about the characteristics of pets and their protection to the public.

6. Encourage the creation of works that are important for the development of animal protection thinking.

7. Establish procedures to protect the natural rights of animals during the activities of tourism organizations.

8. Tax exemptions for business entities and individuals who have contributed to animal protection.

9. Intensify the activities of civil society organizations working to protect animal rights.

10. Prevent the degradation of wildlife, protect their native lands and provide favorable conditions for their natural reproduction.

To expand conservation work, the government needs to support research to protect wildlife, pastures and health, and develop ways for

rangers and citizens to work together to help animals affected by climate change. There is a need to reintroduce endangered species globally and nationally, and to provide regular training and awareness-raising on endangered species. Finally, I would like to conclude with the idea that all animals exist in their natural order and must fulfill their role.

References

1. *Marco P.* Various newspapers in the universe. Ulaanbaatar, 1987.
2. *Nyambuu H.* The most honorable Ulaanbaatar, 1991.
3. Buddhist studies. Series I. Ulaanbaatar, 1998. 150th party.
4. Wealth flying through the skies of Mongolia. <http://tsagtur.mn/2010-03-05-02-15-01/> (дата обращения: 02.05.2021).
5. *Bayarchimeg Ch., Zolzaya M., Oyungerel D.* Moral tradition and modernity of Mongolian animal protection. Ulaanbaatar, 2020.
6. *Amarkhuu O.* Mongolian customs and laws to protect the environment. Ulanbaatar., 2000.

АНДИЖАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1898 ГОДА: ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДИСКУССИИ И В ИСТОРИОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Авазов Э. А. (Джалал-Абад, Кыргызстан)

Аннотация: В историографии истории Кыргызстана и других постсоветских среднеазиатских республик в разные времена Андижанское восстание 1898 г. в Ферганской долине трактовалось неоднозначно. Дореволюционная историография восстания теснейшим образом отражала политику властей. Управленческие круги Российской империи объявили это событие как «газават», в советской исторической литературе как очередное народное движение против царской власти, в постсоветский период как национально-освободительное движение и т. д. В данной статье мы попытаемся рассмотреть историографию и проанализировать разные интерпретации дореволюционного периода. В статье дана обстоятельная характеристика в историографии проблемы, изменения направленности и содержания ее изучения, выявлены ведущие тенденции, результаты и определены перспективы дальнейшего развития историографии истории Андижанского восстания 1898 года. Существенным признаком научной новизны статьи является переосмысление и раскрытие слабо освещенных аспектов в историографии Андижанского восстания 1898 года, например, наличие религиозного фанатизма и использование исламского фактора.

Ключевые слова: Андижан, Фергана, 1898 год, восстание, исследования, историография.

THE ANDIJAN UPRISING OF 1898: MAIN ISSUES OF DISCUSSION IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE PRE-REOLUTIONARY ERA

Avazov E. A. (Jalal-Abad, Kyrgyzstan)

Abstract: In the historiography of the history of Kyrgyzstan and other post-Soviet republics at different times, the Andijan uprising of 1898 in the Fergana Valley was interpreted ambiguously. The pre-revolutionary of the uprising closely reflected the policy of the authorities, was directly connected. The administrative circles of the Russian Empire declared this event as a «gazavat», in Soviet historical literature as another popular movement against the tsarist government, in the post-Soviet period as a

national liberation movement, etc. In this article we will try to review historiography and analyze different interpretations of the pre-revolutionary. The article provides a detailed description of the historiography of the problem, the change in direction, and the content of its study, identifies the leading trends, results and defines the prospects for the further development of the historiography of the history of the Andijan uprising of 1898. An essential sign of the scientific novelty of the article is the rethinking and disclosure of poorly illuminated aspects in the historiography of the Andijan uprising of 1898, for example, the presence of religious fanaticism and the use of the Islamic factor.

Keywords: *Andijan, Fergana, 1898, uprisings, research, historiography.*

В качестве одного из ярких примеров национально-освободительной борьбы народов многонациональной Ферганской долины против имперской системы России следует назвать восстание 1898 г., известное в исторической науке как Андижанское (событие происходило 17 мая 1898 г. в городе Андижан, ныне областной центр Республики Узбекистан – А.Э.) Руководителем восстания был один из суфийских лидеров накшибандийского течения Мухаммед Али Халиф Сабыр Сопу оглы. Он был жителем села Мин-Тюбе Маргаланского уезда Ферганской области (современное село Мархамад Республики Узбекистана). Кыргызы называли его Мадали или Йийкчи ишаном, а узбеки и таджики Дукчи ишаном, так как, согласно традиции предков, он занимался выделкой веретен, отчего и получил прозвище. Он был особенно популярен среди кыргызского населения. Среди оседлого населения некоторые представители улемов занимали оппозиционную позицию в отношении Дукчи ишана. Поэтому основная часть его мюридов (последователь, ученик – А.Э.) были кыргызами. Восстание было быстро подавлено из-за отсутствия четкой организации, плана действий и единого руководства. Однако это событие произвело колоссальное влияние на царскую политику в крае.

Несмотря на то, что восстание было при активной поддержке ферганских кыргызов, исследованию кыргызской историографии уделялось мало внимания. Цель исследования состоит в системном историографическом анализе исторической литературы, направленной на выявление позиций и взглядов авторов по проблемам Андижанского восстания.

Исходя из данной цели, автор определяет следующий круг задач:

- проанализировать работы дореволюционных авторов и определить особенности оценки Андижанского восстания исследователями дореволюционного периода;
- определить неизученные или слабо освещенные вопросы и предложить рекомендации по организации будущей исследовательской работы.

Общетеоретическую основу настоящего исследования составляет так называемый цивилизационный подход к осмыслению исторических процессов. В качестве научного инструментария исследования выступают историко-генетические и сравнительные методы.

Хронологические рамки исследования охватывают дореволюционные периоды изучения рассматриваемой темы от начала Андижанского восстания до 1917 года. Основную группу источников составляет научная историческая литература. К ней относятся опубликованные работы исследователей дореволюционного периода, оставившие информацию о ходе и результатах Андижанского восстания.

Первое официальное сообщение об Андижанском восстании 1898 года опубликовано на страницах газеты «Туркестанские ведомости» под названием «Беспорядки в Фергане». Сообщались фактические данные о выступлении, которое произошло среди общего спокойствия и посеместного благополучия населения края, в котором не было ни губительных, повальных болезней, ни продовольственных затруднений, ни мероприятий, которые могли вызвать народное волнение. Причины восстания объяснялась оживлением мусульманских идей [1]. В последующих номерах газеты сообщалось об административных мерах, принятых правительством для усмирения и расследования беспорядков, а также других подробностях восстания. Под углом зрения газавата рассматривали восстание и представители Туркестанского военного округа. Генерал-лейтенант Н. И. Корольков в своем отчете сводил восстание к религиозному лозунгу «газават», «фанатическому возбуждению туземного населения» и действиям Мадали ишана. Начальник Маргеланского уезда А. И. Бряннов в своем донесении также писал, что в основе восстания лежал религиозный фанатизм, которым, несомненно, заражено все население. Андижанские события поставили под сомнение политику «игнорирования» ислама, которую российское правительство проводило в Туркестане с 1867 года, с момента назначения Константина Петровича фон Кауфмана первым

генерал-губернатором округа. В результате С. М. Духовской, занимавший должность генерал-губернатора на момент восстания, призвал к более активной политике в отношении ислама и высказался за принятие жестких административных мер в отношении суфиев, введения административного контроля над мусульманским духовенством и тщательного наблюдения за настроениями в среде приверженцев ислама, что шло вразрез с прежним курсом. Подобные характеристики были даны восстанию и в периодической печати того времени. Этим власти стремились затушевать истинные причины восстания, направленного против колониальной политики царизма.

По поводу этого известный миссионер Н. Остроумов писал следующие: «Изложенные выше надежды и чаяния двух преемников К. П. фон-Кауфмана на обрусение туземцев Туркестанского края, на слияние туркестанской окраины с метрополией не оправдались: в 1892 году произошел крупный скандал среди туземцев гор. Ташкента, а в 1898 году вся Ферганская область была охвачена восстанием, угрожавшим спокойствию всего края... Тогда-то в первый раз и вспомнили, между прочим, о коренных туземных школах, оказавшихся не только не вымиравшими, как надеялись русские администраторы ново завоеванного мусульманского края, не признававшие мусульманскую культуру жизнеспособною» [5, с. 146].

В первоначальных исследованиях колониального периода господствует мнение о происхождении восстания на основе религиозного фанатизма. Такие версии можно оценивать как официальное мнение. В рядах сторонников официальной версии были И. П. Ювачев, Н. С. Лыкошин, М. А. Терентьев, Н. П. Остроумов и другие. В версиях, появившихся при условиях жесткой цензуры, у исследователей колониального периода намечается однородность. Основной упор при изложении антиколониальной борьбы в работах данного периода сделан на соблюдении интересов российской империи.

Например, И. П. Ювачев в своем очерке «Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая», написанном в 1907 году, упоминает Андиганское событие и придерживается официальную версию. Он пишет: «В 1898 г. подготовлено было новое большое восстание и объявлен газават против русских. Мне придется остановиться на этом восстании несколько дольше, ввиду ложного ходячего мнения, что военная администрация Туркестана, боясь потерять насиженные места, с предполагаемым переходом края в

распоряжение министерства внутренних дел, будто бы умышленно вызвала андижанскую резню, чтобы показать необходимость еще здесь военной власти. На самом же деле объявление газавата можно объяснить только религиозным фанатизмом населения страны» [11, с. 972–973].

Другой автор, Н. С. Лыкошин, считал, что газават лишь одна из причин восстания, и далеко не самая главная. По его мнению, важнейшие причины – это:» 1. Дикость ферганских киргизов. 2. Мусульманский фанатизм. 3. Дурное влияние туземных официальных лиц, настроенных против интересов России, некоторые из которых приложили свои печати к прокламации Дукчи Ишана. 4. «Каменная стена» туземной администрации, которая закрывала Туркестанскому туземному населению доступ к истинным благам русской цивилизации» [2, с. 58].

В трехтомном труде генерал-лейтенанта М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», созданном в начале XX века, Андижанское восстание описывается в рядах событий XVIII–XIX веков. Автор, прослуживший в Туркестане 40 лет, причины событий находил в ослаблении роли военных в управлении краем, слабым контролем деятельности мусульманского общества и недостаточном внимании к выборам старшин и казиев, незнании русской администрацией местных обычаев и языков.

Автор книги М. А. Терентьев свои выводы изложил в 27 пунктах по Андижанскому восстанию. Среди них автор подчеркивал следующие причины: «Привычки населения Ферганы к волнениям и беспорядкам, сопряженным с грабежами, отсутствие надзора за мусульманским духовенством и школами, свобода публичной проповеди мусульманскими миссионерами» [8, с. 487]. Большинство сторонников таких мнений не могли указать истинные причины восстания, так как они были представителями колониальной администрации. Были, однако хотя и единичные, авторы, которые стремились трезво оценить причины восстания. Отличные от официальной версии мнения встречаются, в частности, в трудах В. Салькова и анонимного автора С. Т-ова. В своем исследовании В. Сальков отмечал, что народные волнения редко бывают последствием одной причины, и невольно признавал, что целью восстания было стремление положить конец источнику мучений народа, а не по причине религиозного фанатизма. «Народные восстания редко бывают последствием одной причины, – писал он, – они отражают на себе частью сознательное, частью бессознательное стремление положить

немедленный конец всему, что в глазах мятежников представляется вопиющей неправдой и ближайшим источником их бедствий. В печати старались до некоторой степени пролить свет на причины Андиганского восстания, но, в общем, кажется, все было объяснено мусульманским фанатизмом, который всегда является объяснением непонятных явлений в общественной жизни мусульманских народов. Хотя это отчасти и правда, но главной причиной служит низкий уровень умственного развития безумцев, вздумавших угрожать палками, серпами, дубинами нашей обширной Империи. Андиганское дело лишний раз доказало, что необразованный люд и темная народная масса легко фанатизируемая посторонними влияниями, является постоянной угрозой существующему порядку» [7, с. 124].

В 1908 г., в связи 10-летием восстания, на страницах журнала «Исторический вестник» была опубликована статья анонимного автора С.Т-ова. Автор статьи отрицает доминирующее положение мусульманского фанатизма в восстании. Автор поставил конкретный вопрос: «Явилось ли это (восстание – А. Э.) следствием фанатизма изуверов или же иных причин? Официальное следствие, произведенное с целью раскрытия истинной причины восстания 1898 г., – писал он, – выяснило, что причина заключалась почти исключительно в фанатизме мусульман, имеющем в своем основании религиозную нетерпимость к своим повелителям – кафирам» [9, с. 664]. Главную причину он видел в ускорении обрусения края, чем были ущемлены религиозные интересы мусульман.

Другой автор – В. Наливкин обратил внимание на причины возникновения восстания. Основной причиной восстания он считал недостатки в деятельности колониальной администрации. Автор первый и, пожалуй, единственный из дореволюционных исследователей прямо заявил о своей непримиримой позиции в отношении существовавшего в Туркестанском крае режима правления, считая его чрезмерно жестким и подверженным коррупции. Основной причиной восстания он считал недостатки в деятельности колониальной администрации. «Мы говорили и писали по поводу восстания очень много, но ни одним словом не обмолвились о самой главной, наиболее существенной причине этого восстания (т.е. «восстание» Дукчи ишана), о тех тяжких, хронических недугах нашей официальной жизни (служебной и общественной), которые, будучи нежелательными и вредными вообще, представляются сугубо вредными и опасными на

мусульманской окраине», – пишет он [4, с136]. Здесь следует отметить, что Наливкин через несколько лет разделял взгляды Н. С. Лыкошина. Он повторил и более пространно изложил недостатки в деятельности колониальной администрации.

Таким образом в колониальном периоде Андижанское восстание во многих исследованиях оценивалась согласно представлению властей о присущем ферганским мусульманам природном «фанатизме» и вытекающей отсюда угрозе исламского мятежа и газавата. Поэтому многие представители властей и исследователи также утверждали, что это восстание свидетельствовало о новой панисламской угрозе, ссылаясь на главу восстания – духовного лидера Дукчи Ишана, на возможность сношений его с османским султаном Абдул-Хамидом II [3, с. 48].

Разразившееся в 1898 г. Андижанское восстание заставило туркестанские и центральные власти вновь задуматься о месте и роли курса Кауфмана. Мнения разделились. Часть местных администраторов настаивали на установлении контроля над мусульманскими учреждениями вплоть до создания в Туркестане мусульманского духовного управления. Некоторые чиновники поддерживали позицию действующего курса. Из указаний генерал-губернатора С. М. Духовского можно заметить то, что он был согласен с тем, что невозможно управлять народом, не зная условий его жизнедеятельности, языка и религии. В этом плане он дал особое значение место и роли русско-туземных школ. После обхода территории края в связи Андижанским восстанием губернатор, продолжив мысль первого генерал-губернатора о необходимости совместного воспитание детей русских и туземцев, приступил к политике к увеличению количества русско-туземных школ. Он поднял вопрос об организации экскурсий в Россию для мусульманских учеников. «Необходимо местных мусульманский юношей, обучающихся в русско-туземных школах и русских учебных заведениях, посылать ежегодно в каникулярное время в Россию, чтобы они воочию убедились, что представляет собой эта страна и народ ее населяющий», – писал он в своем отчете «Ислам в Туркестане» [6, 63–64]. Он так же считал необходимым введение точной регистрации всех мусульманских учреждений в крае и передаче всех мусульманских школ в ведение администрации. В страницах газеты «Таржуман» писали об этом следующее: «Генерал-губернатор Духовской поднял вопрос об организации путешествия мусульманских учеников русских школ в Россию и поручил инспектору народных училищ Граменицкому

подготовить проект. В итоге летом 18 мусульманских учеников из Самарканда посетили Петербург», – поделились информацией редакторы газеты [10].

Таким образом, открытие таких школ развивалось быстрыми темпами особенно после Андижанского восстания. Одновременно в немалом количестве открывались мусульманские учебные заведения. Правительство периодически пыталось принять меры, чтобы преградить путь к открытию новых мусульманских школ. Однако, несмотря на все ограничения, такие школы открывались в регионе повсеместно. В ответ на это появляются новые движение новометодных школ джадидизма.

Историографический анализ периода становления дореволюционной историографии показывает, что в это время в ней утвердилась исламофобийские тенденции, наряду с формированием официальной версии.

Изучив опыт и мнения дореволюционных авторов, опираясь на достижения современной историографии в заключение предлагаем следующие выводы:

- Андижанское восстание относится ко второму этапу осуществления имперской политики царизма в Ферганской долине – к этапу перехода на полноценную колониальную политику. Неправильно оценивать восстание как случайное событие. Генезис восстания заложен в характере колониальной политики и в ее в принципах поэтапности, постепенности и русификации;
- несмотря на то, что восстание возглавлялось представителем суфийского ордена накшбандии, духовным лидером Мадали ишаном, и имело воззвание к священной войне – газавату, нельзя считать основной причиной восстания религиозный фактор. В то же время нельзя отрицать религиозные цели представителей духовенства, принимавших участие в восстании. Воззвание к газавату имело место и в событиях до Андижанского восстания;
- современная историография вопроса должна обеспечить преемственную связь в развитии исторической мысли, определить ее перспективы на каждом конкретном направлении и не допустить доминирования некоторых тенденций фолк-истории, которые в разной степени проявляются в процессе становления национальной истории.

Литература

1. Беспорядки в Фергане. Туркестанские ведомости. № 37(1665).
2. *Лыкошин Н. С.* К десятилетию Андижанской резни // Исторический вестник 1908. № 5. С. 52–59.
3. *Мориссон А.* Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия андижанского восстания // Tartaria Magna. 2013 № 2. С. 48.
4. *Наливкин В.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: А. Л. Кирснер, 1913. 144 с.
5. *Остроумов Н. К.* Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. В кн.: Кауфманский сборник. М., 1910. 189 с.
6. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором Гофмейстром графом К. К. Паленом // Сельское управление. Русское и туземное. СПб. Сенаторская типография. 1910. 226 с.
7. *Сальков В.* Андижанское восстание 1898 г. Казань 1908. 130 с.
8. *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии. СПб. 1906. Т. 3. 499 с.
9. *Т-ов. С.* Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908. № 5. С. 659–670
10. Туркистан валийсиниг гозал Тадбири (Хорошее решение губернатора Туркестана) // Таржуман, 1899. № 40. С. 1.
11. *Ювачев И. П.* Курбан-джан датка каракиргизская царица Алая» // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 954–980.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Андриянова Т. В., Шевлякова А. Н. (Курск, Россия)

Аннотация: Каждая организация стремится повысить уровень эффективности в деятельности своих сотрудников, однако, прежде чем использовать методы, успешно показавшие себя в других странах, нужно удостовериться, что они подойдут отечественной модели. В статье рассматриваются отличительные черты мотивации работников в российских компаниях по сравнению с зарубежными. Проанализировано влияние данных особенностей на деятельность организаций, а также выявлены слабые стороны системы мотивации, существующие в России, и приоритетные направления в мотивационных программах для российского персонала.

Ключевые слова: мотивация, персонал, производительность труда, эффективное использование труда, управление.

FEATURES OF PERSONNEL MOTIVATION IN RUSSIA: PROSPECTS OF MANAGERIAL INFLUENCE AND NATIONAL SPECIFICS

Andriyanova T. V., Shevlyakova A. N. (Kursk, Russia)

Abstract: Each organization strives to increase the level of efficiency in the activities of its employees, however, before using methods that have proved successful in other countries, you need to make sure that they are suitable for the domestic model. The article discusses the distinctive features of employee motivation in Russian companies compared to foreign ones. The influence of these features on the activities of organizations is analyzed, as well as weaknesses of the motivation system that exist in Russia and priority areas in motivational programs for Russian personnel are identified.

Keywords: motivation, personnel, labor productivity, effective use of labor, management.

Чтобы добиться высоких результатов в повышении производительности труда, каждая организация должна мотивировать своих сотрудников к росту трудовой активности. Разные компании выбирают разные системы мотивации,

подходящие для их бизнеса, однако, разрабатывая собственные модели, они могут брать за основу зарубежный опыт, который не всегда работает в российских реалиях. Поэтому менеджменту организаций необходимо учитывать национальные особенности персонала [1; 2; 10; 11].

Для того, чтобы разобраться в отличительных чертах мотивации отечественных работников, обратимся к истории. На протяжении длительного периода времени труд в России не оплачивался. Ведь сначала был период крепостного права, когда большая часть населения работала на феодалов. Только в постреволюционный период в стране начинают зарождаться основы мотивации, основанной на нематериальном стимулировании, то есть эффективность труда повышалась из-за идеологической составляющей, пропагандируемой государством. Например, «стахановское» движение, во время которого рабочие, колхозники, инженерно-технические работники многократно превышали установленные нормы производства [5].

После распада СССР начинают формироваться методы управления персоналом, которые используются некоторыми организациями до сих пор. Изменения данных методов начали происходить, так как изменилась структура организации труда. Сотрудники начинают часто менять место работы, требования к компетенциям и объем работ увеличиваются. Поэтому выстраивается система партнерских отношений между персоналом и руководством. Также основным мотивационным средством становится материальное стимулирование. Данная концепция остается и по сей день. Например, как показывают исследования, самой большой мотивацией для сотрудника, который собирается уйти из компании, является повышение заработной платы.

Несмотря на то, что многие зарубежные компании, основываясь на теоретическом и практическом аспектах, делают упор на нематериальное стимулирование, в России на большинстве предприятий присутствует только материальная мотивация. Как показывает отечественная практика, именно премиальная часть находит наибольший отклик сотрудников, когда необходимо увеличить эффективность или объем выполняемых работ. Возможно, такая система мотивации и является причиной низкой производительности труда по сравнению с другими развитыми странами [6]. Также учеными отмечаются еще ряд причин низкой производительности труда в российских компаниях.

Из-за различий культуры, менталитета, условий труда системы мотивации в России и в других странах разительно отличаются. Главным отличием является попытки стандартизации и уравнивания заработной платы сотрудников, то есть системы оплаты труда зачастую формируются одинаковыми для всех, не учитывая, как работа каждого сотрудника влияет на развитие всей компании. На практике часто можно встретить, как сотрудники, обладающие разными компетенциями, уровнем квалификации или сроком, в течение которого работают на компанию, находясь на одной должности, получают одинаковый оклад. Еще одной проблемой в оплате труда является выплата премий независимо от результатов труда, и зачастую данный вид поощрения воспринимается сотрудниками как должное [3]. Это приводит к тому, что необъективно оцененная заработная плата становится фактором, который приводит к незаинтересованности персонала к результатам деятельности как своей, так и всего коллектива и компании в целом, что ведет к снижению социальной и творческой активности.

Представленные ранее данные можно подкрепить результатами исследования компании Kelly Services, которые были проведены в российских организациях. Достаточно сказать, что только 38,4 % опрошенных ответили, что действующие критерии оценки учитывают результаты труда, 50,3 % – учитывают это частично, 11,3 % – не учитывают.

В зарубежных компаниях все чаще можно встретить сотрудников, которые развиваются в рамках неспециализированной карьеры. То есть продвижение персонала организации по карьерной лестнице происходит вследствие смены специальности или профессии [4]. Такой вид смены деятельности наиболее релевантен для работников, занимающих впоследствии руководящие должности, так как они становятся профессионалами в разных сферах деятельности компании. Данный опыт является еще одной отличительной особенностью мотивации в России, так как на отечественных предприятиях он практически не осуществляется. Что пагубно влияет на деятельность компании, ведь работа в других отделах дает сотруднику более интересные задачи, что, как отмечают треть работников, влияет на их мотивацию.

Согласно исследованиям (см. таблицу 1), наиболее весомой в мотивации сотрудника является заработная плата, однако, масштабные задачи и комфортная атмосфера также во многом

влиять на желания сотрудника оставаться работать в компании и вносить вклад в ее развитие посредством своей трудовой деятельности [7]. Также из исследования видно, что с годами для персонала важным стало наличие карьерного роста, поэтому отечественным предприятиям стоит перенять практику зарубежных компаний и использовать способ неспециализированной карьеры. Еще можно отметить, что очень маленький процент сотрудников негативно относятся к переработкам, что тоже можно отнести к особенностям российского процесса труда.

Таблица 1

**Результаты опроса сотрудников российских компаний
за 2017–2019 гг.**

Мотивация к работе	2017	2018	2019
Уровень оплаты труда и соц. пакет	64 %	72 %	68 %
Комфортная атмосфера	36 %	35 %	39 %
Возможности карьерного роста	23 %	34 %	36 %
Масштабные и интересные задачи	40 %	32 %	28 %
Репутация компании	16 %	19 %	18 %
Возможность обучения	16 %	15 %	14 %
Отсутствие переработок	3 %	4 %	4 %

Еще одной особенностью является социальная мотивация трудовой деятельности. Возможно, на данную систему повлияло социалистическое прошлое страны, так как такой вид стимуляции осуществляется для всего персонала одинаково, и он не зависит от результатов труда сотрудника. Всем работникам предприятия предоставляется социально-бытовая база, которой владеет организация, это могут быть, например, базы отдыха, лечебно-профилактические учреждения, абонементы в фитнес-залы, и всем этим может воспользоваться как сотрудник с высоким показателем продуктивности в трудовой деятельности, так и работник, который может никак в данной деятельности себя не проявлять [9].

В России процесс становления определенной, присущей только ей системы мотивации, еще продолжается. И хотя основным стимулирующим фактором для сотрудников все еще остается заработная плата, значение других факторов начинает расти [8]. Все больше компаний начинает создавать мотивационные программы, учитывая индивидуальные

достижения работника, его вклад в развитие компании, что помогает поощрять инициативных и эффективных сотрудников. Однако, еще многие российские предприятия не имеют индивидуальных программ для стимулирования трудовой деятельности, что снижает продуктивность коллектива, а также увеличивает затраты компании.

Литература

1. *Андриянова Т. В.* Демографический фактор управленческих решений как основа социокультурного развития региона // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием; Москва, 10 октября 2019 г.; МГУ имени М. В. Ломоносова: Сборник тезисов / под общ. ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 18–21.

2. *Андриянова Т. В.* Технологии локации культуры и культуры локации в управленческих практиках городских поселений // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. С. 54–58.

3. *Большаков А. С., Шлафман А. И., Михайлов В. И.* Современный менеджмент организаций: теория и практика. С.-Пб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2011. 370 с.

4. *Гребенцов П. А.* Особенности мотивации труда персонала промышленных // Молодой ученый. 2018. № 7 (193). С. 54–57.

5. *Морозова Е. Я.* Пути совершенствования материального стимулирования труда работников клубных учреждений профсоюзов // Сборник научных трудов. Вопросы экономической деятельности культурно-просветительских учреждений. Ленинград, 1984. С. 66–75.

6. *Панфилова Н., Маркова Ю.* Как управлять производительностью труда в условиях кризиса // Управление производством. 2009. № 1. С. 31.

7. *Родионов Д. Г.* Преодоление бедности как основное условие повышения уровня жизни населения региона // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2008. № 3. С. 132–137.

8. *Спиридонова К. А.* Взаимосвязь производительности труда и фонда заработной платы // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 71–74.

9. Шлафман А. И., Бачин Д. А. Методы обучения действием и коучинга в развитии персонала // Мир экономики и права. 2014. № 1–2. С. 40–45.

10. *Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F.* Organizations of regional culture in assessments of quality of services // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2018, Vol. XXXV (35). P. 35–42 DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.5>.

11. *Andriyanova T. V., Kirnosova E. N., Starodubtseva I. F.* Government order and its significance in the work of the regional cultural establishments // Proceedings of the International Scientific Conference «Far East Con» (ISCFEC 2018). Part of series: AEBMR. ISSN: 2352–5428, volume: 47 P.175–190 DOI <https://doi.org/10.2991/iscfec-18.2019.44>

ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Баймуканов А. К. (Петропавловск, Казахстан)

Аннотация: Конституция Казахстана провозглашает светскость государства, но органы власти осуществляют регулятивные и нормативные функции в сфере межконфессиональных отношений, проводят государственную регистрацию религиозных организаций, принимают меры для предотвращения распространения радикальной идеологии. Государственная политика Казахстана направлена на сохранение стабильности в религиозной сфере, укреплению межконфессионального согласия и толерантности в обществе, демонстрирует приверженность общечеловеческим ценностям мирного развития и диалога конфессий и может послужить примером положительного опыта проведения подобной политики для других стран.

Ключевые слова: Казахстан, государственная политика, межконфессиональные отношения, глобализация.

EXPREIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN REGULATION OF INTER-CONFESSIONAL RELATIONS

Baymukanov A. K. (Petropavlovsk, Kazakhstan)

Abstract: The Constitution of Kazakhstan proclaims secularism of the State, but authorities carry out regulatory and normative functions in the sphere of inter-ethnic relations, register religious organizations, take measures to prevent the spread of radical ideologies. The State policy of Kazakhstan is aimed at the preservation of stability in the religious sphere, enhancement of inter-confessional consent and tolerance in the society, demonstrate commitment to the universal values of peaceful development and inter-confessional dialogue, which could be an example of executing such policy for other countries.

Keywords: Kazakhstan, the State policy, inter-confessional relations, globalization.

За годы Независимости Республика Казахстан признана мировым сообществом как демократическое, правовое, светское государство, сумевшее построить свою уникальную модель

межконфессионального диалога, который позволил избежать множества потрясений, так часто случавшихся в мировой истории. В республике, где на протяжении многих веков мирно сосуществовали и культурно взаимно обогащали друг друга представители различных религиозных верований, впервые созданы необходимые политико-правовые и социально-экономические основы для развития культуры и традиционных духовных ценностей казахстанского народа.

Конституция страны провозглашает светскость государства, что подразумевает его независимость от религиозных институтов. Однако, органы власти имеют право осуществлять регулятивные и нормативные функции по отношению к сфере религий, государственную регистрацию религиозных организаций, а также принимать меры по недопущению распространения в стране радикальной и деструктивной идеологии.

На заре Независимости Республика Казахстан столкнулась с проблемой организации межконфессионального диалога в стране с большим количеством конфессий, решить которую помогла грамотная в этническом и религиозном отношении государственная политика. Принятые и реализованные нормативные правовые акты в сфере регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений, противодействия религиозному экстремизму и терроризму позволили не только сохранить стабильность и диалог культур, но и укрепить их.

Государством принимаются меры по сохранению стабильности в религиозной сфере, укреплению межконфессионального согласия и толерантности в обществе, а также по формированию иммунитета населения к идеологии религиозного экстремизма в любых его формах и проявлениях. Созданные в разные годы профильные государственные органы Республики Казахстан (Агентство по делам религий, Министерство по делам религий и гражданского общества, Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития) внесли свой вклад в дело совершенствования государственной религиозной политики.

Более того, во всех регионах созданы и функционируют Управления по делам религий, которые реализуют государственные функции на уровне областей, столицы и городов республиканского значения.

На сегодняшний день законодательство определяет большой круг вопросов деятельности религиозных организаций, к примеру, миссионерская деятельность, порядок проведения религиозных

мероприятий, строительство культовых сооружений, религиозно-ведческая экспертиза распространяемой религиозной литературы.

Глобализация, в последние десятилетия охватившая весь мир, способствует безусловному возрастанию роли религии и религиозных организаций в политике, приданию религии роли одного из важнейших факторов геополитики в мире, однако это приводит к резкому росту распространения радикальной идеологии. Все страны мира испытывают риск завоза в страну радикальной идеологии, приезда миссионеров, которые могут развернуть свою прозелитическую деятельность среди населения.

Кроме того, ввиду широкого распространения глобальных коммуникационных технологий, возможность экспорта радикальных взглядов в Казахстан из-за рубежа как никогда велика. Одним словом, сегодня правительства стран испытывают проверку на прочность со стороны религиозного экстремизма, а их службы противодействия радикальной идеологии ведут борьбу на опережение с радикальными религиозными организациями, желающими проникнуть в страну.

Проводимые в Казахстане Съезды лидеров мировых и традиционных конфессий позволили стране позиционировать себя как площадку, где происходит диалог культур и обмен мнениями, вырабатываются общемировые тренды в сфере международной религиозной политики. На сегодняшний день Казахстан собрал шесть съездов, уровень представленности конфессий на которых довольно высок (в разное время приняли участие заместитель генерального секретаря Всемирной исламской лиги, Патриарх Московский и Всея Руси, президент Папского Совета по межрелигиозному диалогу Святого Престола, генеральный секретарь Всемирного сообщества буддистов и др.).

Анализ действующего законодательства в религиозной сфере демонстрирует некоторое отставание правовых норм от современных реалий, более того, необходимо отметить, что законодательство обязано опережать постоянно и быстро меняющуюся ситуацию и оперативно реагировать на новые вызовы.

Сегодняшняя ситуация требует совершенствования правовых механизмов регулирования религиозной сферы. Необходимо принятие новых документов, регламентирующих деятельность государственных органов, религиозных объединений, организаций гражданского общества, направленную на недопущение распространения радикальной идеологии. Кроме того, необходимо четко определить форму, субъекты, нормы профилактики и

недопущения импорта, закрепления и распространения в стране террористических и экстремистских организаций.

Основные усилия государства должны быть сосредоточены на следующих задачах: упрочение светских устоев государства, обеспечение прав граждан на свободу совести; развитие единой системы работы государственных органов всех уровней и институтов гражданского общества по реализации государственной политики Республики Казахстан в религиозной сфере, направленной на продвижение светских принципов государства, противодействие религиозному экстремизму.

Особую роль в формировании гармоничного межрелигиозного диалога играет гражданское общество, поскольку во многом вопрос гражданской идентичности и отношения к религии с позиций светскости и толерантности может быть сформирован посредством работы институтов гражданского общества.

Безусловно, важнейшими задачами государства являются сохранение внутривластной стабильности, налаживание межконфессионального диалога, формирование гражданской идентичности. Формой реализации государственного стремления является правовое обеспечение деятельности гражданских институтов, в том числе религиозных объединений, отвечающее требованиям времени. Необходимо на постоянной основе приводить Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» и иные нормативные правовые акты в соответствие с новыми реалиями в части совершенствования контроля за исполнением законодательства в религиозной сфере, недопущения проведения незаконных религиозных собраний и проповедничества.

Как показывает современное развитие мировой экономики, сегодня именно светские государства с многоэтничным и поликонфессиональным населением являются примером экономически успешных стран. Светские государства являются лучшими странами для инвестиций и притока иностранного капитала. Казахстан ориентирован на строительство сильной экономики, являющейся самым важным компонентом социального благополучия населения, стабильности и процветания государства. В этой связи у Казахстана как светского государства есть все возможности для стабильного развития и экономического процветания.

Многие страны мира столкнулись с проявлениями религиозного экстремизма и деятельностью радикальных организаций, которые незаконно ведут свою деятельность, получая финансирование из-за

рубежа. Подобная деятельность приводит к расшатыванию властных структур, подрыву авторитета власти и, самое важное, прав человека на свободу совести и принципов верховенства гражданского законодательства.

Общая деятельность мирового сообщества в решении вопросов недопущения функционирования экстремистских организаций, к сожалению, недостаточна, поскольку во многом определяется геополитическими интересами мировых держав. Роль нашей страны как активного проводника идеи межконфессионального диалога, в этой связи резко возрастает, позволяет обратить внимание мировых лидеров на глобальную проблему роста экстремистских настроений.

Существующая в Казахстане система межконфессионального диалога, безусловно, является неотъемлемой частью общемирового межкультурного общения, во многом вобрала мировые стандарты работы в этой сфере, однако в то же время казахстанская модель особенна, неповторима, потому как имеет свой исторический путь развития, испытала влияния множества событий, что делает существующий в Казахстане мир еще более ценным.

С учетом этого необходимо повысить персональную ответственность руководителей центральных государственных и местных исполнительных органов за эффективность реализации государственной политики в религиозной сфере, государственным и исполнительным органам принимать административные и иные меры по пресечению деятельности деструктивных религиозных течений, включая подстрекательство к религиозному экстремизму, вовлечение лиц в псевдорелигиозную деятельность с использованием насилия или угрозы насилия.

Таким образом, проводимая государственная политика в сфере регулирования религиозных отношений за годы Независимости в Казахстане демонстрирует приверженность общечеловеческим ценностям мирного развития и диалога конфессий и может послужить примером положительного опыта проведения подобной политики для других стран.

Литература

1. *Косиченко А. Г., Курганская В. Д., Нысанбаев А. Н., Бегалиев Н. К.* Взаимодействие религий в Республике Казахстан. Алматы: Центр гуманитарных исследований, изд-во «Искандер», 2006.

2. *Артемов А. И., Цепкова И. Б.* Исследование аспектов формирования гражданской идентичности этносов Казахстана. Алматы, 2009.

3. *Цепкова И. Б., Артемов А. И.* Иерархия идентичной структуры граждан Казахстана (этническая, религиозная и гражданская). Алматы, 2009.

4. *Бурова Е. Е., Косиченко А. Г.* Актуальные проблемы развития религиозной ситуации в Республике Казахстан / Под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2013.

5. *Воронцова Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е.* Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования, № 11 – 1995.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНТЕНТ КНИЖНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ
Н. В. КОЧЕШКОВА И Г. А. ОТАИНОЙ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНОКУЛЬТУР ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Баубекова С. А., Сырцева Т. И. (Владивосток, Россия)

Аннотация: Одним из направлений книговедческой деятельности сектора научных исследований Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) является раскрытие информационного контента фонда редких изданий Научной библиотеки ДВФУ для студентов, преподавателей и всех интересующихся вопросами истории развития и взаимодействия этнокультур евразийского пространства. Этим обоснован интерес к владельческим книжным коллекциям известных дальневосточных ученых-этнографов Николая Владимировича Кочешкова и Галины Александровны Отаиной. Результаты исследования этих коллекций отражаются в публикациях, докладах на конференциях различного уровня, студенческих мероприятиях, в лекториях Научной библиотеки и других формах и методах работы с целью продвижения в научно-образовательный процесс университета уникальной информации об этнокультуре народов евразийского пространства. В аналитике методической работы представлены данные за период с 2017 по 2021 годы.

Ключевые слова: Н. В. Кочешков, Г. А. Отаина, владельческая книжная коллекция, исследования этнокультур, евразийское пространство, этнокультуры, методы и формы продвижения информации.

INFORMATION CONTENT OF THE LIBRARIAN'S COLLECTION BY
N. V. KOCESHKOV AND G. A. OTAINA FOR THE STUDY OF
ETHNOCULTURES OF THE EURASIAN SPACE

Baubekova S. A., Syrtseva T. I. (Vladivostok, Russia)

Abstract: One of the areas science activities of the scientific research sector of the Far Eastern Federal University Scientific Library (DVFU) is the disclosure of the information content of the fund of rare editions of the Scientific Library of the DVFU for students, teachers and all interested in the history of development and interaction of ethnocultures of the Eurasian space. This is justified by the interest in the ownership of book

collections of famous Far Eastern ethnographers Nikolai Kocheshkov and Galina Otaina. The results of the study of their librarians collection are reflected in publications, reports at conferences of various levels, student events, lectures of the Scientific Library and other forms and methods of work in order to promote unique information about the ethnoculture of the peoples of the Eurasian space in the scientific and educational process of the university. The methodical analysis presents data for the period from 2017 to 2021.

Keywords: *N. V. Kocheshkov, G. A. Otaina, owner's book collection, ethnoculture research, Eurasian space, ethnoculture, methods and forms of information promotion.*

Читальный зал редких изданий Научной библиотеки ДВФУ предоставляет открытый доступ к восьми владельческим книжным коллекциям известных ученых. В их числе – этнографические личные книжные собрания Николая Владимировича Кочешкова (1928–2003) и Галины Александровны Отаиной (1931–1995).

Доктор исторических наук, профессор ДВГТУ, искусствовед, этнограф Н. В. Кочешков родился 28 мая 1928 года в Ленинграде. В 1950 году окончил Ленинградское художественно-графическое педагогическое училище, а в 1957 году поступил в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, где изучал теорию и историю искусств. Здесь же был зачислен в аспирантуру. Научным руководителем Н. В. Кочешкова стал крупнейший специалист по культуре и искусству народов Сибири доктор исторических наук С. В. Иванов. По ходатайству профессоров А. П. Окладникова и С. И. Руденко аспирант был послан на длительный срок в этнографическую экспедицию в Монголию, где собрал обширный и уникальный материал по этнографии и народному творчеству монголов, изучил монгольский язык. В ноябре 1966 года Николай Владимирович защитил кандидатскую диссертацию «Современное монгольское народное искусство и его художественные традиции». В соответствии со своими научными интересами, Н. В. Кочешков приехал во Владивосток и начал работать во вновь созданном Отделе истории народов Дальнего Востока Сибирского отделения АН СССР, который возглавлял известный ученый А. И. Крушанов. Началось активное участие Н. В. Кочешкова во всех дальневосточных этнографических экспедициях, в которых он изучал культуру и искусство нанайцев, ульчей, орочей. Николай Владимирович продолжал

самостоятельные экспедиции по основным районам расселения монголоязычных народов России – в Бурятию, Агинский автономный округ, Калмыкию. В 1981 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Этнические традиции в декоративном искусстве монголоязычных народов МНР и СССР (XIX в. – середина XX в.)» в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Было опубликовано свыше 450 авторских научных трудов Н. В. Кочешкова по различным проблемам этнографии, искусства, монголоведения, истории международных отношений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Ученый был удостоен ряда правительственных наград и в 1999 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» [1].

Владельческая книжная коллекция Николая Владимировича Кочешкова, главного научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН была передана в дар Научной библиотеке ДВГУ 3 июня 2004 года по завещанию ученого его вдовой Ниной Ивановной Кочешковой.

Книжное собрание содержит более 1400 экземпляров научных изданий, в том числе – 40 раритетов [2, с. 88], вышедших из печати до 1945 года, среди них – издания А. М. Позднеева «Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 2. Дневник и маршрут 1893 г.» (Санкт-Петербург, 1898), В. Г. Богораза «Чукотские рисунки» (Санкт-Петербург, 1905?), П. К. Козлова «По Монголии до границ Тибета» (Санкт-Петербург, 1905) и «Кам и обратный путь» (Санкт-Петербург, 1906), А. Н. Казнакова «Мои пути по Монголии и Каму» (Санкт-Петербург, 1907), Б. Э. Петри «Орнамент кудинских бурят» (Петроград, 1918), Г. Ц. Цыбикова «Буддист паломник у святынь Тибета: по дневникам веденным в 1899–1902 гг.» (Петроград, 1919), Л. Я. Штернберга «Краткая программа по этнографии» (Верхнеудинск, 1927), С. В. Иванова «Л. Я. Штернберг и примитивное искусство» (Москва, 1930), «Искусство народов Сибири» (Ленинград, 1930), С. В. Иванова «Орнаментированные куклы ольчей» (Москва, 1937), «Джангар: калмыцкий народный эпос» (Москва, 1940), Н. С. Державина «Происхождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского» (Москва, 1944); а также 173 экземпляра с автографами и дарственными надписями коллег Николая Владимировича Кочешкова [2, с. 88].

Особый интерес вызывает экземпляр, изданный на китайском языке, посвященный изобразительному искусству: 黑龙江流域民族

的造型艺术 / 孙运来编. - 天津: 天津古籍出版社: 天津古籍出版社, 1990. - 351 с. Книга содержит надпись помощника директора, научного сотрудника лаборатории Ассоциации международных национальностей Китая Цзилинского Института Национальностей Сунь Юнь-лай: «Ученику С. В. Иванова Н. В. Кочешкову на добрую память об учителе. Сунь Юнь-лай 孙运来 27.7.1996 г.» (<https://www.dvfu.ru/library/exhibitions-online/KocheshkovNV.pdf>).

Книжная коллекция отражает научные интересы ученого по искусствоведению, востоковедению, истории, археологии, географии, этнографии, филологии. Важное место в ней отведено научным трудам владельца коллекции: монографиям, отдельным отпечаткам статей из научных сборников, рецензиям, учебным и методическим пособиям, методическим рекомендациям к программам по спецкурсу, таблицам этнографических рисунков, созданным Н. В. Кочешковым. На сегодняшний день эти издания единичны и уникальны. «В своих научных исследованиях Н. В. Кочешков детально и многосторонне рассматривает этнические традиции в декоративном искусстве народов Севера, Дальнего Востока России, Бурятии, Монголии, рассуждая о традиции как о явлении, присущем всем сторонам жизни человеческого общества» [4, с. 95–96].

Также в книжном собрании Н. В. Кочешкова имеются археографические ежегодники, учебники, монографии, сборники конференций, альбомы по истории, культуре и искусству народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, Средней Азии, Монголии, Кореи, Китая, Тибета, Индии, Непала. Эти издания востребованы студентами, изучающими историю коренных народов Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, их этнографию, архитектуру, скульптуру, живопись и т. п. Интересна справочная литература по истории российской этнографии, где рассказывается о самоотверженных ученых-этнографах, живших в период XVII–XX вв. Очерки об исследователях, посвятивших свои труды народам евразийского пространства, расположены в алфавитном порядке, что облегчает читателям поиск необходимой информации.

Более подробно структура коллекции представлена главным библиотекарем сектора научных исследований Татьяной Ивановной Сырцевой в «Рекомендательном тематическом библиографическом указателе по мемориальной владельческой книжной коллекции доктора исторических наук профессора

Николая Владимировича Кочешкова: из фонда редкой и ценной книги НБ ДВФУ» (Владивосток, 2016), размещенном в электронном хранилище Научной библиотеки ДВФУ (<http://elib.dvfu.ru/vital/access/manager/Repository/fefu:2366>).

Такие указатели «помогают сотрудникам библиотеки удовлетворять разнообразные информационные запросы по истории и традиционным культурам малочисленных коренных народов Дальнего Востока, а также региональным межкультурным контактам» [3, с. 434].

Специфика некоторых изданий из книжной коллекции Н. В. Кочешкова освещалась в докладах сотрудников сектора научных исследований в материалах Первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» (Уфа, 2019): Т. И. Сырцевой «Личная книжная коллекция Н. В. Кочешкова в Научной библиотеке ДВФУ как источник по истории культуры тюрко-монгольских народов»; С. А. Баубековой «Деятельность Дальневосточных востоковедов по обеспечению информационными ресурсами тюрко-монгольского мира»; Н. В. Шаминой «Деятельность Научной библиотеки ДВФУ по продвижению в образовательный и исследовательский процессы информационного наследия о тюрко-монгольском мире».

В рамках I Международного симпозиума ученых-востоковедов памяти Г. Ц. Цыбикова, организованного 22 ноября 2018 года Дальневосточным федеральным университетом, Дальневосточным региональным научным центром РАО Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, при поддержке Приморского краевого отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края, прошла презентация репринтов уникальных изданий Гомбожаба Цэбековича Цыбикова с дарственной печатью Н. В. Кочешкова Научной библиотеки ДВГУ. В этих изданиях отражены основные результаты экспедиций профессора Восточного института Г. Ц. Цыбикова в столицу Тибета Лхасу. На основе источников из книжной коллекции д.и.н., профессора Н. В. Кочешкова сотрудники сектора научных исследований Научной библиотеки ДВФУ подготовили и прочитали следующие доклады: Н. В. Шамина «Российский востоковед Гомбожаб Цэбекович Цыбиков: штрихи к портрету ученого», С. А. Баубекова «Уникальная экспедиция к святыням Тибета 1899–1902 гг.: по материалам дневника Г. Ц. Цыбикова», Т. И. Сырцева «Тибетская культура по источникам

фонда редких изданий Научной библиотеки ДВФУ: к 145-летию Г. Ц. Цыбикова».

Для раскрытия информационного контента книжной коллекции Н. В. Кочешкова сотрудники сектора научных исследований применяют различные формы выставочной деятельности.

Прежде всего, коллекционные издания участвуют в ежегодных тематических экспозициях, например, в 2020 году издания по декоративно-прикладному искусству народов Дальнего Востока из коллекций Н. В. Кочешкова и Г. А. Отаиной были представлены на экспозиции «К Году народного творчества в России». В 2021 году информационный контент этой книжной коллекции рассматривается на выставке «Всемирным лучшим во мне я обязан книгам: к Году сохранения культуры народов России».

Информационные выставки также сопровождают научно-образовательный лекторий «Наши истоки: из истории освоения Дальнего Востока России» (<https://www.dvfu.ru/library/scientific-and-educational-lectures/>). Например, этнографические исследования из книжной коллекции д.и.н., профессора Николая Владимировича Кочешкова были представлены на выставке «Размышляя над прошлым, узнаешь о будущем», организованной в марте 2019 года к лекторию «Коренные народы Приморского края в начале XX века: “Удэгейцы – кто они?”» д.и.н., главного научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Анатолия Федоровича Старцева. Пристальное внимание было уделено книге «История и культура удэгейцев» (Ленинград, 1989), на обложке которой изображен орнамент удэгейцев, а в нем ясно видна стилизованная голова уссурийского тигра. В лектории принимали участие студенты, преподаватели, сотрудники ДВФУ, школьники и жители Приморского края (<https://www.dvfu.ru/library/event-of-the-year/2019-03-13/>).

С 2020 года Научная библиотека внедряет в университетское информационное пространство проект «Выставка одной книги». Идея и руководство проектом принадлежит директору Научной библиотеки ДВФУ – Сергею Геннадьевичу Соловьеву. Участниками проекта являются сотрудники сектора научных исследований, читального зала редких изданий и отдела электронной библиотеки, создающие цифровые версии уникальных изданий и открывающие к ним доступ в электронном хранилище.

В читальных залах кампуса ДВФУ (о. Русский, корпус А, 10 уровень) формируются как экспозиции на основе фонда редких

изданий, где для читателей ДВФУ выставляются раритеты и книжные памятники, так и создаются электронные презентации для информирования широкого круга пользователей Интернет. Эти издания представляют не только историко-культурную ценность, уникальная информация из них также является актуальной и востребованной на сегодняшний день для образовательного и исследовательского процессов в университете.

Книги по этнографии и этнокультуре, истории освоения Российской империей дальневосточных территорий из коллекции Н. В. Кочешкова были представлены в виртуальных выставках на странице Научной библиотеки ДВФУ (<https://www.dvfu.ru/library/book-exhibition/virtual-exhibition/>): «Лев Яковлевич Штернберг – исследователь языков и культуры коренных народов Дальнего Востока (из фонда редких изданий) в рамках информационного проекта «Выставка одной книги»»; «Казаки на Амуре» (из фонда редких изданий) в рамках информационного проекта «Выставка одной книги»; Гомбожаб Цэбекович Цыбиков «Буддист-паломник у святынь Тибета» (из фонда редких изданий) в рамках информационного проекта «Выставка одной книги».

С 2015 года на базе читального зала редких изданий в рамках проекта «Эврика» – совместной исследовательской деятельности сотрудников Научной библиотеки со студентами школ ДВФУ – осуществляется подготовка разнообразных источниковедческих статей (<https://www.dvfu.ru/library/projects/project-eureka/>) и размещение их в альманахе «Власть книги: библиотека, издательство, вуз» (рубрика «Студенческий исследовательский меридиан», с 2020 года рубрика «Эврика – Студенческий исследовательский меридиан») (<https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/>). В работе студенты анализируют источники из фонда редких изданий, в частности, материалы книжной коллекции д.и.н., профессора Н. В. Кочешкова. Например, коллекционные издания В. Леонтьева «Юному косторезу» (Магадан, 1959), Э. В. Шавкунова «Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока» (Москва, 1990) были рассмотрены в статье студента Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ Галютина Евгения Сергеевича «Косторезное дело чжурчженей (по следам научно-образовательного лектория НБ ДВФУ “Наши истоки: из истории освоения Дальнего Востока России”», выполненной под научным руководством к. и. н., доцента Е. И. Гельман и опубликованной в

альманахе под № 19–2019. Наибольшую активность в изучении информационного контента книжных коллекций д. и. н., профессора Н. В. Кочешкова и к. филол. н. Г. А. Отаиной проявляют студенты Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ в период учебной практики. Можно назвать лишь некоторые из студенческих исследований, опубликованных в альманахе «Власть книги: библиотека, издательство, вуз: работы Т. А. Пискаревой и В. Г. Скрипко «Китайские народные сказки в фонде редких изданий: сюжетная классификация» (№ 18–2018); В. Е. Гончаровой «Вьетнамский фольклор: обзор источников из владельческой книжной коллекции Г. А. Отаиной» (№ 18–2018); Р. О. Иванцова «Из истории национально-освободительной борьбы вьетнамского народа» (№ 19–2019); Т. А. Пискаревой «Исследование особенностей археологического дискурса» (№ 19–2019).

В 2021 году студентки первого курса, направления подготовки «Востоковедение и африканистика» С. А. Кель и Е. В. Морозова разрабатывают тему «Из истории монгольской династии Юань», где рассматриваются элементы этнокультуры кочевых племен и специфика ремесел приграничных народов Китая в указанный период. В своей работе первокурсницы анализируют книги и отдельные оттиски исследований Н. В. Кочешкова по истории монгольского искусства, среди них – монографии «Встречи с искусством Монголии: записки искусствоведа-этнографа» (Владивосток, 1971), «Народное искусство монголов» (М., 1973), статьи «Монгольская орнаментика и её характерные особенности» (Доклады по этнографии, вып. 4. Л., 1966), «Монгольские художественные изделия из мягких материалов (кожа, войлок, ткани)» (Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток, 1973). В сравнительном анализе также изучаются работы Е. В. Виноградовой «Современное прикладное искусство Китая» (М., 1959), Б. П. Денике «Китай» (М., 1935), Н. М. Щепетильникова «Архитектура Монголии» (М., 1960); сборник статей «Этнические и историко-культурные связи монгольских народов» (Улан-Удэ, 1983) и другие издания из книжной коллекции известного ученого Н. В. Кочешкова.

Владельческая книжная коллекция известной ученой-нивахинки, филолога, этнографа, кандидата филологических наук, составителя нивхского словаря по культуре и искусству, автора современных азбук, букварей по нивхскому языку Галины

Александровны Отаиной в Научную библиотеку поступила в 2000 г. из Государственного архива Приморского края (г. Владивосток), куда она была передана в 1995 г. сестрой Г. А. Отаиной Зоей Львовной Роник [5, с. 3].

Галина Александровна Отаина (6 июля 1931 г. – 14 декабря 1995 г.) родилась в с. Маго Нижне-Амурского района Хабаровского края. С 1948 г. Г. А. Отаина училась в педагогическом училище г. Николаевска-на-Амуре, после его окончания талантливая целеустремленная девушка была направлена на учебу в г. Ленинград. После окончания Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена в 1956 г. с красным дипломом Галина Александровна вернулась в Хабаровский край, работала в школе и преподавала в педучилище г. Николаевска-на-Амуре.

В 1965–1968 гг. она училась в аспирантуре Ленинградского института языкознания АН СССР под руководством авторитетного ученого-североведа профессора Е. А. Крейновича (ученика и последователя всемирно известного ученого-этнографа Л. Я. Штернберга) по специальности «Языки народов СССР». За годы учебы в аспирантуре Галина Александровна собрала большой материал по диссертационной теме «Качественные глаголы в нивхском языке».

Во Владивосток Галина Александровна приехала в 1968 г. после окончания аспирантуры, и с тех пор ее жизнь была связана с Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Деятельность в институте Галина Александровна совмещала с педагогической (вела методические семинары для учителей-словесников) и с работой над кандидатской диссертацией, которую защитила в 1972 г. За время работы в институте Галина Александровна участвовала в научных экспедициях по Сахалину и Нижнему Амуру, собирая материалы по нивхскому языку и фольклору. Занимаясь филологическими исследованиями, Галина Александровна изучала также народную медицину и педагогику нивхов. Г. А. Отаина являлась крупным специалистом в области языка, фольклора, культуры в целом и нивхов, и многих других народов Дальнего Востока. Интересные открытия были сделаны Г. А. Отаиной совместно с японским исследователем тунгусо-маньчжурских народностей профессором Дз. Икегами на Сахалине, в Хабаровском крае и в Японии. Американский исследователь Р. Аустерлиц доверил Галине Александровне свои материалы по нивхскому языку и фольклору. Ею было опубликовано свыше 70 работ, в том числе – монография «Качественные глаголы в

нивхском языке». С ее работами, а также научными исследованиями, написанными совместно с В. П. Недялковым, Ч. М. Таксами, В. М. Сангии, Е. А. Крейновичем, П. Я. Гонтмахером и др., можно ознакомиться в открытом доступе читального зала редких изданий.

В 1994 г. Галина Александровна была избрана членом-корреспондентом РАЕН по секции «Российская энциклопедия». Имя Галины Александровны Отаиной хорошо известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Ее работы публиковались в Японии, США, Англии, Польше [5, с. 5–6].

Коллекция включает более тысячи книг по этнографии, филологии, культуре, истории и религиям народов Азии, коренных народностей Дальнего Востока. Книжная коллекция находится в читальном зале редких изданий НБ ДВФУ. Хронологически коллекция охватывает период XX века, от его начала до середины 1990-х годов и включает, например, редчайшие издания по исследованиям различных экзотических языков мира, Азии и малых народностей России, такие как: «Юкагирский язык» Е. А. Крейновича, «Кетский язык» А. П. Дульзона, «Ительменский язык» А. П. Володина, «Самоанский язык» В. Д. Аракина, «Язык желтых уйгуров» Э. Р. Тенишева и Б. Х. Тодаева, «Язык игбо» Б. С. Фихмана, «Язык науканских эскимосов» Г. А. Меновщикова, «Грамматика нивхского языка» В. З. Панфилова и многие другие.

Здесь же можно познакомиться с книгами из серии «Народы мира. Этнографические очерки», исследованиями В. Г. Богораза «Материальная культура чукчей», Н. К. Старковой «Ительмены. Материальная культура XVIII в. – 60-е гг. XX в.», А. А. Попова «Нганасаны. Социальное устройство и верования», А. И. Мазина «Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX вв.)», Г. А. Пелих «Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории)», С. А. Арутюнова «Народы и культуры» и других авторов.

В книжном собрании Г. А. Отаиной также можно встретить книги с дарственными надписями от известных ученых, исследующих подобные пласты культуры по всему миру, что подтверждает мировое признание ученой и уникальность ее личной коллекции [5, с. 3–4].

Данное книжное собрание постоянно представляется в различных тематических экспозициях и книжно-иллюстративных выставках как в читальном зале редких изданий, читальных залах в кампусе ДВФУ на о. Русском, так и других образовательных и

культурно-просветительских организациях, где предоставляется информация об истории и культуре коренных народов Дальнего Востока. Например, экспозиция в Пушкинском театре (г. Владивосток) в сентябре 2020 г., посвященная творчеству Приморского художника А. Кацука, включала раздел книг об искусстве автохтонных народов о. Сахалина и о. Шикотана из коллекции Г. А. Отаиной.

На базе читального зала редких изданий проводятся семинары и студенческие экскурсии, в основе которых лежит знакомство с коллекцией Г. А. Отаиной по направлениям подготовки в ДВФУ: этнография, филология, культурология, искусствоведение, история, религиоведение, литературоведение, лингвистика, что способствует изучению истории евразийских этнокультур. В формате лектория «Наши истоки» лекции ученых университета и ДВО РАН сопровождаются обзором коллекции, книжно-иллюстративными выставками и электронным рекомендательным тематическим указателем по владельческой книжной коллекции Г. А. Отаиной [5]. Книжная коллекция Г. А. Отаиной представлена в электронном каталоге Научной библиотеки ДВФУ.

Подводя итоги, следует отметить, что студенты – будущие востоковеды, историки, культурологи, искусствоведы, этнографы, филологи, а также преподаватели Школы искусств и гуманитарных наук, Восточного института – Школы региональных и международных исследований, сотрудники сектора научных исследований Научной библиотеки ДВФУ, ученые, исследователи и пользователи Интернета по вопросам развития этнокультур, межкультурных коммуникаций автохтонных народов евразийского пространства имеют возможность изучать информационный контент из владельческих книжных коллекций профессора Н. В. Кочешкова и Г. А. Отаиной на основе открытого доступа в читальном зале редких изданий.

Литература

1. Николай Владимирович Кочешков: библиография научных трудов. К 75-летию ученого / ДВО РАН. Владивосток, 2003. 55 с.
2. Сырцева Т.И. Владельческая книжная коллекция Николая Владимировича Кочешкова как информационный ресурс для развития культурно-исторической привлекательности Приморского края // Краеведение как источник и ресурс развития современного общества: материалы научно-практической конференции /

Приморская краевая публичная библиотека имени А. М. Горького; ред. А. Д. Дацюк, Н. С. Иванцова. Владивосток: Дальиздат, 2017. С. 87–93.

3. *Сырцева Т. И.* Опыт Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета по созданию рекомендательных тематических биобиблиографических указателей по владельческим книжным коллекциям как сохранения культурного наследия ученых // Труды ГПНТБ СО РАН. 2018. № 13–2. С. 429–435.

4. *Сырцева Т. И.* Сохранение владельческих книжных коллекций дальневосточных ученых как регионального культурного наследия в Научной библиотеке Дальневосточного федерального университета // Труды ГПНТБ СО РАН. 2017. № 12–2. С. 90–98.

5. *Сырцева Т. И.* Рекомендательный тематический указатель по владельческой книжной коллекции Г. А. Отаиной: из фонда редкой и ценной книги НБ ДВФУ / Дальневосточный федеральный университет, Научная библиотека. Владивосток, 2015. URL: <https://elib.dvfu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000800055/SOURCE1> (дата обращения: 24.05.2021).

КУЛЬТ КОНЯ У КЫРГЫЗОВ И НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ

Бообек уулу Болот (Кочкор, Кыргызстан)

Аннотация: В данной статье рассматриваются традиции и верования связанные с конями и коневодством древних и современных кыргызов, а также сравниваются традиционные схожие параллели, этнокультурные связи между тюрко-язычными народами Саяно – Алтая.

Ключевые слова: народы Саяно-Алтая, устный фольклор, пословицы и поговорки, конь и коневодство, традиции, этнокультурные связи.

THE CULT OF HORSE AMONG THE KYRGYZ AND PEOPLES OF SAYANO-ALTAI

Bolot Boobek uulu (Kochkor, Kyrgyzstan)

Abstract: The article discusses proverbs and sayings related to horse and horse breeding, examples of ethnopedagogy mentioned in the proverbs of comparing the nature of a person and a horse, and also discusses the ethno-cultural connection of the Kyrgyz with close peoples.

Keywords: Altay Turkic peoples, oral folklore proverbs and sayings, horse and horse breeding, ethno-cultural ties.

В источниках средневековой истории кыргызов, известного как самый древний народ Средне-Азиатского края, а также тюрко-язычных народов Южной Сибири упоминается о том, что в культурно-хозяйственном быту в основном на первом месте было кочевое скотоводство, более того, можно было заметить большое развитие в этой отрасли. В местности Суджин-Даван в южной части Монголии, где когда-то жили кыргызы и позже покинули ее, на поверхности камней были найдены эпитафические письменные памятники, где написаны следующие строки: «Я, Яглакар-хан – ата, был пришелец в уйгурской земле. Я – кыргыз. Я – бойла, высокий судья. Я – озя-буйрук (приказный), счастливого Бога-тархана. Слухи и распросы обо мне и достигли до восхода и захода солнца. Я был богат. Моих загонов для скота было десять. Скота у меня было без числа». Опираясь на эти данные, можно сказать, что наивысшую границу материальных благ у кыргызов можно было определить

посредством лошадей, а точнее, узнав их количество. В еще одной из Рунических письменностей упоминается четкое число лошадей некоторых богачей: *«В государстве мои копи (шахты), мои драгоценные попоны, четыре тысячи моих лошадей»* [21].

У кыргызов обычай накладывать клеймо на лошадей проводился еще с IX–XI веков, со времен «Великого Кыргызского державия». Об этом повествует специальный сборник во времена династии Тан, названный «Танхуяо», где собраны материалы о живущих соседних кочевых народов и их лошадях. В названном источнике говорится о схожести высокогородных лошадях и знаков «эн» у цзе-гулов (кыргызов) и курканов [11].

В письменных источниках Орхоно – Енисея, являющийся общим наследием кыргызов и тюркских народов можно часто встретить такие строки: *«... Жердеки тамгалуу жылкы (мал) муңсуз (сансыз) эле»*. Еще с давних времен Алтайские кочевые скотоводы накладывали на свой частный скот знаки «эн». Для лошадей готовились специальные разные виды знаков (таңма), изготавливаемые из железа [25]. Отмечают, что с помощью собранных находок образцы знаков эн были использованы для отметки лошадей теленгитов (теле – племя төөлөс) и алтайцев. С помощью этих знаков распознавали, какому народу, племени принадлежит скот. В мире кочевников и в их понимании нападать на частный скот было высшей степенью преступления. Те, кто воровал скот безусловно приговаривались к смертной казни. В. В. Радлов отмечает, что алтайский народ оставляет свой скот свободно, а также, что нападение на частный скот, отмеченный знаком эн, считается неслыханным и невиданным преступлением [14].

Тотемические верования по отношению к лошадям у благородных алтайских народов продолжают еще издревле. Например, у кыргызов красили голову коня в красный цвет и вешали на противоположную сторону урожайного поля на кол. Есть пословица о том, что взгляд людей попал на урожай, а на красную голову коня. Если дом был хорошо построен, то рядом с ним тоже ставили на кол голову лошади, дабы не сглазили. Голову коня также ставили и на кладбищах. Если хозяин коня будто бы при его жизни обещал, что если тот умрет, то его голову поставит на кладбище [15].

У тувийцев, также как и у кыргызов, коням придавали большое значение. Известно, что была традиция ставить череп хорошего коня в пищерах или других видных местах. В одном из

пастбищ Жумгалского района есть такое место, приобретшее географическое название «Ак баштынын сазы». В вышеназванном месте в прошлых временах проводились конные скачки, на которых первый скакавший конь (ак бышты) оборвался со скалы и умер. Его голову повесили на том же месте на ель. А так как то место, с которого он слетел, было болотистым, то оно по сей день называется «Ак быштынын сазы» (Болото Ак бышты) [12].

В народных ритуалах и традициях значение лошади было огромным. В традиции сватовства сторона, которая принимает невестку, дарит сватам «баш ат». Для этого выбирают самого лучшего коня. Придерживаясь ритуала, что богатство может уйти с рук, веревку коня, которым его приводили, не отдавали. Отрывали волос с гривы и хвоста коня и привязывали к голове его белый хлопок. О значении данного ритуала в эпосе «Манас» говорится следующее: *Акиздүү, ак жол болсун! – деп, ак кебезден аяктай Марал тору башына барпайткан бойдон байлатып* [18]. В традиции дарить башат у кыргызов и хакасов есть общие этнокультурные стороны. И у хакасов в традиции сватовства стороне невесты дарят коня «*пас ат*». Выбирается самый лучший конь, на него одевают стремя из серебра, но ведут его со стороны жениха свободным, без седла. Это сопровождается весельем, и жениху дарят специальный подарок. Богатые же люди дают по два-три коня (башат) [5].

У кыргызов со стороны невесты вместе с приданным готовили также специально подобранного, украшенного серебрянным конным снаряжением самого лучшего коня. При полевых исследованиях, проводимых в Кочкорском районе, мы получили очень ценную информацию: 82 летняя жительница села Кара-Суу Шейшеева Мөлбүбү показала свое сохранившееся «конское снаряжение из серебра», которое пришло в вместе с приданным, когда она еще только вышла замуж, на самом лучшем коне (рисунок 1). В таком случае невеста была очень уважаема. Но также она добавила, что этот обряд исполняли только богатые люди [24]. У хакасов эта традиция называлась «изер ат» – с приданным девушки приносили коня вместе со всем его снаряжением. Такие схожие параллели в традиции встречается почти у всех тюркских народов [11].

Рис. 1.

- 1) Конское снаряжение, которое пришло в приданное к Шейшеевой Мөлбүбү.
 Фото автора. Кочкорский район, с. Кара-Суу, 82 года;
 2) Седло айырмач.

У кыргызов широко известны традиции и обряды, ритуалы, связанные с питьем кумыса (кымыз) (рисунки 2). В домах, в которых доили лошадей и квасили кумыс, рано утром собирались мужчины, женщины и дети всего села. Хозяйка дома готовила кумыс, мыла посуду и начинала разливать кумыс и подавать гостям с одной стороны в несколько сосудов и делала это не один раз. Вошедшим людям, не напившись кумыса, выходить из дома нельзя. Если пришедшие гости вышли не напившись досыта кумыса, то это было дело чести, и этот дом считается неблагоприятным. Вошедшие люди напившись до сыта кумыса выходят, делая бата. С начала и до конца привязи для лошадей сеют пшеницу дабы проростало и давало хороший урожай как пшеница. Перед кочевкой тоже готовится мясо и подается кумыс, с благословением убирают опору для привязи. В традиции открытия кумыса с благословением говорят такие слова:

*Кулун тай жөрөлгөлүү болсун,
 Кымызды ичкенге буюрдук,
 Желе бооң кең болсун,
 Көнөчүңө сүт толсун.
 Желе бооң кызыр даарып,
 Бүгүн кулун байладың,
 Камбар ата колдосун!
 Оомийин! [13].*

Так же, как и у кыргызов, такие традиционные праздники, связанные с кумысом или айраном имели свою принадлежность и многим народам Средней Азии и Южной Сибири. У монголов они отмечались под таким названием как «Цаган сар», у бурят «Саган сар», у тувийцев «Шага» или «Дун хойтпах». У якутов в весенне-летние периоды праздник кумыса праздновали под названием – «Тунах ысыах», так месяц июнь считался месяцем кумыса. Также у хакасов под названием «Тун пайрамы», что свидетельствовало об этно-культурных связях народов, занимающихся скотоводством [7].

*Рис. 2. С выставки фестиваля кумыса, Кочкорский район.
Фото автора. 30.07.18 г.*

В связи с большим количеством скота у кыргызов были известны несколько видов болезней. При лечении заболевшего скота использовали различные способы и старались найти пути для скорейшего излечения. В дополнение к лекарствам из трав и растений в народной медицине параллельно использовали множество ритуалов.

Сакоо – этим заболеванием болеет жеребенок. Воспалется грива жеребенка, и появляются болячки. Если давать понемногу

корма, болезнь уходит сама. Умывают печенью волка или желчью барсука либо же дают жеребенку корм к которому добавляют горькую полынь. Говорится, что у болезни сакоон есть клятвенное обещание: *«Кулунуңда бир чыгам, кулунуңда чыкпасам кунаныңда бир чыгам, эгер кунаныңда чыкпасам куу баш (өлгөн жылыкынын куураган баш сөөгү) болгондо бир чыгам»* [23]. «Появлюсь у твоего жеребенка, если не появлюсь у жеребенка, то появлюсь у годовалого коня, если не появлюсь у годовалого коня, то появлюсь у высохшего черепа умершей лошади». Как сказано в клятве, это такая болезнь, которая появится хотя бы раз в жизни лошади.

У хакасов же эту болезнь, которая появляется в виде болячки у двухгодовалого жеребенка, называли «саго», его прокалывали иглой, убирая весь гной, после чего жеребенок быстро шел на поправку [9].

В социальном культурно-хозяйственном укладе жизни кыргызов насколько высоко ценилась лошадь, настолько дорого ценились и ее снаряжение. Ярким примером этому может послужить пословица: *«Аттан айрылсаң айрыл, ээр – тоқумдан айрылба»* («Если рассташься с конем – расставайся, но с конским снаряжением не расставайся»). Поэтому кыргызский народ уделял особое внимание культуре производства, украшения и использования, а также создавали наилучшие примеры конского снаряжения в народном рукоделии. Самым главным из атрибутов конского снаряжения считается седло. Существовало несколько его видов. Седло, изготовленное для детей называли «айырмач».

Айырмач – один из видов седла, изготавливаемый для маленьких детей. Его посвящают детям возраста 4–6 лет, снаряжая им молодого коня. Переднюю и заднюю часть айырмача одинаково переплетают и соединяют, чтобы ребенок, сидя верхом на коне, не упал, по бокам вертикально прикрепляются деревянные дощечки. Переднюю часть украшают различными красивыми орнаментами. В данное время в кыргызском быте это не используется вообще [2, с. 110]. С. В. Ванштейн отмечает схожесть видов седла, используемых кыргызами в их укладе, с башкирскими, тувинскими, хакасскими и сравнивает параллели терминов. Если у кыргызов седло, посвященное ребенку, называется «айырмач», то у тувинцев можно встретить такой вид седла как «эримееш» [16; с. 524]. С. М. Абрамзон высказал свое мнение насчет вышесказанной интересной информации. Он считает, что детские айырмачи кыргызов могут иметь тесную этническую связь между древними коневодами, возможно оленеводами, с предками современных тувинских

держателей оленей, это предположение может стать ясным и довольно верным мнением для тех, кто исследует историю кыргызов [1, с. 896].

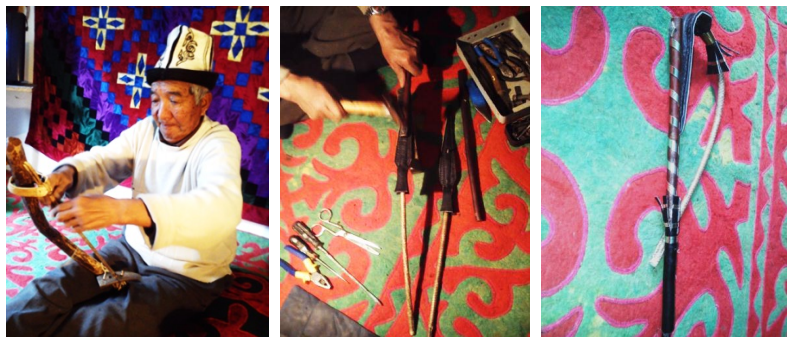
Камчы – используется для управления лошадьми и для выгона скота. По изготовлению можно поделить виды плетей для девушек и невест и мужские плети.

У кыргызов есть немало верований, традиционных обрядов, пословиц и поговорок, связанных с камчой (плетью), и вместе с этим широко встречаются примеры народного воспитания. Рукоятка «камчи» изготавливалась, как правило, из таволги (ее древесина была крепкой и прочной), в отдельных случаях из кости (голени косули). Цвет этого дерева бывает красного цвета и является одним из самых крепких видов дерева (рисунок 3). Так, сравнивая крепкость рукояти камчи в народе по отношению к мужчинам, в эпосе говорится: «*Кара аламан элиңде, Бир камчы саптык жок беле?»* [21].

Заготовка дерева с целью изготовления плети тоже проходила с соблюдением «особого правила». Так, если человек шел рубить дерево для изготовления рукоятки плетки, встречал по дороге человека, то он обязан был, согласно обычаю, срубить и принести дерево ему. При их встрече происходил такой диалог:

- Ассалому алейкум! (Мир вам!)
- Алейкум ассалом! (И вам мир!)
- Кайда бара жатасың? (Куда путь держишь?)
- Камчы сап кыйганы (Рубить дерево для рукоятки плети)
- Мага да кыя кел, жок болсо жообун айт. (И мне сруби, если нет – дай ответ) [22].

У хакасов это снаряжение называется *хамчы*, оно является не только постоянно используемым предметом, но и считается атрибутом мужчины. Было верование, что камчы (хамчы) сохранит лошадей от всяких болезней, приносит счастье своему хозяину и удачу. У тюркоязычных народов плеть и узда носили сакральное значение. Коня нельзя бить уздой, в таком случае было верование, что хозяин коня умрет. Мало того, запрещалось приносить с собой в жилой дом узду. Подобные традиционные обряды можно встретить и у других кочевых народов, занимающихся скотоводством. Например, ссылаясь на информацию П. Карпинина, у монголов XIII вв. Считалось преступлением: «ударить коня уздой – разбить кость ударяя костью» [22].

*Рис. 3. Самудинов Бообек, 72 года, в момент изготовления плети.
Фото автора. Кочкорский район, село Кара-Суу*

У кыргызов, входя внутрь юрты, было обязательным оставить плеть снаружи или было необходимо повесить его на седло. Плетение камчи специально готовили из кожи козы и оленя, тонко его разрезая, плели плетением: «чыбырткы», «суйсалма», «жылан боор», «ит тиш» и другими видами. К готовой рукоятке плети прикрепляют тонко разрезанную «бүлдүргө» из готовой кожи. Носить эту плеть в руках имеет огромное значение. В народе есть поговорка: «Бүлүнгөндөн бүлдүргө алба». Если глубже понять ее воспитательное значение, то с разрушенного места, видя выгоду, нельзя брать даже самую малую вещь.

Еще одна важная часть народного устного творчества кыргызов – это пословицы и поговорки. Отличаясь от других жанров, на начальной стадии они говорились устно, нашли свое место в древних письменных источниках, мало того, вместо того, чтобы ослабиться или совсем исчезнуть, наоборот появляются новые их виды, обогащаясь, в современном мире исполняют роль бесценного примера народного воспитания. Лошади были удостоены высокого уважения, достойной оценки у тюркских народов, а также народов всего мира, в их понимании, материальной и духовной культуре. В высказанных в их адрес пословицах напрямую сравнивались роль лошадей в хозяйстве, верования, наилучшие частные качества, количество, характер их поведения с характером человека, воспитательное значение же воплощает в себя глубокую мысль. Торжество почета коней широко отражено в народно-духовной культуре.

Сделав главной целью исследование истории возникновения образа коня в поговорках у тюркских народов, оценив их связь с

исторической правдой как жанр устно-поэтического народного творчества, мы сможем быть в курсе жизненного уклада и мировоззрения людей, установленного совершенно в разных временах. Появившись в особенных исторических отрывках, пословицы играют большую роль в исследовании этнокультурных ценностей между другими народами. Можно привести в пример многие схожие параллели в словаре Махмуда Кашгари, в кыргызских пословицах о лошадях и сказанные в этом же направлении пословицы тюркско язычных народов такие как алтай, тува, хакас и др.

«*Ат адамдын канаты*» – можно сказать, что эта пословица принадлежит кыргызам и всем тюркоязычным народам. В кочевом жизненном укладе конь сранивается с крыльями птицы, время проведенное без коня, сравнивают с безкрылыми птицами. В древнем тюркском словаре написано так: «*Куш канатын, эр атын*» – в смысловом переводе это означает: «Птица может улететь на своих крыльях в любое нужное место, человек же может прийти на лошади». Есть и такая пословица: «*Киши аласи ижтин, йилки аласи татин*». Эта пословица в современном кыргызском лексиконе означает, что плохие мысли человека остаются внутри него, а у коня остаются и проявляются снаружи [3].

«*Жакшы атка бир камчы, жаман атка миң камчы*», на алтайском: «*Јаман атка мун камчы, / Јакшы атка пир камчы*». – Хорошему коню одна плеть – плохому коню тысячу плетей.

«*Бирөөнүн аты терчил, бирөөнүн кийими кирчил*». В этой пословице сказано, что наездник ездит верхом жалея своего коня, опрятно и чисто носит и свою одежду. Если кто то другой берет коня и пользуется ею не жалея, того проклиняют. На алтайском: «*Кижн тону кирчи, / Кижн ады терчи*. – Одежда на человеке грязнеет, / Конь под человеком потеет».

Пословица «*Атың барда эл тааны, атаң барда жер тааны*» – означает, что, когда ребенок достигает возраста для верховой езды, радости его родителей нет предела. Чтобы расширить мировоззрение, ездили вокруг земли на коне. Конечно же, ребенок, который знакомится с другими народами, землями, становится свидетелем необычных вещей, получает жизненные уроки, воспитание, вдохновляется кем-то. Впитывает в себя некоторые образцовые ситуации, традиции и обряды, обычаи. Поэтому выбирая лучшего коня для своего ребенка, знакомить с другими селами считалось отцовской заботой [17].

На алтайском: «Адам бар болуп йон таныдым, / Адым бар болуп йол таныдым» – «Благодаря тому, что отец был, народ познал, / Благодаря тому, что конь у меня был, дорогу познал». Смысл пословицы заключается в том, что отец является наставником для сына, благодаря ему сын познает жизнь [4].

В итоге нельзя не отметить, что тюрко-родовые этносы Южной Сибири, такие как народы Алтая, Хакасии, Горной Шории, Тувы очень близки с современным кыргызским народом со стороны языка и культуры, и это несколько раз было доказано со стороны ученых. Но этногенетические и этнокультурные связи упомянутых выше народов и кыргызов не были до сих пор исследованы вплоть до мелочей со стороны ученых, и я считаю, что эта обязанность возложена на растущих молодых ученых нынешнего времени.

Литература

1. *Абрамзон С. М.* Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер. Б.: Кыргызстан Сорос фонду, 1999. 896-б.
2. *Акматалиев А.* Көркөм кол өнөрчүлүк. Ф.: Мектеп, 1984. 110.
3. *Ауезова З.* Махмуд аль-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
4. *Байжанова Н. Р.* Генезис архаичных пословиц с образом коня: к типологии паремиологического фонда тюркских народов Сибири // Летняя школа по формальным методам в фольклористике. Новосибирск.: 2004.
5. *Бутанаев В. Я.* Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
6. *Бутанаев В. Я.* Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996.
7. *Бутанаев В. Я.* Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан.: 2014.
8. *Бутанаев В. Я.* Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
9. *Бутанаев В. Я.* Государство кыргызов на Енисее в древнетюркскую и монгольскую эпохи. Б.: 2016.
10. *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казакстана. Труды ИИАЭ АН Каз. ССр. Т. VIII, 1960. с. 93-135
11. *Имель Молдобаев.* Саян-Алтайга саякат (Тарыхчынын күндөлүгүнөн) // Ала-Тоо. 1988. № 10.134-143-б.

12. Каада-салттар. Ак баталар / А. Акматалиевдин жалпы ред. Астында. Б.: «Шам», 2003. – 400 б. – («Эл адабияты»).
13. *Каратаев О. К.* Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. Б.: Бийиктик, 2003. 262 б.
14. Кыргыз улуттук илимдер академиясынын кол жазмалар фонду. № 319(780).
15. Кыргызы: Источники, история, этнография / Сост. О. Караев, К. Жусупов. Б.: 1996. 524 с.
16. Кыргыздын улуттук маданияты / Түз.: К. Жусупов Ж. Б. Б.: 2012.
17. «Манас» Сагынбай энциклопедиясы. Академик Абдылдажан Акматалиевдин жалпы редакциясынын астында. Б.: 2015. 436-б.
18. *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: 1990. С. 43.
19. Орхон-Енисей текстери. Ф.: 1982. 191.
20. Самудинов Бообек, Кочкорский район село Кара-Суу, 72 года, из рода Сарыбагыш (информатор).
21. Самудинов Бообек, Кочкорский район село Кара-Суу, 72 года, из рода Сарыбагыш (информатор).
22. Токтоматов Асанбек, Кочкорский район село Кара-Суу, 86 года, из рода Сарыбагыш (информатор).
23. Шейшеева Мөлбүбү, Кочкорский район, село Кара-Суу, 82 года, из рода Сарыбагыш (информатор).
24. *Ямаева Е. Е.* Родовые тамги Алтайских тюрков (XI–XXX вв). Горно-Алтайск. С. 8.

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ

Борисова О. В. (Барнаул, Россия)

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России» (2020–2021 гг.).

Аннотация: Целью данной работы является исследование особенностей этнической структуры в приграничном регионе на основе данных социологического исследования. Представлен анализ этнической структуры шести приграничных регионов России на основе социологического исследования, проведенного научным коллективом Алтайского государственного университета в 2019–2020 гг. ($n = 2400$ в возрасте от 15 до 75 лет), а также данные Всероссийской переписи населения 2010 года. Полученные результаты свидетельствуют об этническом разнообразии приграничных территорий России. Во всех выбранных регионах, кроме Республики Тыва, большинство населения составляют русские. Межнациональные браки являются важным индикатором межэтнических отношений в регионе, а исследование смешанных браков позволяет оценивать и прогнозировать этническую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: приграничный регион, этническая структура, этнос, межнациональный брак, межэтнические отношения

SPECIFICITY OF THE ETHNIC STRUCTURE OF THE BORDER REGION OF RUSSIA

Borisova O. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: The purpose of this work is to study the features of the ethnic structure in the border region based on the data of a sociological study. The article presents an analysis of the ethnic structure of six border regions of Russia based on a sociological study conducted by the scientific team of the Altai State University in 2019–2020 ($n = 2400$ aged 15 to 75

years), as well as data from the All-Russian Population Census of 2010. The results obtained indicate the ethnic diversity of the border territories of Russia. In all the selected regions, except the Republic of Tyva, the majority of the population are Russians. Interethnic marriages are an important indicator of interethnic relations in the region, and the study of mixed marriages allows us to assess and predict the ethnographic situation in the region.

Keywords: border region, ethnic structure, ethnos, interethnic marriage, interethnic relations.

Российская Федерация – это многонациональное государство, на территории которого проживают представители более 190 национальностей. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года в стране семь народов численностью более 1 млн человек. Это такие народы как русские, татары, украинцы, башкиры, чувашы, чеченцы и армяне. При этом русские являются наиболее многочисленным народом и составляют более 80 % населения России [1].

Важным аспектом в исследовании особенностей этнической структуры, миграционных процессов в приграничных регионах можно указать количество межнациональных браков. Межэтническая семья – это важнейший элемент в системе биосоциальной и социокультурной саморегуляции общества. Исследование смешанных браков позволяет оценить и спрогнозировать этнографическую ситуацию в регионе, направления межэтнического взаимодействия в различных сферах жизни [2, с. 132]. По мнению А. В. Топилина, на становление этнически смешанных семей оказывают влияние многие факторы, в том числе тип расселения людей, уровень брачности, национальные традиции и обычаи, интенсивность миграции. Последняя, способствуя перемешиванию народов, как правило, ускоряет образование этнически разнородных семейных ячеек за счет того, что национальная и половозрастная структура мигрантов зачастую отличается от подобных структур коренного населения [3, с. 77]. Межэтнические семьи представлены как первичные ячейки общества, где осуществляется преобразование этнического (национального) самосознания, фиксируется и совершенствуется все то, что было накоплено этносами в сфере культуры, традиций, языка, обрядов, обычаев, искусства и т. д. Образование этнически смешанной семьи делает возможной передачу информации как между взаимодействующими этносами

в пределах поколения (сами супруги, их друзья, родственники), так и между поколениями (в первую очередь через детей от таких браков). Дети от смешанных браков в той или иной степени усваивают элементы культуры обоих этносов. Более того, в межэтнических семьях воспитываются некоторые черты интернационализма, внутрисемейная атмосфера в подобных семьях больше способствует выработке толерантности в самосознании детей, что особенно важно для развития здорового гражданского общества в условиях полиэтничности, при таких условиях межэтнические семьи наиболее эффективно смогут выполнять стабилизирующую функцию, способствуя его укреплению и культурному обогащению [3, с. 79].

Безусловно, данное явление нельзя однозначно трактовать негативно или положительно относительно влияния на межнациональные взаимоотношения в регионе. Однако А. В. Топилин указывает на важность сохранения исторически сложившихся систем расселения, совместного проживания многих наций и этнических групп, позволяющих осуществлять тесные контакты между ними, а также развитие свободной миграции, обусловленной экономическими, социальными и демографическими факторами, что создает здоровую основу для взаимообогащения народов, укрепления межнациональных семей как одной из важнейших форм, интегрирующих общество.

В 2019–2020 гг. научным коллективом Алтайского государственного университета было проведено социологическое исследование в шести приграничных регионах России. Всего были опрошены 2400 человек жителей в возрасте от 15 до 75 лет. Для выявления особенностей этнической структуры населения Алтайского края был проведен частотный анализ данных.

Согласно результатам исследования, этническая структура выбранных приграничных регионов выглядит следующим образом.

Алтайский край: русские – 92,2 %; армяне – 1,5 %; кумандинцы – 1,3 %; алтайцы – 1,1 %; татары – 0,9 %; немцы – 0,9 %; казахи – 0,6 %; украинцы – 0,4 %; поляки – 0,2 %; грузины – 0,2 %; литовцы – 0,2 %; другие народы – 0,6 %.

Амурская область: русские – 95,8 %; украинцы – 1,7 %; белорусы – 0,7 %; азербайджанцы – 0,3 %; мордва – 0,3 %; татары – 0,3 %; молдаване – 0,3 %; другие народы – 0,6 %.

Астраханская область: русские – 77,2 %; татары – 8,2 %; казахи – 6,4 %; украинцы – 2,7 %; армяне – 1,5 %; белорусы – 0,9 %;

азербайджанцы – 0,9 %; евреи – 0,9 %; таджики – 0,6 %; белорусы – 0,3 %; калмыки – 0,3 %; другие народы – 0,9 %.

Волгоградская область: русские – 96 %; азербайджанцы – 0,9 %; евреи – 0,6 %; чеченцы – 0,6 %; осетины – 0,3 %; украинцы – 0,3 %; белорусы – 0,3 %; армяне – 0,3 %; грузины – 0,3 %; другие народы – 0,3 %.

Республика Тыва: русские – 4,5 %; тувинцы – 91,6 %; киргизы – 3,9 %; татары – 0,3 %; другие народы – 0,3 %.

Хабаровский край: русские – 90,6 %; татары – 1,9 %; евреи – 1,3 %; корейцы – 1,3 %; украинцы – 0,6 %; азербайджанцы – 0,6 %; чувашы – 0,6 %; осетины – 0,6 %; белорусы – 0,3 %; буряты – 0,3 %; грузины – 0,3 %; другие народы – 1,6 %.

Среди безусловного этнического разнообразия в выбранных регионах стоит отметить преобладание русского населения (кроме Республики Тыва). Также во всех регионах, кроме Республики Тыва, абсолютное большинство населения края относят себя только к одному народу. Следует отметить, что полученные данные относительно этнической структуры соотносятся с данными переписи населения 2010 года.

Ответы респондентов на вопрос: «Где Вы родились?» позволяют сделать выводы о характере миграции в регионе.

Так, среди респондентов 100 % белорусов, азербайджанцев, армян, большинство украинцев (63,6 %), треть евреев (33,3 %) и 10 % татар, – это те, кто родились в другой стране. Русских, родившихся в другой стране, всего 9,3 %.

Среди тех, кто родился в другом регионе России, русские составляют 47,2 %, украинцы – 9,1 %, немцы – 100 %, буряты – 100 %, якуты – 100 %, корейцы – 50 %, казахи – 33,3 %, евреи – 33,3 %, татары – 40 %.

Респондентами, родившимися в других населенных пунктах их региона, оказались 41,2 % русских, 27,3 % украинцев, 66,7 % казахов, 50 % корейцев, 33,3 % евреев, 10 % татар. Выявленные различия статистически достоверны (χ^2 , $p \leq 0,0001$).

Анализ ответов на данный вопрос выявил некоторые региональные различия. Так, в Амурской области среди родившихся в другом населенном пункте России 36,4 % русских и 25 % украинцев. Также в регионе 100 % молдаван, татар, 58,3 % русских, 50 % украинцев – это те, кто родились в другом населенном пункте Амурской области. При этом 100 % азербайджанцев, 25 % украинцев и 5,3 % русских родились в другой стране.

Среди опрошенных в Астраханской области в другом регионе России родились 43,2 % русских, 33,3 % казахов, 20 % татар. В другом населенном пункте области родились 35,8 % русских, 66,7 % казахов, 40 % татар. А в другой стране родились 17,3 % русских, 100 %, украинцев, белорусов, армян, евреев, а также 20 % татар.

В Республике Тыва в другом населенном пункте России родились 50 % русских, 18,3 % тувинцев, 100 % татар; в другом населенном пункте республики родились 50 % русских, 72,5 % тувинцев. Также в регионе отмечены 0,8 % тувинцев, 83,3 % киргизов, родившихся в другой стране.

Выявленные различия статистически достоверны ($\alpha \leq 0,0001$ согласно χ^2).

Распространенность национально-смешанных браков характерна для многих приграничных регионов. В рамках исследования было выявлено, что в выбранных регионах каждый двенадцатый брак – это брак между представителями разных национальностей.

Можно сделать вывод, что приграничные азиатские регионы в большинстве своем полиэтничны, что объясняется, в том числе, географическим положением. Безусловное большинство по численности почти во всех регионах составляют русские. Исключением является Республика Тыва, где абсолютное преимущество в этнической структуре имеет коренное население – тувинцы. Количество межнациональных браков в указанных регионах составляет только 12 %. Такие же данные о количестве межнациональных браков в России по данным Всероссийской переписи населения 2010 года.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 г. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-01_02.pdf

2. Лурье С. В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 1. С. 122–148.

3. Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // СОЦИС. 1995. № 7. С. 76–82.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

Водичев Е. Г. (Новосибирск, Россия)

Аннотация. В работе охарактеризованы представления о характере текущих проблем в сфере интеграции на трансграничных территориях азиатской части России и сопредельных государств. Дана интерпретация фактора трансграничности для исследования и оптимизации механизмов трансграничных взаимодействий. В качестве методологической основы предлагается использовать понятие геосистем, которые рассматриваются как относительно целостные территориальные образования, формирующиеся в тесной взаимосвязи и взаимодействии природы, населения и экономики. Обоснована необходимость и принципиальная возможность формирования общей теоретической платформы для проведения комплексного изучения трансграничных регионов на основе методологии геосистемного подхода, в том числе и международных трансграничных территорий, примером которых является Большой Алтай.

Ключевые слова: Большой Алтай, азиатская часть России, трансграничные территории, трансграничные взаимодействия, природно-антропогенная система, геосистемы.

TRANSBORDER TERRITORIES: ISSUES OF THE METHODOLOGY OF INTER-DISCIPLINARY ANALYSIS

Vodichev E. G. (Novosibirsk, Russia)

Abstract: The paper characterises the nature of the current problems of integration on the transboundary territories of the Asian part of Russia and neighbouring states. The author suggests an interpretation of the factor of transboundary for the study and optimization of the mechanisms of transboundary interactions. As a methodological basis, it is proposed to use the concept of geosystems. In the current context, geosystems are considered as relatively integral territorial entities that are formed in close interconnection and interaction of nature, population and economy. The necessity and fundamental possibility of forming a common theoretical platform for carrying out a comprehensive study of transboundary regions based on the geosystem approach, including

international transboundary territories, an example of which is the Greater Altai, is determined in this paper.

Keywords: *Greater Altai, the Asian part of Russia, transboundary territories, transboundary interactions, natural-anthropogenic system, geosystems.*

Постановка проблемы и цели исследования. В последние годы происходит явное возрастание интереса к анализу социально-экономических, социокультурных, демографических и политических процессов на трансграничных территориях, в том числе и с выделением этнического аспекта и как драйвера, и как риск-фактора их развития. Одним из крупнейших и уникальных трансграничных регионов в азиатской части России является территория Большого Алтая. Здесь сходятся границы четырёх государств – России, Китая, Казахстана и Монголии – каждое из которых отличается высокой степенью социально-экономического и социокультурного своеобразия.

Причины подобного внимания более чем очевидны. В силу происходящих геополитических изменений акценты в российской «политической географии» резко сместились на восток, что, как ожидается, должно привести к существенному увеличению масштабов сотрудничества России с азиатскими соседями, прежде всего с Китаем и Казахстаном. Такая корректировка имеет целью увеличение масштабов и качества связей и отношений с партнёрами, а также возрастание роли восточных регионов России в производстве валового внутреннего продукта.

Вместе с тем, к настоящему времени стало очевидным, что первоначальный оптимизм всё чаще замещается разочарованием. Предпринимаемые усилия пока не приводят к ожидаемому быстрому возрастанию хозяйственного и демографического потенциала восточных территорий Российской Федерации, а кооперация со странами-соседями остаётся весьма ограниченной и до сих пор не стала значимым драйвером регионального развития. Как представляется, одной из важнейших причин этого является недооценка фактора трансграничности для регионального развития, и недостаточное понимание значимости и роли трансграничных гео- и экосистем, базирующихся на общности природных комплексов и/или цивилизационных детерминант.

Важнейшей предпосылкой формирования стратегий регионального развития, ориентированных на капитализацию фактора трансграничности и оптимизацию трансграничных

взаимодействий, должно стать комплексное изучение совокупности природных и связанных с антропогенным воздействием детерминант. Они, собственно, и позволяют интерпретировать подобные территории в качестве внутренне единых трансграничных пространств и рассматривать их в качестве целостных геосистем, экосистем и/или территориальных комплексов. В этой связи особую актуальность приобретает исследование природно-цивилизационных факторов, связывающих азиатскую часть России с её соседями – Казахстаном, Китаем и Монголией, в том числе и прежде всего на территории Большого Алтая. Соответственно, цель данной работы – определить методологические основания, позволяющие непротиворечиво интегрировать в рамках системного и междисциплинарного исследования различные подходы к изучению трансграничных территорий, ориентированные на анализ и оптимизацию системы трансграничных взаимодействий.

Результаты исследования. Несомненно, эколого-экономическая и социокультурная интеграция на трансграничных территориях при благоприятных условиях и её высокой востребованности способна дать импульс развитию трансграничья. Однако пока теория расходится с практикой, и глубина интеграции остаётся незначительной. Это объясняется, на наш взгляд, рядом причин.

Во-первых, у субъектов экономической и социокультурной деятельности и институтов управления зачастую отсутствует осознание фактора трансграничности как связующего звена между странами, а также его потенциала для регионального развития.

Во-вторых, далеко не всеми акторами разделяются единые подходы к «управлению общим» несмотря на то, что термин «разделяемые трансграничные ресурсы» (shared natural resources) утвердился в кругу профессионалов и поддержан Программой ООН по окружающей среде. Это приводит к администрированию частью ресурсного потенциала на основе традиционных схем «государственного эгоизма», что создаёт риски для возникновения экономических и экологических противоречий, которые при определённых условиях способны перерастать в более глубокие конфликты. Типичным примером такого подхода на территории Большого Алтая остаётся проблема управления водными ресурсами в Обь-Иртышском речном бассейне.

В-третьих, зачастую отсутствуют как согласованные стратегии взаимодействия власти и общества, а также

экономических и социокультурных акторов в трансграничных регионах, так и эффективные институциональные механизмы таких взаимодействий. Это способно привести и уже приводит к обилию «институциональных ловушек», в которые попадают субъекты экономической деятельности в трансграничных регионах [1. с. 3–14].

В-четвертых, там, где элементы таких стратегий всё же имеются, зачастую превалирует завышенная оценка фактора государственного регулирования при недооценке или полном забвении прочих инструментов, хотя исторический опыт зачастую говорит об обратном. Справедливо мнение нобелевского лауреата Э. Острём о том что, в приложении к разделяемым ресурсам (к которым, на наш взгляд, относится и ресурсная база трансграничных территорий – **ЕВ**) по отдельности ни государство, ни рынок не способны в долгосрочной перспективе обеспечить продуктивное использование систем природных ресурсов. «Ни один рынок не может долго существовать без основных общественных институций для его поддержания. На практике общественные и частные институции не существуют в изолированных мирах, а часто бывают смешанными и зависят друг от друга» [2].

Непониманием значимости фактора трансграничности для регионального развития проблема отнюдь не исчерпывается. Она заключается ещё и в том, что в силу своего комплексного характера процессы, происходящие в трансграничном пространстве, требуют комплексных и междисциплинарных подходов. Однако формирование «теории среднего уровня», которая базировалась бы на таких подходах, становится трудноразрешимой задачей для специалистов, занимающихся анализом отдельных аспектов социально-экономического, этнокультурного и т. д. взаимодействия на приграничных территориях. Основные сложности, которые при этом возникают, – парадигмальные разногласия и «профессиональный эгоизм» экспертов, представляющих различные науки и имеющих собственные исследовательские традиции. В особенности часто это происходит тогда, когда сталкиваются интересы и подходы представителей естествознания и общественных наук – располагая единым объектом исследования (приграничные территории и трансграничные пространства), они изучают отдельные предметы и используют совершенно различные методы анализа. У них явно отсутствует взаимопонимание и «общий язык». В результате даже при иницировании

интеграционных проектов, включающих представителей различных областей естество- и обществознания, результаты исследований размываются и «не работают» на понимание интегрирующих факторов, определяющих развитие трансграничья.

Возможно ли преодоление этой проблемы путём формирования приемлемого для различных научных традиций методологического концепта и междисциплинарного контента? Ведь возможности, которые можно получить от этого для приращения научного знания – найти научный «метаязык», сформировать единую междисциплинарную парадигму и обеспечить синергетический эффект за счет комплексирования инструментария, подходов и методов различных наук – представляются весьма привлекательными. Риснём предположить, что на вопрос может быть дан положительный ответ. Однако для этого при исследовании трансграничных пространств придётся разрабатывать методологические основания, приемлемые и для обществоведов, и для естественников.

Представляется, что компромиссом может стать обращение к концептам географии – синкретической дисциплины, имеющей как естественно-, так и общественнонаучные традиции и приложения. Если физическая география является одной из базовых наук о Земле и оперирует аппаратом естественнонаучных дисциплин, то экономическая и социальная география во многом разделяют свой методологический арсенал с макроэкономикой, регионалистикой и институциональной экономикой, политологией, социологией, историей и другими общественными науками.

Соответственно, на наш взгляд, методологическим основанием для разработки теории среднего уровня при исследовании трансграничных проблем может стать учение о геосистемах. Сформулированное несколько десятилетий назад в рамках физической географии акад. В. Б. Сочавой [3], понятие «геосистемы» обладает потенциалом для широкой трактовки за рамками естественных наук: оно может использоваться не только применительно к природным комплексам, но и в отношении социально-экономическим и природно-общественным пространственным системам.

Иными словами, геосистемы можно рассматривать как относительно целостные территориальные образования, формирующиеся в тесной взаимосвязи и взаимодействии природы, населения и экономики, целостность которых определяется всей совокупностью связей между их отдельными

подсистемами. Геосистемный подход позволяет установить естественные границы природных систем различного уровня иерархии, разделённых суверенитетом границ, и в дальнейшем обеспечить их сопоставление с границами антропогенных (техногенных) систем.

Для интегрирования и диффузии естественно- и общественнонаучных подходов в методологию также могут быть использованы представления о техногенезе как о совокупности геохимических и геофизических процессов, связанных с антропогенным воздействием, влияющих на состояние природной среды (развито В. И. Вернадским в рамках его учения об эволюции биосферы, затем А. Е. Ферсманом и др.). В широком смысле техногенез ныне трактуется как процесс изменения природных комплексов под воздействием производственной деятельности человека. Смежное понятие – «антропогенез»: начальный этап воздействия общества на природную среду, который по мере развития производительных сил как раз постепенно сменился техногенезом. Несмотря на то, что в западной науке понятие «техногенез» не получило значительного распространения, там широко востребован термин «антропогенное воздействие», который включает в себя разнообразное влияние цивилизационных факторов на природные комплексы [4].

При введении в методологический оборот этих концептов удаётся найти приемлемые основания, своего рода «общий знаменатель» для исследований, базирующихся на комплексном социоприродном подходе к социальной и естественной истории и актуальной практике, в рамках которого развивающаяся биосфера и общество составляют единую систему. Они также согласовываются с базовыми категориями, которые используются при изучении трансграничных пространств, например, с хорошо «работающим», на наш взгляд, понятием, «международная трансграничная территория». Оно операционализируется как «территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий, прилегающих к государственной границе двух или более соседних стран и обладающих сочетаниями природных ресурсов и... видов хозяйственной деятельности, основанием которой является единая геосистема или сочетание двух и более геосистем регионального уровня, взаимодействующих в зоне государственной границы» [5]. Иными словами, эта категория понимается как природно-антропогенная система, которая включает в себя: геосистему как таковую (в её физическом (или

физико-географическом) понимании – **ЕВ**); её природно-ресурсный потенциал; типы его хозяйственного использования. Очевидно, что лишь комплексный подход к изучению таких территорий позволяет представить их в виде динамических сложносоставных систем, обладающих естественными природными основаниями.

Выводы. Таким образом, отсутствие интегрирующей методологической платформы тормозит развитие комплексных исследований трансграничных территорий. Вместе с тем, предложенный в данной статье подход, базирующийся на концептах геосистем, по мнению автора, способен преодолеть некоторые ограничения текущих профессиональных нарративов и стать основой для интеграции исследовательских проектов и программ, в центре которых находится трансграничная проблематика, в том числе и применительно к территории Большого Алтая.

Литература

1. *Зубаревич Н. В.* Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010. № 2 (28). С. 3–14.
2. *Острём Э.* Управление общим. 1990. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/1046594/9/Ostrom_-_Upravlenie_obschim.html (дата обращения: 23.05.2021).
3. *Сочава В. Б.* Введение в учение о геосистемах. Новосибирск, Наука, 1978. 319 с.
4. *Водичев Е. Г., Узбекова Ю. И.* Техногенез и биосфера: методологический дискурс и вызовы междисциплинарных коммуникаций // Материалы Всерос. конференции с междунар. участием «Эволюция биосферы и техногенез», посвященной 35-летию ИПрЭК СО РАН (22–28 августа 2016 г., г. Чита): электронное издание. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 26–29. [URL: <http://inrec.sbras.ru/about.php?page=115>] (дата обращения: 23.05.2021).
5. *Бакланов П. Я., Ганзей С. С.* Понятия и типы приграничных и трансграничных территорий // Известия РАН. Серия географическая. 2004. № 4. С. 27–34.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Геворгян Г. Г. (Барнаул, Россия)

Аннотация: Во все исторические эпохи, и в наше время в особенности, значительным явлением в развитии культуры были встреча и столкновение различных культур, приводящие к сложным процессам их взаимодействия, с одной стороны, к самоопределению и самосознанию каждой из них, с другой. Важными задачами культурной политики в условиях современной сложной социально-политической ситуации являются сохранение культурного многообразия народов, проживающих в регионе, формирование культуры межэтнического общения. Необходима целенаправленная системная работа по возрождению, сохранению и трансляции национальных ценностей и культурных традиций народов, населяющих Алтайский край, поиску актуальных форм культурно-досуговой деятельности, направленных на формирование взаимопонимания между различными этносами, населяющими регион. Одним из эффективных направлений решения указанной проблемы является выявление наиболее перспективных форм сохранения традиционной культуры, популяризация этнокультурных особенностей нетитульных этносов, проживающих в регионе, распространение этнокультурных знаний и идей взаимоуважения между представителями различных этносов. Особенно остро эта проблема стоит в молодежной среде, где с легкостью приживаются такие деструктивные явления, как экстремизм, ксенофобия. Исследовательский проект предполагает проведение анализа основных механизмов сохранения и развития этнической культуры армян в отрыве от материнского этноса в условиях полиэтничного региона.

Ключевые слова: этническая культура, народные традиции, межкультурная коммуникация, самоидентификация, противодействию экстремизму в молодежной среде.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE ETHNIC CULTURE OF THE ARMENIAN DIASPORA IN ALTAI KRAI

Gevorgyan G. G. (Barnaul, Russia)

Abstract: In all historical epochs, and in our time in particular, a significant phenomenon in the development of culture was the meeting

and collision of different cultures, leading to complex processes of their interaction, on the one hand, to self-determination and self-consciousness of each of them, on the other. Important tasks of cultural policy in the current complex socio-political situation are the preservation of the cultural diversity of the peoples living in the region, and the formation of a culture of interethnic communication. Purposeful systematic work is needed to revive, preserve and broadcast the national values and cultural traditions of peoples inhabiting the Altai Krai, to search for relevant forms of cultural and leisure activities aimed at forming mutual understanding between the various ethnic groups inhabiting the region. One of the most effective ways to solve this problem is to identify the most promising forms of preserving traditional culture, popularize the ethno-cultural features of non-titular ethnic groups, and disseminate ethno-cultural knowledge and ideas of mutual respect between representatives of different ethnic groups. The project involves the analysis of the main mechanisms for the preservation and development of the Armenian ethnic culture in isolation from the mother ethnic group in a multi-ethnic region.

Keywords: *ethnic culture, folk traditions, intercultural communication, self-identification, countering extremism among youth.*

Во все исторические эпохи, и в наше время в особенности, значительным явлением в развитии культуры были встреча и столкновение различных культур, приводящие к сложным процессам их взаимодействия, с одной стороны, к самоопределению и самосознанию каждой из них, с другой. Особый интерес представляет встреча национальных культур, во многом предопределяющая характер взаимодействия их народов-носителей. Особенно остро эта проблема стоит в молодежной среде, той части общества, которая будет предопределять дальнейшее развитие социально-культурной ситуации в стране в ближайшие десятилетия. Молодежь, которая является самым активным и мобильным социальным слоем, в то же время наиболее подвержена различным деструктивным проявлениям, к которым относятся экстремизм и ксенофобия, в том числе по национальному признаку.

В связи с этим важными задачами культурной политики в условиях современной сложной социально-политической ситуации являются сохранение культурного многообразия народов, проживающих в полиэтничном регионе, создание условий для этнокультурной самоидентификации, формирование культуры межэтнического общения. Необходима целенаправленная системная

работа по возрождению, сохранению и трансляции национальных ценностей и культурных традиций народов, населяющих Алтайский край, поиску актуальных форм культурно-досуговой деятельности, направленных на формирование взаимопонимания между различными этносами, населяющими регион.

Одним из эффективных направлений решения указанной проблемы является выявление наиболее перспективных форм сохранения традиционной культуры, популяризация этнокультурных особенностей нетитульных этносов, распространение этнокультурных знаний и идей взаимоуважения между представителями различных этносов.

Целью исследования стал анализ основных механизмов сохранения и развития этнической культуры армян в отрыве от материнского этноса в условиях полиэтничного региона.

В соответствии с заявленной целью были выдвинуты следующие задачи:

1) проанализировать ключевые работы, посвященные проблеме этнического самосознания в целом, а также проблеме этнического самосознания в условиях миграции и адаптации в новой этнической среде;

2) исследовать психологические особенности этнического самосознания армянской молодежи в условиях проживания в отрыве от материнского этноса;

3) выявить основные формы сохранения и развития традиционной культуры армян в отрыве от материнского этноса (язык, семейно-бытовые, празднично-обрядовые, песенно-танцевальные, религиозные и др. традиции);

4) осуществить анализ, интерпретацию и литературное оформление результатов исследования.

Анализ истории возникновения и развития армянской диаспоры позволяет сделать вывод, о том, что хотя почти на всем протяжении истории этноса представители армянского народа проживали во многих странах мира, «началом образования армянской диаспоры принято считать те страшные годы, когда выжившие после геноцида 1915 г., лишенные исторической родины армяне разбрелись по всему свету» [8, с. 3].

Сведения об армянах, поселившихся в разные исторические периоды в различных регионах России, можно найти в научных публикациях таких авторов, как Ж. А. Ананян и В. А. Хачатурян [2], М. А. Аствацатуровой [3]. Армянским беженцам и трудовым мигрантам посвящена статья А. Е. Тер-Саркисянц [10].

Становлению этнического самосознания посвящены работы М. А. Варданян [4], А. Галстян [5], Г. А. Геворгян [6] и др. авторов.

Исследованию начала массового переселения армян в Алтайский край, связанного с годами сталинских репрессий, посвящены публикации Н. Н. Аблажей [1], В. Н. Земскова [9] и ряда других авторов.

В ходе разработки исследования был сформирован следующий план реализации:

1) провести ретроспективный анализ возникновения армянской диаспоры в Алтайском крае;

2) выявить проблемы сохранения и развития этнической культуры армян;

3) определить основные направления сохранения этнической культуры армян в отрыве от материнского этноса на современном этапе;

4) определить особенности формирования российской идентичности современной армянской молодежи Алтайского края;

г) осуществить публикацию материалов, освещающих основные результаты исследования.

Методы, используемые в настоящем исследовании:

– анализ литературы по проблеме исследования;

– диагностика межэтнической аккультурации;

– опрос, анкетирование;

– практическое наблюдение.

Исследуемая проблема этнического самосознания армян представляет интерес с точки зрения этнопсихологии, культурологии, межэтнической педагогики.

Теоретическая значимость исследования состоит в рассмотрении особенностей этнического самосознания представителей армянской диаспоры, в первую очередь молодежи, в ситуациях иноэтничной среды; в выявлении баланса между стремлением к сохранению этнической идентичности и адаптации к меняющимся социальным условиям.

Практическое значение исследования заключается в выявлении путей сохранения и развития традиционной культуры в условиях отрыва от материнского этноса, в поиске направлений формирования межэтнической культуры в молодежной среде.

Базой исследования является Алтайская краевая общественная организация «Союз армян Алтайского края». Проект позволит повысить этнокультурную компетентность, будет

способствовать сохранению и трансляции этнокультурных традиций, воспитанию культуры межнационального общения.

Подготовленные в рамках реализации проекта материальные ресурсы будут использоваться при проведении подобных исследований в дальнейшем.

Научным результатом проекта станут публикации статей в сборниках научных конференций, публикация основных результатов исследования отдельным изданием.

Литература

1. *Аблажей Н. Н.* Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 47–53.

2. *Ананян Ж. А., Хачатурян В. А.* Армянские общины России. Ереван: «М. Варандян», 1993. 119 с.

3. *Аствацурова М. А.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление: Сев.-Кавк. регион. Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во Сев.-Кавк. акад. гос. службы. Пятигор. фил., 2002. 627 с.

4. *Варданян М. А.* Психологические особенности этнического самосознания армянской молодежи в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры. Автореф. ... канд. психол. наук. Москва, 2004. 27 с.

5. *Галстян А.* Специфика развития армянской общины в России. URL: <http://www.hayweb.ru/articles/2814-specifika-razvitiya-armyanskoj-obschiny-v-rossii.html> (дата обращения: 25.03.2021).

6. *Геворгян Г. А.* Особенности формирования этнокультуры армянской диаспоры Дона и Степного Предкавказья // Армавир в трех столетиях истории России: XIX–XX–XXI вв. (к 180-летию юбилею города). Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. URL: <https://armeniansite-ru.turbopages.org/armeniansite.ru/s/armyanskie-diaspory/952-osobennosti-formirovaniya-etnokultury-armyanskoj-diaspory-dona-i-stepnogo-predkavkazya.html> (дата обращения: 12.02.2021).

7. *Горшков И. Я.* Вот моя деревня...: историко-краеведческий очерк о селе Кольванском с основания и поныне. Барнаул: Спектр, 2012. 262 с.

8. *Еганян Р.* Интеграция мигрантов: армянские реалии. CARIM-East RR 2013/07, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. 33 с.

9. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. Москва: Наука, 2003. 306 с.

10. *Тер-Саркисянц А. Е.* Вынужденные миграции армян: причины и проблемы адаптации // Армянский вестник. Москва, 2001. № 1–2. С. 207–211.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЕГО НОВОЕ ЗВУЧАНИЕ В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Гришанова М. А. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В данной работе хотелось проанализировать эволюцию социального капитала как термина научного знания в рамках гуманитарных дисциплин. Доверие и сила взаимодействий в обществе всегда является основным фундаментом формирования социального капитала. В процессе усложнения общественных отношений трансформировались и развивались взаимосвязи в обществе, выходя за рамки территориальной и национальной принадлежности и на сегодняшний день достигая глобальных масштабов, Развитие современных информационных технологий послужило толчком в модернизации и расширении влияния социального капитала на многие процессы, происходящие в мире. Растет взаимосвязь и взаимопроникновение человеческого капитала в социальный капитал в информационном пространстве. Вектор движения и развития социального капитала в рамках стремительно меняющейся картины мира важен для прогнозирования развития экономических и социальных процессов в мире и является индикатором уровня развития и стабильного функционирования общества.

Ключевые слова: доверие, капитал, социальный капитал, ресурс, концепт, информационные технологии, социальные процессы.

SOCIAL CAPITAL AND ITS NEW SOUND IN THE FRAMEWORK OF THE INFORMATION SOCIETY

Grishanova M.A (Barnaul, Russia)

Abstract: In this work, the author would like to analyze the evolution of social capital as a term of scientific knowledge within the framework of the humanities. Trust and the strength of interactions in society are always the main foundation for the formation of social capital. In the process of complication of public relations, interrelationships in society were transformed and developed, going beyond territorial and national affiliation and today reaching global proportions. The development of modern information technologies served as an impetus for

the modernization and expansion of the influence of social capital on many processes taking place in the world. The interconnection and interpenetration of human capital into social capital in the information space is growing. The vector of movement and development of social capital, within the rapidly changing picture of the world, is important for predicting the development of economic and social processes in the world and is an indicator of the level of development and stable functioning of society.

Keywords: *trust, capital, social capital, resource, concept, information technology, social processes.*

Определенный концепт в области общественной жизни получает максимальное к себе внимание и необходимость научного изучения в тот момент времени, когда стремительно меняющаяся картина мира выводит это явление на первый план. Объяснение многих социальных процессов и явлений становится актуальной областью изучения социологии и смежных с ней дисциплин для того, чтобы максимального использовать этот ресурс для успешного развития общественных институтов.

Хотя социальный капитал как ресурс зародился с первых моментов формирования общества и общественных связей, когда люди непроизвольно начинают объединяться в группы, основанные первично на родстве и территориальных признаках (сейчас их значение занимают далеко не лидирующие позиции), активно используют доступную на тот момент времени информацию, обмениваются эмоциями и знаниями, но внимание к его научному изучению и обоснованию началось в середине прошлого века. Порой на ранних стадиях развития общественной жизни он используется индивидами как осознанно, так и не осознанно, но уже направлен был на получение ожидаемого результата и выгоды, выражался в основном в социальной сплоченности и личных ресурсных инвестициях во взаимодействиях. С ростом укрепления связей и доверия в обществе рос и укреплялся социальный капитал, формировались нормы и правила общественной жизни.

Так как социальный капитал менее осязаем, чем реальный, его ценностный коэффициент было сложнее выявить и исследовать, его влияние на разных этапах развития общества носило скрытый характер, но с развитием современных информационных технологий, глобализации мира и общественных процессов, изменения социального взаимодействия

между индивидами, с ростом приоритета информационных каналов над другими источниками получения информации, выводит социальный капитал как ресурс на лидирующие позиции. Если природные и материальные ресурсы при активном использовании истощаются, то в ситуации с социальным капиталом имеется обратный вектор, он скорее истощается из-за не использования, как и человеческий, его нужно постоянно подкреплять и расширять через качественное и интенсивное взаимодействие, частоту общения и взаимопомощь между индивидами.

Концепция, которая лежит в основе социального капитала, имеет в науке давнюю историю исследования, ученые, изучившие взаимосвязи между экономическими процессами и общественной жизнью, такие как Джеймс Мэдисон и Алексис де Токвиль [1], активно, но без использования данного термина, придавали большое значение этому человеческому ресурсу и его влиянию на получение результата и выгоды. Под разным углом зрения социальный капитал рассматривался для изучения и обоснования процессов в различных сферах общества и в разных научных дисциплинах. Социальный капитал практически отождествляли с человеческим капиталом, в самостоятельное понятие он был выведен позднее, только в середине XX века, а его значение и влияние на эффективные процессы, происходящие в различных сферах общества, было недооцененным и мало изученным.

Первично, хотелось бы рассмотреть ретроспективу научного изучения понятия социальный капитал как научного термина и важного процесса общественной жизни. Различные этапы развития общества диктуют свой подход и понимание к научному изучению процессов социальной жизни и их использование для гармоничного и эффективного развития. В академической среде принято считать, что идеи, сформулированные в работе Лидой Ханифан «The Rural School Community Centre» [2], опубликованной в 1916 году (отмечу, что это период развитого капитализма), где автор обосновал необходимость уметь и налаживать социальные отношения между людьми, уметь и быть терпимыми друг к другу, строить отношения и взаимодействия на основе симпатии между индивидами, можно считать первыми основами научного знания о социальном капитале. По мнению исследователя, данные взаимодействия нужно вычленять из привычного понимания физического капитала, хотя это может привести к экономическим выгодам его обладателей.

Незадолго до этого, Макс Вебер, родоначальник теории социального действия, в своих работах, в частности «О некоторых категориях понимающей социологии» [3], касается феномена социального капитала через анализ и изучения цели и смысла вовлеченности индивидов в социальные действия, а далее и в социальные взаимодействия, направленные на решения жизненных ситуаций и проблем и сознательно ориентируясь на других людей. Как раз в результате социального взаимодействия и формируется социальный капитал, но данный термин он не вводит в рамках своих исследований. В науке для анализа социального капитала не часто используется теория Макса Вебера, хотя, на мой взгляд, это как раз основной фундамент для анализа данного ресурса, через цели и смыслы социальных действий и взаимодействий.

В дальнейшем изучение данного концепта не сразу получило свое активное развитие, социальный капитал так и продолжал оставаться в области экономических наук и косвенно затрагивался в работах и исследованиях социологии. И все же, Пьера Бурдьё принято считать первым, кто в социологии ввел термин социальный капитал, дал ему научное обоснование через устойчивые взаимодействия индивидов и групп, основанных на институционализированных связях и на обоюдном признании. Введение данного понятия в научный оборот совпало с временем развития теории человеческого капитала, расцвета неоклассической теории в экономике, когда на первый план выходит человек и его социальные контакты. В дальнейшем в статье «Формы капитала» [4], где ученый отделил его отдельно от других форм капитала, таких как культурный, экономический, административный, физический, политический, выведя социальные связи, через которые индивиды могут, используя ресурсы взаимодействия, получать выгоду. Пьером Бурдьё было впервые отмечено, что это групповой ресурс, и он не может измеряться только индивидуально, а, в отличие от человеческого капитала, формируется на основе признания, уважения, что в дальнейшем получает развитие как доверие. Во время расцвета индустриального общества, в 1972 году, П. Бурдьё в работе «Контуры теории практической деятельности» [5] подверг критике Карла Маркса за одностороннее осмысление человеческой деятельности только через категорию экономических понятий и противостояние собственников средств производства и наемных работников. По мнению французского ученого, мы живем в

нескольких социальных плоскостях: культурных, научных, экономических, политических. Предложенный им термин «культурный капитал», который элите общества через эстетические ценности, высокие достижения в карьере, учебе наделяет еще большими возможностями как для себя лично, так и членов семьи, дает возможности для расширения социальной мобильности. Чуть позже им же вводятся понятия «капитал академической власти», «капитал научного влияния», «капитал политического влияния». Здесь можно смело провести параллели с трудами Питирима Сорокина, в которых он развивает теории элит, социальной стратификации и социальной мобильности [6].

Позднее, иной подход к социальному капиталу обозначил сторонник теории рационального выбора Джеймс Коулман в своей статье «Социальный капитал в производстве человеческого капитала» (1988 г.) [7]. В его разработке в теорию социального капитала вводятся самые значимые и фундаментальные понятия, такие как потенциал взаимного доверия, взаимопомощи, формирующийся в виде социальных норм, обязательств и ожиданий. Интересен также подход Д. Коулмана к формированию социального капитала на примере семьи, если в семье у родителей высокий уровень человеческого капитала, но невысокий социальный капитал семьи, то дети не смогут в полной мере использовать для своего развития человеческий капитал родителей. В работах ученого и его предшественников социальный капитал – еще некое размытое понятие, для них он неуловим и изначально является ни положительным и ни отрицательным, а носит нейтральный характер, но важно, что ученый выделяет большое влияние социального капитала на облегчение процесса производства, который также может воспроизводиться наряду с экономическим. Через социальный капитал Дж. Коулман выявляет возможность получения информации, которая вносит неоценимый вклад в любой вид деятельности, но это такой ресурс, который требует больших затрат.

В этой связи, по своей сути, данная концепция как нельзя лучше описывает систему взаимодействий и взаимосвязей между индивидами, которые существовали в виде формирования и применения социального капитала в СССР, несмотря на то, что как наука социология на советском пространстве считалась буржуазным учением вплоть до начала 1990 х годов, использование такого ресурса как социальный капитал находило активное применение во всех сферах страны. Тогда как в

капиталистической и индустриальной экономике все формировалось через доступ к благам через возможность их приобретения посредством материальных ресурсов, а социальный капитал влиял в большей степени на построение карьеры, в Советском Союзе доступ к материальным благам формировался через систему связей (дружеских, родственных, полезных), прочность системы была довольно высока, так как была подкреплена различными родами контактов и обязательств, направленных на взаимное извлечение выгоды. Через связи (взаимодействия) можно было получать доступ к различным благам, как материальным, так и нематериальным, в обществе, решать актуальные задачи.

Со сменой парадигм общественного сознания, с эволюцией научного знания и усложнением социальных процессов, с тенденцией к междисциплинарному изучению мира, стирания границ между областями наук, термин «капитал» прочно вошел в область социальных наук – психологии, социологии, филологии, политологии, педагогики. Мне бы хотелось проанализировать трансформацию понятия и значения социального капитала, возможности его использования, влияния на общественные процессы в современном информационном обществе. Многие современные ученые, среди них и Алехандро Портес, отмечают, что термин социальный капитал настолько популяризировался, что вышел за пределы научного знания и активно используется во всех сферах общественной жизни и в средствах массовой информации [8].

С развитием и усложнением общественных процессов, с доминированием информационных технологий и искусственного интеллекта, с переходом в эру информационного общества, изменяется структура и важность влияния социального капитала наряду с человеческим капиталом на экономические и социальные процессы в мире, приобретает новое видение и звучание в разных областях наук. Технический прогресс навязывает индивиду новую идентичность, которая полностью переворачивает представление о значении социальных связей. Информация в обществе начинает выполнять роль товара и активно участвовать в товарообороте, соответственно, и носить экономический характер. Доверие в социальном взаимодействии становится ключевым понятием в формировании капитала и использовании информации. Но доверие как социально-психологический фактор не статическое качество, имеет не стабильный, а изменчивый характер, является

динамической частью общественной жизни, его нужно заслужить, укрепить и удержать, но в то же время очень легко потерять. На сегодняшний день территориальный фактор влияния на формирование социальных взаимодействий уходит на последний план, в информационном обществе в социальные контакты, группы индивид может мгновенно вступать и начинать взаимодействовать. Поле взаимодействия настолько обширно, что не имеет границ. Общение и взаимовлияние может происходить с большим кругом социальных групп и институтов. Формирование социального капитала идет через применение своего человеческого капитала как ресурса, можно быстро делиться информацией с огромным количеством людей по всему миру, расширяя тем самым свои возможности, по своему желанию вступать в социальные группы и формировать свои собственные, не только для общения, но и для профессиональной деятельности, стремительно расширяется география взаимодействия. При необходимости возможно моментально исключаться из некомфортных социальных связей и групп. Эмоциональный аспект социального капитала при наличии положительных сторон несет созидательный характер, чувство защищенности и надежности. Качество социальных контактов – это основа стабильности не только отдельных групп, но в целом проецируется на экономическую стабильность и успешное развитие общества в целом. Высокий социальный капитал в обществе характеризует экономическую успешность его развития.

В заключение хотелось бы сделать вывод о том, что недооцененность социального капитала в ранее существовавших экономических формах развития общества, где главным все же являлся экономический капитал, с переходом в эру информационного пространства изменяет сознание и мироощущение индивидов и своего места и роли в мире и влияния человека на социальные процессы. Главным условием формирования материальных ценностей сейчас становится социальный и человеческий капитал, через социальные взаимодействия, основанные на доверии, информации, авторитете и коммуникативных качествах можно управлять мировыми процессами. В рамках индустриального общества социальный капитал находился на микроуровне, через индивидуальное, социальное взаимодействие, в постиндустриальном (информационном) обществе преимущественно выходит на метауровень – взаимодействие в глобальном международном пространстве.

Литература

1. *Токвиль А.* Демократия в Америке / Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
2. *Hanifan L. J.* «The Rural School Community Centre» // *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences.* 1916. Vol. 67, P. 130–138.
3. *Философия: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. Н. Лавриненко, проф. В. П. Ратникова.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 372–420.
4. *Bourdieu P.* The forms of capital. In: *Richardson, Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education,* Greenwood Press, New York, 1986. P. 311–356.
5. *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
6. Социальная стратификация и мобильность. // Питирим Сорокин. «Человек. Цивилизация. Общество». (Серия «Мыслители XX века»). М., 1992. С. 302–373.
7. *Коулмен Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3. С. 121–139.
8. *Портес А.* Неформальная экономика и ее парадоксы // *Экономическая социология.* 2003. Т. 4. № 5. С. 34–53.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИСТСКО-СПОРТИВНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
«GREAT ALTAI» КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Журба В. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В настоящее время особо актуальна тема международного сотрудничества, в том числе стран Большого Алтая. Путём исследования мнений участников спортивно-туристского фестиваля «Great Altai» мы изучили, как происходит обмен опытом и знаниями, какие эмоции и результаты получают участники. Приводятся показатели повышения мотивации к дальнейшим соревнованиям и сотрудничеству, представлен анализ интервью с участником фестиваля «Great Altai 2019».

Ключевые слова: международное сотрудничество, фестиваль, Большой Алтай, сотрудничество, взаимодействие, мотивация, спорт, туризм, спортивный туризм, национальные виды спорта.

INTERNATIONAL TOURIST-SPORTS FESTIVAL «GREAT ALTAI»
AS A MEANS OF INCREASING THE MOTIVATION OF INTERNATIONAL
COOPERATION IN THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

Zhurba V. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: Currently, the topic of cooperation between neighboring states is especially relevant. In our work, we examined how this interaction occurs, what it gives and why it is so necessary. Through the presentation, you will be told how we exchange advanced experience and knowledge between the participants of the sports and tourist festival «Great Altai», what emotions all those present get, about the result that comes after it. These answers were obtained by researching the opinions of festival participants from representatives of our team, indicators are given where the result of increasing motivation for further competitions and cooperation is visible.

Keywords: international cooperation, festival, Big Altai, cooperation, interaction, motivation, sport, tourism, sports tourism, national sports.

Популярность занятий спортом является одним из основополагающих элементов формирования физической культуры в современном обществе. Спорт является одним из наиболее доступных средств для самореализации с самого детства, воспитания набора умений, навыков и волевых качеств личности. Кроме того, это многогранное общественное явление является сферой подготовки человека к трудовой и другим видам деятельности, удовлетворения духовных запросов общества, упражнения и расширения интернациональных связей, а также одним из важных средств этического и эстетического воспитания [2].

Спортивный туризм представляет собой вид спорта, целью которого является совершенствование человека в преодолении естественных препятствий с помощью или без помощи специальных приспособлений [1]. Данный вид спорта сложился ещё в СССР и актуален по сей день, т. к. в его основе лежит выживание человека в автономных условиях. Данный вид спорта включает в себя следующие виды: пешеходный туризм, лыжный туризм, горный туризм, водный туризм, парусный туризм, спелеоуризм, комбинированный туризм, велотуризм и мототуризм, альпинизм. Также отдельно хочется отметить приближенные к нему виды: парашютный спорт, спортивное ориентирование, альпинизм, рыболовный спорт и т. п. Практически во всех вышеперечисленных видах спорта проходят состязания на международном туристско-спортивном фестивале «Great Altai». Так как данный фестиваль проводится в летний период времени, соревнования придерживаются относительно данного времени года и включают в себя только виды летнего туризма. Это событие проводится один раз в два года на одной из территорий стран Большого Алтая в условиях автономного существования.

Кроме различных видов спортивного туризма, в состав фестиваля входят национальные виды спорта. Национальный вид спорта представляет собой исторически сложившийся в этнических группах населения вид, имеющий культурную и социальную направленность, является частью народной культуры. В рамках «Great Altai» проводятся состязания по следующим национальным видам спорта: борьба куреш, армреслинг, городошный спорт, бухаша тартыс. В связи с тем, что данный фестиваль объединяет культуру всех стран большого Алтая, он обретает огромное значение в формировании межнационального, культурного и спортивного сотрудничества среди его участников.

Студенчество, в контексте нашей тематики, – это обмен передовым опытом и знаниями в областях национальной культуры, спорта, движение к одной цели и взаимопомощь. Кроме того, это отличный пример дружбы народов. Для совсем молодых ребят это отличный опыт в профессиональном становлении, но и время для проявления себя. В ходе взаимодействия на спортивных испытаниях, в период отдыха, на экскурсиях и различных играх появляется взаимный интерес, мотивация к дальнейшему сотрудничеству, что приводит к объединению и самопроизвольному изучению культур взаимодействующих стран. В беседе с представителями команды Алтайского края в фестивале «Great Altai 2019» мы обсудили, насколько это событие повлияло на его дальнейшую мотивацию к сотрудничеству между представителями других стран и совершенствованию своих навыков. В результате нашего разговора было выявлено, что фестиваль оказал большое влияние на мотивацию. Собеседников заинтересовали методы тренировок, оснащения, язык и культура других стран. Было отмечено, что состязания с представителями других стран всегда более захватывающие, и интереснее наблюдать за их подготовкой и изучать национальные виды спорта. *«В этих соревнованиях меня удивило, что столько возможностей возникло перед нами! Нам удалось пообщаться с представителями Китая, Монголии, Казахстана. Они очень интересные ребята, со своей культурой и изюминками в подготовке. Про национальные виды спорта это вообще отдельный разговор! Тут столько видов спорта слились, о которых даже не думал. Благодаря им я заинтересовался спортивной рыбалкой, пообщался с участниками, они рассказали много интересного, а я поделился своим опытом в рафтинге»,* – поделился один участник соревнований.

Мне, как волонтеру данных соревнований, со своей стороны хочется отметить, что данный фестиваль способствует объединению культур. Знакомство, участие в состязаниях мотивируют дальнейшее взаимодействие стран друг с другом. Занимаясь личным наблюдением в течение всего фестиваля, было отмечено стремление всех команд пообщаться друг с другом, а беседы с их представителями лишней раз убеждали в эффективности данного фестиваля в сплочении народов Большого Алтая как со стороны национальных культур, так и со стороны физической культуры и спорта.

Литература

1. *Подымов А. А.* Спорт и жизнь современной молодежи в РФ // Студенческий: электрон. научн. журн. 2019. № 4(48). URL: <https://sibac.info/journal/student/48/131139> (дата обращения: 23.02.2020).

2. *Пилькевич Е. В.* Роль международных спортивных соревнований в развитии межгосударственного сотрудничества. Магист. дисс-ция. Санкт-Петербург, 2016. 99 с.

3. Спорт. Определение понятия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://zna4enie.ru/opredelenie/sport-opredelenie-ponjatija.html> Спорт, определение понятия (дата обращения: 23.03.2020).

4. Фестиваль «Great Altai 2019» [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http://rus19.greataltai.com/Great Altai 2019](http://rus19.greataltai.com/Great%20Altai%202019) (дата обращения: 23.04.2020).

СОЦИОИНТЕГРАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА ТРАНСГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Злобина Ю. И. (Барнаул, Россия)

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению проблемы адаптации и коммуникации учебных мигрантов из Китая в регионе Большого Алтая; обозначены преимущества получения образования в трансграничных регионах. На основе результатов анкетного опроса китайских студентов установлены особенности их социокультурной адаптации в иноязычной среде; определены факторы, способствующие лучшей интеграции учебных мигрантов в принимающем социуме. Приводится анализ и обобщение их состояния в учебе, в бытовой жизни и общественной коммуникации, выявляются их основной прогресс и трудности в России. Данное исследование может помочь китайским студентам лучше узнать себя и подготовиться к возникающим трудностям изучения русского языка, способствовать совершенствованию образовательной программы для иностранных студентов в АлтГУ и содействовать продолжительному развитию китайско-российского образовательного сотрудничества.*

Ключевые слова: *адаптация, китайские студенты, Большой Алтай, социоинтеграция, учебный мигрант.*

SOCIO-INTEGRATION OF CHINESE STUDENTS ON A CROSS-BORDER TERRITORY: PROBLEMS OF ADAPTATION

Zlobina Y. I. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The article is devoted to the consideration of the problem of adaptation and communication of educational migrants from China in the Greater Altai region; the advantages of getting education in cross-border regions are outlined. Based on the results of a questionnaire survey of Chinese students, the features of their socio-cultural adaptation in a foreign language environment are established; the factors contributing to the better integration of educational migrants in the host society are determined. An analysis and generalization of their state in studies, in everyday life and public communication is given, their main progress and difficulties in Russia are revealed. The analysis of this study can help Chinese students get to know themselves better, contribute to the*

improvement of the educational program for foreign students at the Altai State University, and contribute to the continued development of Sino-Russian educational cooperation.

Keywords: *adaptation, Chinese students, the Great Altai, sociointegration, educational migrant.*

Создание «информационного общества» в Китае означает подготовку группы высококвалифицированных специалистов, по этой причине департамент образования Китая в качестве одного из основных направлений своей деятельности стал уделять особое внимание расширению международных обменов студентами. Это явление определяется как неотъемлемая часть политики открытости и геополитической стратегии «Идти вовне». Укрепление связей между российскими и китайскими университетами становится одним из индикаторов постоянного совершенствования сотрудничества между Россией и Китаем в области науки, образования и культуры. В последние годы численность мигрантов, получающих образование в России, неуклонно растет. Преимуществом российской системы образования является сочетание ее базового характера с глубокой теоретической подготовкой и практическим применением знаний, что делает выпускников российских вузов востребованными на рынке труда. Важной причиной растущего интереса к российским образовательным услугам является развитие экономического сотрудничества между Китаем и Россией. Студенты, получившие образование в России, представляют собой своего рода «пропагандистов мягкой силы» в стране и могут стать скрепляющим звеном для установления стратегического партнерства между Россией и Китаем. Экономика региона также может получить политическое, социальное, экономическое и демографическое влияние от учебных мигрантов [7, с. 53].

Университеты в Алтайском крае имеют большое преимущество для выхода на международный рынок образовательных услуг, и их приграничное расположение способствовало этому. Кроме этого, в современной России «люди могут не только находить положительные примеры межэтнического взаимодействия» [6, с. 56]. По мнению российских исследователей, ксенофобский национализм присущ большинству населения России, особенно к определенным этническим меньшинствам. В то же время страх перед мигрантами и ксенофобия наиболее распространены в средней полосе России. В результате близлежащие приграничные районы

стали более безопасным и мирным способом привлекать иностранных студентов, что, с определенной точки зрения, является одним из конкурентных преимуществ региона.

Алтайский край – территория особенная. Географически Алтай – это место, где встречаются границы четырех стран и регионов: России (Алтайский край и Республика Алтай), Монголии (Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки), Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и Казахстана (Восточный Казахстан). Эту обширную приграничную территорию часто называют «Большим Алтаем». В проекты сотрудничества между Россией, Монголией, Китаем и приграничными территориями Казахстана также добавлено понятие «Большой Алтай». Термин «Большой Алтай» встречается в исследованиях XIX века, в основном это результаты экспедиций, например, О. Финш и А. Брем в 1882 г. [10], А. Гумбольдт [9], Г. Е. Грум-Гржимайло [3] и т. д., но это понятие относили непосредственно к названию алтайских гор. Со временем эта территория превратилась в трансграничную область для межгосударственного и межрегионального взаимодействия. Понятие «Большой Алтай» впервые было введено в активный научный оборот на конференции 2000 г. «Сибирь в структуре трансзиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия» [2]. Трансграничная территория Большого Алтая – это место, характеризующееся особой социально-экономической, политической и социокультурной общностью, которая существует на «пересечении» взаимовлияющих этнических культур. По мнению А. В. Иванова и М. Ю. Шишина, именно здесь было особенно важно проявлять этническую и религиозную терпимость, открытость, любознательность, духовную подвижность и навыки межкультурной коммуникации [4].

В этом «сложном» регионе в процессе обучения китайские студенты сталкиваются с непривычной для себя социальной, культурной и языковой средой, природно-климатическими условиями, новыми методами и формами обучения. А. Л. Арефьев, Е. Е. Письменная, Ф. Э. Шереги и другие изучали адаптацию иностранных студентов в России и выделили современные тенденции и социальные последствия образовательной миграции, а также особенности политики привлечения иностранных студентов для поступления в российские вузы. Нельзя игнорировать и исследования научного и педагогического потенциала российских вузов и экспорта образовательных услуг [1, 8].

Китайские студенты, приезжающие в Алтайский государственный университет на учебу, представляют собой особую

социальную и возрастную категорию мигрантов, для которых характерна необходимость адаптироваться к постоянно меняющейся зарубежной национальной среде и изменениям условий жизни. Чтобы лучше управлять процессом социальной адаптации «учебных» мигрантов из Китая, необходимо полностью понимать проблемы адаптации и общения, с которыми они сталкиваются в процессе обучения и интеграции в иностранное общество. Преодоление разочарований и ожиданий среды, которая усложняет чужеродную среду, кажется главной гарантией успеха в адаптации и обучении.

В современной науке адаптацию можно определить как сложный многомерный процесс, тесно связанный со взаимодействием индивида с новой социальной и культурной средой. Адаптация в иноэтничном социуме к чужеродному социальному окружению к специфике российской высшей школы «сопровождается значительным напряжением компенсаторно-приспособительных систем организма студентов-иностранцев» [5, с. 124].

С целью изучения проблем адаптации проведен опрос среди 54 студентов из Китая, обучающихся в Алтайском государственном университете по специальности «Лингвистика», 42 девушки и 12 юношей. Рассмотрим результаты опроса.

Данные показывают, что главным стимулом в выборе вуза являются личные связи и дополнительные программы, которые осуществляют университеты обеих стран. Перспективы трудоустройства выпускников российских вузов в Китае находятся на высоком уровне. Кроме того, потеря «старых русистов» в Китае способствовала дефициту специалистов, Китай серьезно будет нуждаться в них, поэтому интерес к вузовским программам не ослабевает (таблица 1).

Таблица 1

**Реакции информантов на стимул:
«Почему для учебы вы выбрали АлтГУ?», %**

Реакция на вопрос	Количество реакций (%)	
	Муж.	Жен.
По совету друзей	40	43
В рамках программы «Два диплома»	30	27
Личный выбор	19	15
Маленький конкурс	8	7
Дешевое обучение	2	5
Китай и Россия – друзья	1	3

Основная проблема, по мнению китайских студентов – недостаточная подготовка по русскому языку, что также является источником многих других проблем. Языковые навыки студентов, которые только что приехали в Россию, невысоки, иностранцы сталкиваются с множеством трудностей, они плохо понимают и не знают, как выразить то, что они хотят, также страх совершить ошибку и «уронить лицо» очень негативно влияет на речевые способности студентов. Согласно результатам опроса, большинство китайских студентов считают, что после первого года обучения они смогли лучше понять содержание занятий (таблица 2).

Таблица 2

Реакции информантов на стимул: «Оцените свой уровень владения русским языком?», %

Реакция на вопрос	Количество реакций (%)	
	Муж.	Жен.
Достаточный для занятий	6	12
Недостаточный для занятий	79	65
Знаний русского языка мало	15	23

Большинство китайских студентов воспринимают преподавателей АлтГУ как серьезных и ответственных, они не только преподают, но и занимаются культурно-просветительской работой, водят студентов в музеи, что помогает им глубже понять русскую культуру. Многие респонденты убеждены, что их знание русского языка быстро улучшилось благодаря чисто русской манере обучения: главный принцип – коммуникативный, что в корне отличается от методики обучения иностранному языку в Китае. Занятия в России ведутся в маленьких (по китайским меркам) группах, дающих им больше возможностей практиковать устную речь (таблица 3).

Таблица 3

Реакции информантов на стимул: «Какова учеба в АлтГУ?», %

реакция на вопрос	Количество реакций (%)	
	Муж.	Жен.
Довольны методикой и программой обучения	10	18
Профессионализм преподавателей	64	45
Довольны дисциплинами	26	36
Не довольны обучением	0	1
Не довольны преподавателями	0	0

Результаты опроса об особенностях бытовой жизни показали, что в Китае очень популярны покупки на заказ: товары из США, Южной Кореи, Японии и России покупают через знакомых, потому что косметика, импортируемая на китайский рынок, стоит дорого. Для заработка денег иностранцы, обучающиеся в России, также участвуют в такой компании. Для разъяснения мы задали уточняющий вопрос: «Как вы оцениваете, влияют ли покупки по поручению на получение образования?». Респонденты ответили на этот вопрос по-разному, некоторые студенты думают, что это зависит от них самих (59 %), покупая для других в свободное время, придется пожертвовать учебой (19 %), не стоит этого делать (9 %). Особенно молодые люди не понимают этой проблемы, им нужно тратить больше времени и энергии (12 %), поэтому они не могли сосредоточиться на учебе. Было выявлено, что у китайских студентов (особенно только что приехавших) происходит психологическое неприятие российской еды. Китайцы очень зависят от своей кухни и продуктов. В Китае овощи доступны круглый год, а в России небольшой выбор привычных продуктов и овощей, особенно в зимнее время, также в китайской кухне особое место занимают приправы, а русская кухня готовится по-другому, поэтому 90 % китайских студентов готовят сами в общежитии. Однако опрошенные отметили то, что благодаря жизни в России, они стали более самостоятельными, а также научились самоконтролю и обеспечению себя и своих нужд, что можно объяснить тем, что им надо жить в незнакомой обстановке, без контроля родителей, они распределяют бытовые обязанности сами, несут ответственность за свою учебу, решают проблемы и организуют свое свободное время.

Таким образом, важными факторами, влияющими на процесс адаптации китайских студентов, являются: новая университетская система обучения, климат, сложность межличностного общения и психологические характеристики народа. В условиях современной глобализации в образовательной среде при расширении потоков «учебных» мигрантов необходимо успешно реализовать процесс адаптации китайских студентов в принимающем социуме. Необходимо корректировать образовательный процесс, учитывая этнокультурные особенности китайского общества.

Таблица 4

Реакции информантов на стимул: «Какова бытовая жизнь?», %

Реакция на вопрос	количество реакций (%)	
	муж.	жен.
Живу в общежитии	97	100
Живу в арендованной квартире	3	0
Готовлю еду сама/сам	89	90
Ем в китайских кафе/Бургер Кинг/KFC/Макдоналдс	11	10
Часто общаюсь с семьей	64	87
Иногда общаюсь с семьей	24	8
Очень редко общаюсь с семьей	12	5
Подрабатываю	15	28
Покупаю по поручению	5	72
Привык/привыкла к еде	53	47
Привык/привыкла к климату	75	68

Результаты анализа данных показывают, что китайские студенты в целом привыкли жить в России, но они сталкиваются со многими трудностями из-за недостаточных знаний русского языка и больших различий в климате, питании, системе образования и культуре. В то же время они добились успехов в обучении, повседневной жизни и общении. Все эти трудности позволяют китайским студентам воспитать свой характер, лучше учиться и жить в России. В конечном итоге это будет способствовать устойчивому и здоровому развитию китайско-российского сотрудничества в области образования.

Литература

1. *Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э.* Иностранцы студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с.

2. *Бойко В. С., Кожирова С. Б.* Большой Алтай: межрегиональное сотрудничество в контексте интеграционных процессов в Центральной и Южной Азии // Большой Алтай – перекресток цивилизаций: материалы VII Международной конференции по научно-техническому, экономическому и культурному сотрудничеству в регионе. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. С. 30–38.

3. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Ленинград. 1926. 896 с.
4. *Иванов А. В., Шишин М. Ю.* Большой Алтай: опыт региональной евразийской интеграции. URL: <https://altaiinstitute.ru/vse-stati-i-knigi/> (дата обращения: 03.05.2021).
5. *Кривцова И. О.* Особенности адаптации студентов-иностранцев к образовательному процессу в российском вузе // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. № 6. Т. 86. 2010. С. 124.
6. *Мукомель В. И.* Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // СОЦИС. № 2. 2005. С. 56.
7. *Письменная Е. Е.* Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2009. 65 с.
8. *Письменная Е. Е.* Учебная миграция в Россию: современные тенденции. М., 2008.
9. Путешествие барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году по Сибири. СПб. 1837. 180 с.
10. Путешествие в Западную Сибирь доктора О. Финша и А. Брема // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков: в 5 т. – Барнаул: Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова, 2017. Т. 3. 560 с.

КРИЗИС ИНСТИТУТА СЕМЬИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА ПОСТМОДЕРНА

Замятина О. Н., Кода Е. А. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В современном обществе институт семьи и брака претерпевает серьезные изменения. Нынешнее положение дел ставит под вопрос существование этого института. Дети все больше дистанцируются от родителей и близких родственников, погружаясь в сети Интернета, где они социализируются и получают основные знания. Взаимоотношения между мужем и женой приобретают все более примитивные черты, удовлетворения физиологических или материальных потребностей. Тем самым разрушаются фундаментальные интеракции между членами семьи. Стали появляться новые гендерные представления и модели браков в виде сожительства. Институт семьи с каждым днем отходит на «задний план» и становится своего рода сосуществованием людей, унифицируя основные ценности, доброту и заботу.

Ключевые слова: семья, брак, постмодерн, дисфункция семьи, либерализация.

THE CRISIS OF THE FAMILY INSTITUTION AS A DETERMINANT OF THE FORMATION OF A NEW POSTMODERN PERSON

Zamyatina O. N., Koda E. A. (Barnaul, Russia)

Abstract: In modern society, the institution of family and marriage is undergoing major changes. The current state of affairs calls into question the existence of this institution. Children are increasingly distancing themselves from their parents and close relatives, diving into the Internet, where they are socialized and receive basic knowledge. The relationship between husband and wife is becoming more and more primitive, satisfying physiological or material needs. This destroys the fundamental interactions between family members. New gender concepts and models of cohabitation marriages began to appear. Every day the institution of the family recedes into the background and becomes a kind of coexistence of people, unifying the basic values of kindness and care.

Keywords: family, marriage, postmodernity, family dysfunction, liberalization.

В настоящее время, когда приход постмодерна не вызывает сомнений, формируется человек постсовременности, который качественно отличается от человека модерна. Речь идет не только о смещении ценностей, когда семья отходит на второй план и основой жизни становится самосовершенствование. Такие трансформации были подробно описаны в теории поколений, да и отличия бумеров от миллениалов не вызывают сомнений. Не только новое общество формирует нового человека, в первую очередь, это семья. А что касается сложившихся реалий – кризис, дисфункция института семьи формирует нового человека.

Технологические, социальные, культурные, экономические, идеологические изменения, цифровизация, индивидуализация и виртуализация мирового строя привели к неопределенности и изрядным рискам в общественной и личной жизни каждого человека. Семья также подверглась этим деструктивным изменениям, изменился не только визуальный образ семьи, изменилась фундаментальная структура отношений в семье, отношений между мужчиной и женщиной, родителями и детьми [1]. Вопросы формирования семьи пережили глобальные изменения по сравнению с концом XX века.

Постмодерн фундаментально взаимосвязан с постиндустриальным обществом и главными критериями этих составляющих становится потребление и сфера услуг. Услугой становится всё: образование, медицина, и даже семья выступают определенной услугой, которая рассматривается с точки зрения получения выгоды, а не с точки зрения нематериальной привязанности, духовности и т. д. Мужчина, как правило, рассматривает женщину, потенциальную жену, как объект сексуального удовлетворения и решения бытовых вопросов, женщина же рассматривает мужчину с позиции решения материальных и иных проблем, которые сложились в ее жизни. В итоге все завязывается на материальной основе, что предопределяет распад каждой такой семьи как следствие увеличения количества бракоразводных процессов и увеличение количества детей, которые воспитываются в неполных семьях. Следует отметить усвоение социальных ролей ребенком, который растет в неполной семье. В итоге для ребенка, когда он вырастет, такой вариант семейных отношений, когда одна мама или один папа, подсознательно становится вариантом нормы, что как снежный ком увеличивает количество бракоразводных процессов, и семья все больше уходит в сферу

взаимной выгоды, а не союза, который основан на взаимной любви и взаимопомощи.

Виртуализация мира приводит к тому, что семья постепенно уходит в мир виртуальной реальности, речь не только о перманентном общении в мессенджерах, но и соответствующих знакомствах, формировании определенного социального образа в сети и так далее. Это подсознательно даёт право на ошибку, потому что соответствующие ресурсы всегда рады предоставить очередного партнера для совершения очередной ошибки. Выходит своеобразный круговорот партнеров, что только сильнее угнетает институт семьи, а порой делает невозможным создание полноценной семьи для многих людей.

Если рассмотреть семью в историческом контексте, то изначально семья выполняла в большей мере хозяйственную и репродуктивную функцию, поскольку раньше одному выжить без большого количества социальных благ попросту невозможно, когда современный человек может самостоятельно удовлетворять большинство материальных и нематериальных потребностей без института семьи и брака, без близкого отношения с родителями, без супруги и без взращивания новых поколений на смену предыдущему. Это попросту становится ненужным в индивидуалистском сознании человека, семья становится архаичным пережитком прошлого, социальным рудиментом, который в последствии придет в окончательный упадок. Семья в постмодерне приобретает колоссально новые свойства, которых не было ранее.

Многие социальные ученые занимались вопросами семьи с социологической точки зрения, речь идет о работах М. Ковалевского, П. Сорокина, Э. Гидденса, Т. Парсонса, Р. Хилла. Так Т. Парсонс считал, что семья есть ключевая функциональная подсистема общества, которая обеспечивает устойчивость общества с помощью социализации людей, поддержания социального образца. Социологический анализ брака и семьи осуществлялся как правило на макроуровне, когда формирование нового человека постмодерна начинается с микроуровня семьи и с индивидуально-личностных противоречий супругов, которые после становятся массовыми.

По мнению авторов, материальная государственная поддержка рождения детей способствует разложению традиционных отношений в институте семьи, поскольку ребенок начинает восприниматься не как личное счастье, а как способ

решения материальных проблем путем получения материнского капитала или различных пособий. Так частично перекладывается ответственность за воспитание и социализацию ребенка на государство, хотя еще 40 лет назад этим вопросом занимались строго родители без помощи государства. Государство берет на себя частично функции социализации и решения хозяйственно-бытовых вопросов, откуда можно вести речь и дисфункции семьи как социального института. Наблюдается парадоксальное явление, индивидуальная нагрузка социальной ответственности снижается, так как часть функций выполняет государство, но желание иметь детей у человека постмодерна неуклонно падает, поскольку социальный эгоизм превалирует над желанием реализовать себя как родителя. Очевидно, что государством выбран неправильный вектор повышения рождаемости.

Деформированный институт семьи начинает воспитывать огромное количество социальных эгоистов, карьеристов высшей степени, основная ценность которых – максимизация личного блага. В случае, если у этих индивидов появляются дети, им прививаются такие ценности с самого детства. По мере перехода от модерна к постмодерну происходит значительная изоляция семьи от остальных родственников – переход от расширенной семьи к нуклеарной. Члены нуклеарной семьи уже не могут рассчитывать на разного рода поддержку родственников: как материальную, так и эмоциональную. Урбанизация увеличивает осуждение и социальную дистанцию между родственниками: бабушки и дедушки не выполняют прежней роли социального контроля и социализации, что просто необходимо подрастающему городскому человеку будущего. И здесь возникает тот самый перекосяк, который фундаментально деформирует и разрушает институт семьи – нуклеарная семья порой просто бессильна перед эмоциональной перегрузкой в случае неприятностей на жизненном пути. Такая нагрузка дает свое влияние на каждого члена семьи в отдельности, что отдаляет супругов друг от друга, а также родителей и детей.

Воспитательная функция семьи постепенно переходит другим социальным институтам, в частности Интернету, так как родители вынуждены много работать. По итогу ребенок в сети предоставлен сам себе и социализируется таким образом, каким его заставляет это делать Интернет. Увеличивается постепенно дистанция между родителями и детьми, что приводит к недопониманию, конфликтам и укоренению желания в будущем иметь нуклеарную

семью. На этом моменте данный круг замыкается, поскольку новые родители по прежнему опыту с самого раннего возраста приобретут ребенку гаджет, а сами будут заняты своими делами, работой, когда ребенок вырастет более отдаленным от родителей, и воспитательная функция семьи еще больше станет перед угрозой исчезновения [4].

Отсутствует социальная преемственность поколений, поскольку дети все чаще не общаются с бабушками и дедушками, не учатся премудростям хозяйственной деятельности, поскольку вся информация есть в Интернете.

Человек постмодерна не будет нуждаться в родственниках в принципе: изрядное количество служб, глобальная сеть позволят ему получить все, что нужно, индивидуализируясь еще больше, до той степени, что и совсем перестанет давать потомство и вступать в долгосрочные отношения.

В постмодерне все потребности физиологического уровня удовлетворяются без каких-либо привязок и обязательств по отношению к партнеру и потомству, как и без привязки к ориентации и собственной идентификации, о чем свидетельствуют примеры современной Западной Европы, где количество полов уже свыше 50, и постепенно это переходит на российские реалии. В частности, уже многие социальные сети предлагают указать порядка 9 видов пола. Сексуальное поведение перестает регулироваться, в итоге наступает такая свобода половых отношений, что в модерне было категорически запрещено, речь о пробных браках, сожительстве, отношениях между тремя партнерами, чайлдфри, нежелание вступать в брак и так далее [2]. На сегодня всё это является рутинной практикой в западном полушарии. Так, 25 % неженатых мужчин и женщин от 23 до 41 года живут совместно, не оформляя брак со своим партнером. Постмодерн и информационные технологии делают интимную сферу человека виртуализированной, когда сексуальный партнер становится попросту ненужным. Очевидна виртуализация брака в эпоху постмодерна.

Другой стороной влияния постмодерна на семью является увеличение количества семейного насилия по отношению к обоим партнерам. Виртуальный мир является основным регулятором общественных отношений в постмодерне, а, как известно, в сети и происходит вымещение злобы на людей, это трансформируется и в семейные отношения. Исследования, проводившиеся на территории США, демонстрируют, что за 25 лет количество

случаев семейного насилия увеличилось на 35 %. Поколения постмодерна бесспорно увеличат эти доли в большую сторону.

Феминистские движения, организовав сексуальные революции, детерминировали приход постмодерна. Речь идет о независимости женщин от ценностей мужчин, а также достижении любыми средствами собственного удовольствия. Театр и кино подхватили эту тенденцию, начиная демонстрировать те вещи, которые раньше были недопустимы и считались возможными только в браке. В итоге человек постмодерна будет вести разгульный образ жизни, считая это абсолютной нормой, что опять же уменьшает вероятность создания крепкой семьи.

Значительная часть девушек и юношей по всему миру почувствовали бесконечную абсолютную свободу в сексуальной сфере. Внешний самоконтроль постмодерна неуклонно падает, а внутренний самоконтроль должен расти, а такого не происходит [3]. Отношения между мужчиной и женщиной будут больше представлять животные желания нежели социально-обусловленное чувство любви и заботы.

Таким образом, приход постмодерна погрузил институт семьи в глубочайший кризис. Рассматриваемые явления нуждаются в тщательном изучении с точки зрения социологии. Необходимо найти новые возможные социальные практики сохранения института семьи, возможно, основанные на идеологическом зерне. Человек же постмодерна будет крайним индивидуалистом, эгоистом, который в определенный момент просто перестанет создавать семью и давать плодотворное потомство. Постмодерн ставит под угрозу существование человека, и нам следует достойно ответить на такой удар.

Литература

1. *Комлев Ю. Ю.* Семья в эпоху постмодерн: ракурс интегративного социологического исследования // Научный компонент. 2020. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-v-epohu-postmodern-rakurs-integrativnogo-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.05.2021).

2. *Муртазина Л. Р.* Легитимизация «Гражданского брака» в общественном мнении как новый феномен российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legitimizatsiya-grazhdanskogo-braka-v-obschestvennom-mnenii-kak-novyy-fenomen-rossiyskogo-obschestva-1> (дата обращения: 10.05.2021).

3. *Страхов А. М.* Постмодернистские образы пола и любви в отечественной культуре // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2009. № 10 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskie-obrazy-pola-i-lyubvi-v-otechestvennoy-kulture> (дата обращения: 10.05.2021).

4. *Янак А. Л.* Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки.* 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-roditelstva-i-ottsovstva-v-obschestve-postmoderna> (дата обращения: 10.05.2021).

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Катаева А. Е., Атласов В. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В докладе речь идет о том, что на сегодняшний день гражданская идентичность активно развивается и является важной темой для изучения не только с научной точки зрения, но и на государственном уровне. Появляется необходимость создания возможностей положительно идентифицировать себя со своей Родиной, её историей, а также важными культурными задачами своей страны. В противном случае могут быть прерваны последние идентификационные связи и общество окончательно распадется. В данной статье раскрыты особенности формирования, сущность гражданской идентичности молодёжи и её структурные элементы, определены основные направления деятельности государства по формированию гражданской идентичности молодежи, а также проводится анализ исследования гражданской идентичности и патриотических установок первокурсников, на основе которого определяется отношение молодёжи к таким ценностным символам как родина, страна, патриотизм.

Ключевые слова: гражданская идентичность, молодежь, кризис идентичности, гражданственность, патриотизм.

CIVIC IDENTITY OF THE MODERN YOUTH IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION

Kataeva A. E., Atlasov V. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: In the article it is discussed that today civic identity is actively developing, and is an important topic for studying not only from a scientific point of view, but also at the state level. There is a need to create opportunities for individuals to positively identify with their Homeland, its history, as well as the important cultural tasks of their country. Otherwise, the last identification ties may be severed, and the society will finally disintegrate. This article reveals the features of the formation, the essence of the civic identity of young people and its structural elements, defines the main directions of the state's activities for the formation of the civil identity of young people, and also analyzes the study of civic identity and patriotic attitudes of first-year students, on the basis of which the attitude

of young people to such value symbols as the motherland, country, and patriotism is determined.

Keywords: *civic identity, youth, identity crisis, citizenship, patriotism*

Молодое поколение является перспективным будущим любого государства, поэтому на молодежь возлагаются большие надежды. Развитие общества происходит достаточно быстро, что приводит к изменениям духовных ценностей и норм. Молодые люди в процессе общения и взаимодействия в зависимости от окружающего их общества формируют свою личность. Именно поэтому тема гражданской идентичности молодежи является актуальной для современного общества, в котором происходят коренные изменения, сопровождающиеся распадами системы ценностей, идеалов, норм, что оказывает влияние на формирование и развитие молодежи. Гражданская идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к государству на общекультурном уровне, и осмысление личностью своего отношения к окружающей среде и обществу [5]. Т. В. Водолажская рассматривает российскую гражданскую идентичность как «реализацию базисных потребностей личности и принадлежности к группе» [3], а М. А. Юшин видит в этом также «готовность и способность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности» [9].

Проблему гражданской идентичности исследовали многие ученые, такие как Л. М. Дробижева, И. В. Кожанов, В. А. Тишков, Н. М. Лебедева и многие другие. Наиболее точное определение гражданской идентичности, на наш взгляд, было дано Л. М. Дробижевой: отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве [4].

Гражданская идентичность состоит из эмоциональных, регулятивных и познавательных элементов, включающих в себя этническую, общероссийскую и общекультурную составляющие. Поскольку молодым людям присущ динамичный образ жизни, они принимают активное участие во всех сферах жизнедеятельности государства и играют главную роль в смене поколений. В зависимости от того, какие создаются условия для социального развития молодежи, будет определено будущее государства, поэтому необходимо воспитывать высокие гражданские качества у молодого поколения [1].

Основой гражданской идентичности является потребность общества в объединении общих ценностей и ценностных символов (таких как Родина, страна, государство), значимость которых увеличивается на социально-культурном уровне. Гражданская идентичность включает в себя: государственную идентичность – чувство принадлежности к своему государству и обладание в полном объеме своими правами и обязанностями, закрепленными в конституции; патриотизм – чувство любви и преданности к Родине; гражданственность – способность ответственно и уважительно относиться к своим обязанностям по отношению к обществу, стране, Родине и готовность их защищать. Следует отметить, что формирование у молодежи государственной идентичности и патриотизма не вызывает проблем, так как основную роль играют опыт старших поколений и уважительное отношение к сложившимся веками традициям и устоям своей страны. Наибольшие сложности возникают при формировании гражданственности, поскольку появляются самостоятельные формы объединений молодежи, которые поддерживаются оппозиционными политическими партиями.

В современном мире происходит обесценивание устоявшихся культурных границ и духовных ценностей, что приводит к кризису гражданской идентичности в самосознании не только отдельной личности, но и у поколений. Причинами тому являются: социальные и культурные противоречия; социальная изменчивость и неоднородность современного общества; непредсказуемость ситуаций в процессе общения людей друг с другом; наличие большого количества принципов при организации общностей социума, видов его деятельности, социальных ролей.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что обновления в политической сфере государства происходят намного быстрее, чем в социальной, что приводит к проблемам формирования у молодежи гражданской идентичности. В демократическом и правовом государстве у молодежи должны быть высокие гражданские качества и обязанности, особенно в политической жизни общества при реализации своих политических прав как лично, так и через представительные органы.

В современных условиях происходит смена ценностных ориентиров не только в политической сфере, но и в социальной, а поскольку молодежь является многочисленной и достаточно сложной социальной группой, проблеме гражданской идентичности необходимо уделить особое внимание. Именно

поэтому для государства так важно создать все благоприятные условия для здорового развития общества.

Стабильное функционирование социально-политических систем напрямую зависит от гражданской идентичности. Происходящие радикальные изменения в обществе и государстве приводят к изменениям социальной реальности, что вызывает кризис становления гражданской идентичности молодежи.

В августе-сентябре 2018 г. в Курском государственном медицинском университете было проведено исследование, направленное на изучение уровня гражданской идентичности современной молодежи. Были опрошены студенты первого курса в количестве 263 человек, из которых 71 % – девушки, 29 % – юноши [8].

В процессе исследования отбирались и изучались основные ассоциации первокурсников на тему патриотизма, на основе которых выстраивалась гражданская идентичность, а также личностная зрелость опрошенных.

Для сбора эмпирических данных использован тест для исследования основных особенностей идентичности личности М. Куна, а также тест-диагностика уровня личностной зрелости Ю. З. Гильбуха. Студентам первокурсникам было предложено сформулировать по 5 ассоциаций к слову «патриотизм».

Самыми распространёнными ассоциациями среди респондентов оказались такие слова, как «любовь», «Родина», «гордость». Однородность распространённых слов связана с особенностями культуры, коллективной памятью, с историей группы, её ценностями и нормами. Полученные ассоциации отражают исторически обусловленные духовно-нравственные основы, свойственные русской традиции. Тема Отечества считалась основной в творениях русских авторов произведений. Издавна в российской культуре любовь к родине выражалась в гордости за Отчизну, свою родную землю.

В периферию не самых популярных, но часто называемых ассоциаций входят слова «преданность», «защита», «честь», «страна», «война», «защита», «ответственность». В этом разряде слов встречаются ассоциации, которые по мнению исследователей связаны с «милитаристской идентичностью», военным патриотизмом молодежи, что, со слов автора, может нести в себе «деструктивный характер» [8].

Изучая результаты исследования, следует утверждать, что гражданская идентичность у молодежи ещё не до конца

сформирована, и у каждого индивида находится на разных стадиях формирования, к тому же в разных направлениях, о чём свидетельствует рассогласованность суждений респондентов в отношении тех или иных понятий. Но, с другой стороны, основное ядро используемых ассоциаций состоит из слов, отражающих патриотические настроения и исторически обусловленные духовно-нравственные основы, свойственные российским традициям, а именно проявление любви и гордости за свою Родину, за свой дом. Такие ассоциации показывают общую солидарность и высокий уровень гражданской идентичности молодёжи.

При формировании гражданской идентичности молодежи со стороны государства необходимо разработать следующие направления деятельности: принятие законов в сфере молодежной политики; усовершенствование и повышение качества системы образования и воспитания по разработанным и утвержденным государственным стандартам; моральное и материальное стимулирование самообразования; создание и утверждение целевых программ для политической и культурной деятельности молодежи; повышение у молодого поколения патриотических чувств и гражданственности; активизация и стимулирование молодежи к участию в общественной и политической жизни страны; вовлечение молодежных объединений в разработку, принятие и реализацию законов, затрагивающих интересы молодежи [1].

Важным направлением в исследовании гражданской идентичности современной молодежи может стать подход, связанный с социальной или духовной безопасностью. Проводимые в этом аспекте исследования позволяют акцентировать внимание на гражданской идентичности как важнейшем факторе обеспечения безопасности в современном обществе [6, 7].

В заключение необходимо отметить, что, как показывают исследования, гражданская идентичность молодёжи находится в процессе активного формирования и, возможно, деформации и зависит от многих окружающих факторов, включая общественно-политическое развитие государства. Формирующаяся в современной России гражданскую идентичность следует рассматривать как важный ресурс консолидации российского общества, предполагающий взаимное доверие, реальное сотрудничество социальных субъектов, их интеграцию в социально-политическую жизнь [2, с. 31–32]. Самореализация и самоопределение современной молодежи развивается при коренном изменении всех сфер жизнедеятельности страны.

Происходящие в государстве преобразования во всех формах общественного сознания оказывают глобальное влияние на развитие и формирование гражданской идентичности молодежи. Государству необходимо создать все благоприятные условия для патриотического и гражданственного воспитания молодежи, поскольку именно от неё зависит будущее страны.

Литература

1. *Безгина Н. В.* «Гражданская идентичность» как компонент в социальном становлении человека // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 177–186.

2. *Бугаева А. В., Ростовская Т. К.* Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: коллективная монография. М.: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.

3. *Водолажская Т. В.* Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6. С. 140–142.

4. *Дробижева Л. М.* Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т 26. № 1. С. 7–31.

5. *Кожанов И. В.* Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т 7. № 5. С. 1–15.

6. *Попов Е. А., Максимова С. Г.* Социальная безопасность как объект исследования в социологии: вопросы трактовки категории и построения концепции // Политика и общество. 2015. № 10 (130). С. 1375–1379.

7. *Попов Е. А.* Социальная безопасность как ценностно-нормативный комплекс // Политика и общество. 2014. № 8 (116). С. 894–901.

8. *Шульгина Т. А., Кетова Н. А., Непочатых Е. П.* К вопросу о гражданской идентичности и патриотических установках современной Российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-grazhdanskoy-identichnosti-i-patrioticheskikh-ustanovkakh-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 07.05.2021).

9. *Юшин М. А.* Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Тула, 2007. 189 с.

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН-УЧАСТНИЦ ШАНХАЙСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
И ОБРАЗОВАНИЯ

Каулбекова Р. А., Шаршенбек кызы А. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: В статье сделана попытка провести краткий анализ культурно-образовательного сотрудничества и взаимодействия двух стран в сфере образования и науки как стратегического приоритета внешней политики. В статье рассматривается, как с первых дней обретения независимости до наших дней, благодаря сотрудничеству в ШОС, в Кыргызской Республике (КР) открывались университеты и культурно-образовательные центры. А также стартовали новые образовательные программы в рамках ЕАЭС, ШОС, благодаря которым культурно-образовательные отношения между странами-партнерами вышли на новый уровень развития. В связи с этим исследователи считают, единое образовательное пространство позволит обширную интеграцию, базирующуюся на принципах взаимного доверия. Анализ культурно-образовательных мер двух стран позволяет объективно оценить стратегию культурно-образовательных отношений как устойчивых и направленных на улучшение двухсторонних взаимодействий.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), культура, отношения, образование, наука, внешняя политика, культурно-гуманитарное партнерство.

COOPERATION OF THE MEMBER COUNTRIES OF THE SHANGHAI
COOPERATION ORGANIZATION IN THE SPHERE OF CULTURE
AND EDUCATION

Kaulbekova R. A., Sharshenbek kyzy A. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The article attempts to conduct a brief analysis of cultural and humanitarian cooperation and interaction between the two countries in the field of education and science as a strategic priority of foreign policy. The article examines how, from the first days of independence to the present day, thanks to cooperation in the SCO, universities and cultural and educational centers were opened in the Kyrgyz Republic (KR). New educational programs have also been launched within the

framework of the Eurasian Economic Union and the SCO, thanks to which cultural and educational relations between the partner countries have reached a new level of development. In this regard, researchers believe a single educational space will allow extensive integration based on the principles of mutual trust. An analysis of the cultural and humanitarian measures of the two countries makes it possible to objectively assess the strategy of cultural and educational relations as sustainable and aimed at improving bilateral interactions.

Keywords: *Shanghai Cooperation Organization, culture, relations, education, science, foreign policy, cultural and humanitarian partnership.*

В данной статье представлен обзор исторических процессов и практики многолетнего партнерства Кыргызской Республики в ШОС в таких приоритетных направлениях как: наука, образование, культура. Исследование проведено в рамках выполнения кандидатской диссертации и для получения научного звания доцента. Сбор данных проведен в период с марта по апрель 2021 года.

В качестве основных объектов измерения на данном этапе исследования был избран системно-исторический подход, который дал возможность выявить и проанализировать общие и частные черты взаимоотношений, тенденций и качественных характеристик развития партнерства, обеспечившее систематизацию и общий анализ первичной фактологической информации. При исследовании данной темы внимание к факторам этого порядка также необходимо. Данные, собранные за время сбора, отражают динамику развития культурно-образовательных отношений стран-партнеров. Таким образом, данная часть исследования была обращена к анализу факторов влияния характера отношений между странами и вектора развития. Для этого была собрана информация, касающаяся отношений между странами из различных источников, в том числе из открытых. Проверялось, есть ли раскрытие данной темы и частота упоминания в СМИ.

Как показывает анализ, культурно-образовательное партнерство со странами-участницами ШОС и Кыргызской Республики началось с 2001 года, что подкрепляется нормативно-правовыми актами (НПА) межгосударственного значения, такими как: Декларация о создании ШОС от 2001 года, Устав ШОС, План многостороннего культурного сотрудничества, Хартия ШОС 2002 года, Циндаоская декларация, Совместное коммюнике, Астанинская декларация от 2017 года и другими [1].

Сотрудничество в культурно-образовательном направлении – важная составляющая ШОС, ведь в Декларации о создании ШОС отмечается приоритетность и необходимость развития отношений на принципах дружбы, сотрудничества и взаимопомощи в данном русле. Культурно-образовательное сотрудничество является неким общественным механизмом ускорения процесса объединения народов.

Наиболее важными и масштабными мероприятиями Шанхайской организации сотрудничества в области культуры являются Фестиваль искусств стран-участниц, арт-форум «Рисуем озеро Сиху» в Ханчжоу, Иссык-Кульский кинофестиваль в Чолпон-Ате, Кыргызстан – международный музыкальный фестиваль [2].

Формат большинства из них уже вышел за рамки Шанхайской организации сотрудничества. В музыкальном фестивале примут участие представители 50 стран. Кроме того, «Дни культуры» – важный компонент культурного сотрудничества.

А с 2005 года детская художественная выставка «Дети рисуют сказки» проводится ежегодно. Идея инициаторов проекта – популяризация детских сказок в культуре соседних стран, а также национальных ценностей через народные сказки. В рамках этого проекта дети узнают о многогранной культуре пространства ШОС через народные сказки. Миссия молодых членов Кочевого Партнерства – привносить в жизнь радость и красоту, уважать и интерес к культуре других народов через искусство.

В 2007 году было подписано Соглашение по совместной реализации учебных программ на уровнях НПО, СПО и ВПО, создании центров науки и культуры, а также отдельных значимых масштабных мероприятий, которые организовались с целью укрепления партнерства стран-участниц ШОС. Примером успешной многосторонней имплементации образовательных программ на уровне ВПО стало открытие Университета ШОС в 2007 году, что позволило осуществлять академическую мобильность ППС и студентов и интегрировать передовой опыт стран в систему образования. Поддерживается академическая мобильность ППС и студентов как одна из инновативных направлений. В феврале 2008 года российская сторона представила государствам-членам концепцию Университета ШОС. Согласно этому документу, университет должен стать сетью и системой сотрудничества между университетами стран-участниц [3, с. 121].

Организуются курсы повышения квалификации для кыргызских работников и должностных лиц в Российской

Федерации [4, с.122]. Важным фактором создания единого образовательного пространства стало создание системой единых образовательных стандартов, обеспечивающих широкую интеграцию государств в плане культурного и образовательного взаимодействия, основанного на принципах дружбы, уважения и взаимного доверия.

В 2011–2016 годах открылись два Российских центра науки и культуры (РЦНК) на территории Кыргызской Республики, направленные на содействие, популяризацию информации, диалог между цивилизациями. РЦНК ведет свою деятельность в тесном партнерстве с различными организациями при реализации проектов и мероприятий в области науки и образования. К примеру, молодежная программа молодых лидеров «Новое поколение», конкурсы молодых специалистов различных квалификаций. Это программа участия в основных международных форумах России для представителей общественных организаций, образования и науки, искусства и культуры.

Российский центр науки и культуры в Бишкеке, начиная с 2011 года, вместе с российскими вузами осуществляет мероприятия, направленные на возможность для кыргызских выпускников получить профессиональное образование в Российской Федерации (также и за счет федерального бюджета) по итогам выездных «Дней открытых дверей» и олимпиад «Время учиться в России».

В 2014 году два государства подписали программу сотрудничества между странами в области культуры на 2015–2017 годы, в рамках которой государства обменивались фото/художественными выставками современного искусства, а также информацией о новых музейных технологиях, были в том числе масштабные посещения театров и музыкальных коллективов в странах-партнерах.

В Кыргызской Республике с 2017 года 7–8 ноября считаются днями истории и памяти предков. Празднование 25-летнего сотрудничества по укреплению взаимосвязей в культурно-образовательном русле прошло сразу в двух странах, где были масштабные мероприятия в таких странах, как: Москва, Казань, Уфа, Бишкек. В творческую делегацию из Кыргызской Республики вошли 235 человек.

2018 год на пути к сотрудничеству в рамках ШОС ознаменовался 90-летием кыргызского национального писателя Ч. Т. Айтматова [5]. Кроме того, реализована программа

сотрудничества на 2018–2020 годы между Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры, информации и туризма Кыргызской Республики.

Велась значительная работа по повышению качества реализуемой Программы Правительства Кыргызской Республики по развитию туризма до 2020 года. Участниками данной программы стали делегаты из разных уголков Российской Федерации, включая Татарстан, Алтай, Башкирию, Калмыкию, Бурятию, Хакасию, Якутию и других, участвовавших в 2018 году во всемирных играх кочевых народов.

Важность сотрудничества между странами-участницами на всех уровнях профессионального образования является не единственной приоритетной направленностью партнерства. Есть еще одна траектория сотрудничества: наука. Одними из актуальных, интересных и перспективных направлений сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации в области науки считаются исследования в области «алтаистики». Эта научная область приобрела большой научный авторитет и способствует развитию исследований, привлекая к своей деятельности все больше и больше ученых из разных стран мира. 61-я конференция: «Популярные игры и связанные с ними обряды, и обычаи в мире Алтая» была приурочена к III Всемирным играм кочевников и проходила 26–31.08.2018 в Бишкеке. Данное мероприятие позволило ученым, приехавшим из разных стран, участвовать в обсуждениях, научных дискуссиях по проблеме социальной интеграции и развития этнокультур в евразийском пространстве.

Благодаря сотрудничеству правительств стран-участниц реализуются международные форумы, такие как: Международный форум «Алтайская цивилизация и народы, связанные с алтайской языковой семьей» (2017 г., Бишкек); Первый международный алтаистский форум «Турецко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» (2019 г., Барнаул-Горно-Алтайск), которые посвящены историческому, культурному и этногенетическому наследию народов Алтая. Научный материал с результатами форумов размещается в специализированных научных журналах и ориентируется на круг читателей, интересующихся проблемами алтаистики.

Страны-партнеры в 2020 году провели ряд мероприятий, целью которых был выход на совершенно новый этап сотрудничества. Одним из них было открытие перекрестных

годов. Страны закрепили ряд соглашений по усилению связи, уделению большего внимания отношениям, в том числе и культурно-образовательным, а также дальнейшему развитию культурно-гуманитарного сотрудничества. Несомненно, гастроли театров и музыкальных коллективов, художественные и фотовыставки, кинопоказы и другие мероприятия помогли жителям наших стран еще лучше узнать культуру, историю и традиции друг друга. Тот факт, что мероприятия успешно реализуемые ШОС, к примеру проведение Международного фестиваля искусств «Шелковый путь» в КНР, Международного театрального фестиваля «Арт-Ордо» у нас, Фестиваля искусств «Бердэмлек – Содружество» в Российской Федерации и Международного фестиваля кукольных театров «Чодари хаел» в Республике Таджикистан расширяют культурный обмен между странами и помогают укрепить добрососедские отношения.

Можно утверждать, что страны-участницы вышли на новый уровень сотрудничества, когда в 2019 году в Бишкеке ими была активизирована работа по приоритетным направлениям в области изучения и сохранения не только культурного, а еще и природного наследия, в том числе объектов включенных в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО на пространствах ШОС, предотвращение хищения и незаконного ввоза и вывоза культурных ценностей, создание баз данных реестров памятников архитектуры, подготовка специалистов в сферах охраны культурного наследия и реставрации произведений искусства и другим направлениям, представляющим взаимный интерес.

Функционирование Университета ШОС за время функционирования расширило границы, и подписаны Меморандумы о сотрудничестве с университетами стран-участниц, что существенно облегчает межвузовский обмен в рамках международного отраслевого вуза и другие его аспекты, носящие универсальный характер, т.е. соответствующие международным стандартам и отражающие специфические требования пространства ШОС [6].

Однако эпидемиологическая обстановка, сложившаяся из-за коронавирусной инфекции COVID-19, внесла свои коррективы и изменила формат культурно-образовательных мероприятий в рамках ШОС, которые проходят онлайн или офлайн.

В заключение следует отметить, что сотрудничество в области культуры и образования в рамках Шанхайской организации сотрудничества прошло большой путь и принесло значительные результаты. В частности, создана существенная

правовая база сотрудничества в культурно-образовательной сфере, созданы экспериментальные площадки; определены формы реализации культурно-образовательных программ в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества.

Шанхайская организация сотрудничества – это организация, объединяющая страны с разными культурными традициями. За годы своего существования ШОС государства-члены наладили эффективное сотрудничество в сферах культуры, образования, экологии, молодежной политики, спорта, туризма и СМИ.

Литература

1. Официальные документы. Портал «ИнфоШОС». [2021]. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=5> (дата обращения: 28.03.21).
2. Культурно-гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Деловой клуб Шанхайской организации сотрудничества. Секретариат Шанхайской организации сотрудничества: [2021]. URL: <http://rus.sectesco.org/culture/> (дата обращения: 12.05.2021).
3. *Ли Хай*. Сотрудничество в области образования в рамках ШОС. // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию (материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 19–21 мая 2008 г.). /Под. ред. А. Лукина. М., 2008.
4. *Зверев Р., Савин И., Беляев В.* Российско-киргизские отношения: история и современность // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1. С. 106–122.
5. В Москве открыли памятник кыргызскому писателю Чынгызу Айтматову // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики [2021]. URL: http://www.president.kg/ru/sobytiya/13024_v_moskve_otkrili_pamyatnik_kirgizskomu_pisatelyu_chingizu_aytmatovu (дата обращения: 28.03.21).
6. Концепция Университета ШОС. Обучение за рубежом [2021]. URL: <https://studyabroad.mpei.ru/rus/USHOS/uscoConcept/Pages/default.aspx> (дата обращения: 28.03.21).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ И МУЗЕЙНЫХ
РАБОТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА КАЗАХСТАНА С РОССИЙСКИМИ
КОЛЛЕГАМИ НА ПРИМЕРЕ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА, М. ШОРМАНОВА
И Д. П. БАГАЕВА

Кожокар В. А. (Павлодар, Казахстан)

Аннотация: Межкультурное и межтерриториальное взаимодействие в 1850–1920-ые годы оказало значительное влияние на общественное коллекционирование и формирование первых музеев на территории северо-восточного Казахстана. Стимулирующая активность специалистов из Европейской части России по целенаправленному сбору краеведческих материалов позитивно отразилась на сохранении культурно-исторических ценностей региона. В то же время для местных музейных собраний это обернулось значительными потерями, в виду перемещения материалов в более развитые музейные центры. В 30–50-ые годы XX века подобная практика коренным образом изменилась, превратившись в консультативную. Собранные коллекции этого периода преимущественно оставались в местных музейных собраниях, а внешние специалисты занимались помощью по их изучению, описанию и музеефикации.

Ключевые слова: коллекционирование, Казахстан, музей, Ч. Ч. Валиханов, М. Шорманов и Д. П. Багаев. Ю. А. Орлов.

INTERACTIONS OF COLLECTORS AND MUSEUM WORKERS OF THE
NORTH-EAST OF KAZAKHSTAN WITH RUSSIAN COLLEAGUES ON THE
EXAMPLE OF CH. CH. VALIKHANOV, M. SHORMANOV AND D. P. BAGAEV

Kozhokar V. A. (Pavlodar, Kazakhstan)

Abstract: Intercultural and inter-territorial interaction in the 1850–1920s had a significant impact on public collecting and the formation of the first museums in the territory of north-eastern Kazakhstan. The stimulating activity of specialists from the European part of Russia in the purposeful collection of local history materials had a positive effect on the preservation of the cultural and historical values of the region. At the same time, this resulted in significant losses for local museum collections due to the transfer of materials to more developed museum centers. In the 30–50s of the XX century, this practice has radically changed, turning into

an advisory one. The collected collections of this period predominantly remained in local museum collections, while external specialists were involved in helping in their study, description and museification.

Keywords: *collecting, Kazakhstan, museum, Ch. Ch. Valikhanov, M. Shormanov and D. P. Bagaev. Yu. A. Orlov.*

Краеведческая, коллекционерская, а позже и музейная практика на северо-востоке Казахстана с 1850 по 1950-ые годы ознаменована яркими примерами межкультурного и межэтнического взаимодействия исследователей. Обозначенная территория Казахстана вызвала исторический, фольклорный, геологический, палеонтологический и многие другие виды интереса, как у местных представителей интеллигенции, так и у никогда не бывавших здесь исследователей. С этой целью в степь отправлялись многочисленные экспедиции, выдавались поручения по сбору этнографических материалов научными обществами, коллекционерами и музеями. В работе рассмотрено взаимодействие в краеведческом и коллекционерском направлении выдающихся исследователей степи М. Шорманова, Ч. Ч. Валиханова, Д. П. Багаева с коллегами из европейской части современной Российской Федерации. Целью работы является выделение основных этапов взаимодействия с определением главных отличительных черт между ними. Исследование выполнено с использованием тематических трудов казахстанских и российских исследователей, с включением ранее не публикуемых данных, хранящихся в Государственном архиве Павлодарской области (ГАПО).

Значительную роль в объединении усилий в направлении краеведческой и музейной деятельности на северо-востоке Казахстана сыграли общественные организации, имеющие интересы в регионе: ЗСО ИРГО и Семипалатинский областной статистический комитет. Привлекая представителей ссыльной интеллигенции, чinovников и местных жителей, в том числе казахов, к исследовательской деятельности, их члены смогли собрать значительные коллекции музейных ценностей, как в рамках Семипалатинского музея, так и музейных собраний Омска, Санкт-Петербурга и Москвы.

Одним из ярких представителей казахской интеллигенции, взаимодействовавший с русскими коллегами в деле сбора этнографических экспонатов казахского народа, был уроженец нынешней Павлодарской области Республики Казахстан, Муса

Шорманов. Занимая должность волостного правителя и обладая значительными финансовыми ресурсами, он обладал большими возможностями по получению краеведческих материалов. За 1871–1883 гг. М. Шорманов опубликовал ряд статей на тему краеведения, жизни казахов в различных профильных изданиях, к примеру, в «Записках» ЗСО ИРГО. Примечательной для краеведения региона является его статья: «Заметка о киргизах Павлодарского уезда» [1, с. 117]. В газете «Восточное обозрение» он пытался осмыслить историю и быт казахского народа [2, с. 28]. Лично принимал участие в сборе экспонатов казахского прикладного искусства и фольклорных материалов о праздниках, традициях, обычаях кочевников. Совместно с русскими коллегами участвовал в подготовке экспонатов для проводимых за рубежом и в Европейской части России выставок. Материалы, собранные и обработанные при его участии, хранятся в музеях и архивах Павлодара, Омска, Санкт-Петербурга и Гамбурга. К примеру, собранная им ценная коллекция из 25 предметов казахского зодчества была направлена на художественно-промышленную выставку в Москву [3, с. 84]. Приготовленные для выставки предметы в настоящее время экспонируются в музее Антропологии и этнографии имени Петра Великого в Санкт-Петербурге [4, с. 91].

Единичные экспонаты из коллекции М. Шорманова содержатся в Павлодарском областном историко-краеведческом музее им Г. Н. Потанина, формирование фонда коллекционирования его предметов началось в 1960-х годах. В фондах музея сохранились копии документов, составленных М. Шормановым, с описанием вещей, представляемых им на выставках, таких как футляр для часов, подсвечник и ряд национальных казахских предметов быта, именуемых на казахском языке: ожау или ковш для кумыса, пороховница, сделанная из корня берёзы и т. д [5, с. 254–255].

Будучи настоящим энтузиастом краеведения, М. Шорманов оставил богатое письменное наследие, занимался обширной коллекционной работой, что было удивительно для собирателей музейных ценностей того периода. Но, к сожалению, предметов коллекционирования, собранных им и хранящихся в музеях северо-востока Казахстана, на данный момент практически нет. Это связано с его широкой выставочной деятельностью за границами региона, а также с богатыми личными и научными связями, с помощью которых и пополнялись изделиями жизни и быта кочевников музейные собрания в Европейской части России.

Известнейшим коллекционером предметов быта и старины, работавшим на северо-востоке Казахстана, был Ч. Ч. Валиханов. В сфере его научных интересов лежало коллекционирование предметов старины и национальной идентичности казахов. Он был организатором сбора этнографических экспонатов для нескольких выставок, проводимых в Москве и Петербурге. К примеру, коллекция Румянцевского музея в Москве в 1867 году пополнились более чем 100 экспонатами, а в фондах Российского этнографического музея содержится 81 предмет, собранный Ч. Ч. Валихановым на территории региона. Более 400 экспонатов, приобретённых им при жизни, экспонировались на выставках в 1876 году в Акмолинске, Петропавловске, Омске, Петербурге. Экспозиция была разделена на собрания кожевенных, шерстяных, ремесленных и ювелирных изделий, вооружения, одежды, орудия земледельцев [6, с. 104]. Описание отдельного фонда гласит «Предметы из быта киргиз-кайсаков пожертвованы гг. Валихановым, Ханхожиным, генералами Крыжановским и Баллuzeком» [7, с. 227].

Включение в коллекционирование и краеведение казахской интеллигенции, хорошо знакомой с местными укладами, знавшей язык и имевшей широкий круг знакомств, позволяло с большим успехом собирать материалы по быту и этнографическому описанию проживающих здесь народов. Зачастую представители местной знати, получившие образование в России, были сами заинтересованы в сохранении элементов национальной культуры в музейных собраниях, на начальном этапе – в личных коллекциях. К сожалению, для современных музеев региона, основная часть материалов, собранных ими, распределялась и включалась в коллекции более развитых музеев [8, с. 136]. Можно отметить, что отсутствие музея на северо-востоке Казахстана до 1883 года вынуждало передавать на хранение коллекции, накопленные в ходе целенаправленных экспедиций в уже имеющиеся музейные собрания, обладающие условиями хранения и экспонирования.

Крупной потерей для Семипалатинского музея явилась передача 108 экспонатов из его фондов в экспозицию Государственного Русского музея в Ленинграде [9]. Материалы, имеющие высокую археологическую, историческую или эстетическую привлекательность часто оставляли в личных накоплениях или передавали в музеи и на выставки за пределами региона. В то же время стоит отметить и факт личного обращения представителей научного мира и государственных органов к

Ч. Ч. Валиханову и М. Шорманову с просьбами о предоставлении материалов о жизни казахов, что также способствовало как накоплению экспонатов о жизни региона, так и перемещению их в фонды действующих музеев.

Значительное качественное изменение взаимодействия представителей казахстанского музейного и краеведческого направления с коллегами из России началось в 1920-ых годах. Именно тогда обозначилось взаимное сотрудничество в деле поиска, изучения и сохранения в местных музеях материалов по истории края. Больших успехов в работе с коллегами из России добился Д. П. Багаев, краевед, фотограф, член научных обществ, сооснователь и первый директор Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г. Н. Потанина. По его приглашению в экспедицию по Павлодарской области, в Ермаковский, Экибастузский и Баянаульский районы для сбора материала в альбом по национальному казахскому орнаменту и ботанической коллекции из Омска прибыли художники Е. А. Клодт и В. П. Батулин, ботаник В. И. Гришин [10, с. 203].

В 1940–1950-ых годах он вёл значительную переписку с директором Палеонтологического института Ю. Г. Орловым по вопросам поиска, идентификации и сохранения палеонтологического наследия в регионе. В первые послевоенные годы, именно Ю. Г. Орлов мотивировал руководство музеев региона к первичному накоплению новых экспонатов и приведению в порядок и надлежащему хранению палеонтологических коллекций [11, с. 5; 12, с. 30]. В ответных письмах Дмитрий Поликарпович в точности описывает те находки, которые сделал он сам на Гусином перелёте, а также то, что было передано в музейные собрания неравнодушными гражданами. Также им высылаются фотографии тех ископаемых останков животных, которые не были идентифицированы местными специалистами [13, с. 12].

Изменилась и форма запроса материалов из провинциальных музеев, в 1950-ых годах, зачастую, просят присылать только копии документов или фотографии экспонатов, находящихся в коллекциях музеев. Так новосибирский отдел Всесоюзного географического общества просил Д. П. Багаева сделать и отправить фотографии природы и объектов народного хозяйства, характеризующих северо-восточную часть Казахстана [14, с. 27]. О возможности фотодокументирования говорит и Ю. А. Орлов, указывая на необходимость для нужд института Палеонтологии

регулярного дистанционного исследования правого берега реки Иртыш в пределах г. Павлодара [15, с. 22].

В соответствии с данными примерами можно отметить изменившиеся отношения между местными коллекционерами, музейными работниками и заинтересованными лицами и организациями, находящимися в крупных городах и музеях. Исчезли предпосылки для различного рода изъятия культурных и природных объектов хранящихся в коллекциях ввиду наличия собственных условий для хранения, изучения и музеефикации. Начался длительный период консультативной и дистанционной совместной работы над поиском и обработкой материалов, представляющих интерес, как для местного сообщества, так и для сторонних специалистов.

Таким образом, мы можем выделить два крупных этапа межкультурного взаимодействия на основании взятых примеров. Первый этап, с 1850-ых по 1920-ые годы, характеризуется изъятием музейных и коллекционных ценностей, накопленных на северо-востоке Казахстана в пользу музейных собраний более развитых регионов. Второй этап начался с конца 1920-ых годов, когда изъятие культурных и природных объектов, представляющих ценность, практически прекратилось, на смену ему пришла консультативное взаимодействие лиц, занимающихся музейной и собирательской практикой. Взаимное межкультурное сотрудничество.

Литература

1. *Захаренко А. Л.* Общественно-политические, культурные связи Северного Казахстана и Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Павлодар, 2004. С. 117.
2. *Захаренко А. Л.* Журналист, редактор, просветитель // *Обозрение недели.* 2012. 2 ноября. С. 28.
3. *Ермекбай Ж. А.* Из истории изучения Казахского края в Российской империи в XVII–XIX веках // *Вестник Томского государственного университета.* 2016. № 404. С. 84.
4. *Джаксыбаев С. И.* Записки краеведа. Павлодар, 2008. С. 91.
5. *Шегебаева А. С.* Обзор материалов Муссы и Садвакаса Чормановых в фондах областного историко-краеведческого музея им Г. Н. Потанина // *Материалы международной научно-практической конференции «Роль музеев на современном этапе и перспективы развития».* Павлодар. 2012. С. 254–255.

6. *Ермекбай Ж. А.* Из истории Казахских коллекций на Российских и международных выставках второй половины XIX – начала XX вв.: сборник научных трудов международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию города Омска и 150-летию со дня рождения А. Н. Букейханова. Омск. 2016. С. 104.

7. *Бобров Л. А., Шереметьев Д. А.* Сабли казахских воинов из фондов РЭМ // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. № 7. С. 227.

8. *Мальшева М., Познанский В.* Чингис Валиханов как этнограф, собиратель казахской старины. Алматы. 2002. С. 136.

9. Алексей Белослюдов. URL: <https://www.el.kz/news/archive/content-15740/> (дата обращения: 19.04.2020).

10. *Дубовая Е. В.* В. П. Батулин в Павлодаре // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2000. № 8. С. 203.

11. ГАПО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 20. Л. 5

12. ГАПО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 25. Л. 30

13. ГАПО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 20. Л. 12

14. ГАПО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 41. Л. 27

15. ГАПО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 51. Л. 22

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА, ВЫЗВАННОГО ПАНДЕМИЕЙ, И ФАКТОРЫ, СОЗДАЮЩИЕ УГРОЗУ СТАБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ (В СВЯЗИ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ, ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОВЕСТКОЙ, А ТАКЖЕ НАСТРОЕНИЯМИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

Кузина Н. В. (Москва, Россия)

Исследование проводится в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годы (НИР 0006–2020–0005).

Аннотация: В процессе исследования были собраны и проанализированы более 70 статистических показателей, отражающих экономическую, демографическую, социальную и этнокультурную повестку в 85 субъектах Российской Федерации в первом полугодии 2020 г., в период начала пандемического кризиса. На основе корреляционного анализа были выделены два профиля и семь подпрофилей регионов, имеющих тенденцию к росту социальной напряженности. С полученными данными соотнесены аналогичные статистические показатели за указанный период таких регионов, как Республика Алтай и Алтайский край. Сформировано представление о том, что данные регионы относятся ко второму профилю, подпрофилю А предложенной классификации. Для уточнения угрозы разворачивания процессов дестабилизации в данных регионах необходим анализ преобладающих публичных реакций населения (прежде всего в социальных сетях и на форумах), а именно – преобладающей оценочной лексики и лексики, описывающей эмоции.

Ключевые слова: пандемия, экономический кризис, демография, социальная политика, социальная удовлетворенность, регионоведение.

EFFECTS OF ECONOMIC PANDEMIC CRISIS AND FACTORS,
ENDANGERING STABILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION:
THE EXAMPLE OF THE ALTAI REPUBLIC AND THE ALTAI REGION
(WITH RESPECT TO ECONOMIC, DEMOGRAPHIC, SOCIAL,
ETHNOCULTURAL AGENDA, AND INTERNET USER-CONFIGURED
RESOURCES)

Kuzina N. V. (Moscow, Russia)

Abstract: *In the course of the study, more than 70 statistical indicators were collected and analyzed, reflecting the economic, demographic, social, and ethnocultural agenda in 85 constituent entities of the Russian Federation in the first half of 2020, during the onset of the pandemic crisis. Based on the correlation analysis, two profiles and seven sub-profiles of regions with a tendency to increase social tension were identified. The obtained data correlated similar statistical indicators for the indicated period of such regions as the Republic of Altai and Altai Krai. An idea was formed that these regions belong to the second profile, sub-profile A of the proposed classification. To clarify the threat of the deployment of destabilization processes in these regions, it is necessary to analyze the prevailing public reactions of the population (primarily in social networks and forums), namely, the prevailing evaluative vocabulary and vocabulary describing emotions.*

Keywords: *pandemic, economic crisis, demography, social policy, social satisfaction, regional studies.*

В научной периодике, индексированной в базе «Web of Science», Алтай представлен прежде всего в исследованиях, посвященных уникальному ландшафту, геологии, археологическим артефактам, аспектам экологии и здравоохранения, а также современной традиционной этнической культуре. В отечественных научных изданиях последних лет также активно представлена повестка, связанная с межэтническими отношениями [5, 15, 16, 30, 37], экологией и традиционным природопользованием [31], социализацией молодежи [3, 17, 33], традиционным мировоззрением [6, 8, 34], стратегиями региональных СМИ [14, 26, 27, 29], политической активностью населения [2, 42], а также критическими и кризисными ситуациями [35, 36], в том числе связанными со здравоохранением [28] и ветеринарией (прежде всего зоонозами) [32, 43]. Мы попробовали увидеть лицо Алтая в 2020 г., представленного двумя регионами (Республика Алтай и Алтайский

край), в связи с местом данных регионов среди различных профилей субъектов Российской Федерации по уровню социальной напряженности [17, 22].

В российской науке уже проведены исследования, характеризующие дестабилизационные процессы [7, 11, 20, 23], вызванные первым годом пандемии в регионах Российской Федерации [4, 9, 10, 38]. Наиболее глубоким стал анализ, произведенный специалистами НИУ ВШЭ [9, 10, 12, 13], в том числе его результаты были опубликованы в научной периодике и регулярных аналитических выпусках бюллетеня Института НИУ ВШЭ «Центр развития» «Комментарии о государстве и бизнесе» [25, 39, 40, 41], а также доложены в ходе XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (13–30 апреля 2021 г.), в специальных онлайн-докладах, например, руководителя Международной лаборатории исследований населения и здоровья Е. М. Андреева «Первый год пандемии COVID-19 в России (апрель 2020 г. – март 2021 г.)» (3 июня 2021 г.).

Помимо анализа ситуации в экономике и здравоохранении, как российские, так и зарубежные авторы отдельно останавливаются на проблеме распространения среди населения эмоциональных функциональных расстройств, всплесков массовой агрессии [19, 20, 21, 23]. Спровоцированные пандемией фобии, усиление эмоционального стресса и общей социальной напряженности, другие социально-психологические факторы имеют первостепенное значение при прогнозировании различного рода потерь от возможных будущих волн COVID-19 и связанных с ними популярных или непопулярных управленческих решений. Еще на раннем этапе пандемии на выборке около 950 респондентов с использованием кросс-валидной гибридной пошаговой процедуры была разработана описательная модель эмоционального дистресса COVID-19. Наиболее существенными предикторами нарастания эмоционального стресса стали общая тревожность, пол, использование информации негосударственных СМИ и социальных сетей. Менее влияли на поведенческие паттерны возраст и политические предпочтения информанта. Подобные исследования ставили своей целью помощь управленческим структурам в выявлении групп населения, наиболее подверженных дистрессу, вызванному пандемией [1]. Решетниковым А. В. и др. в Москве с целью выявления оценки населением происходящих событий было проведено интервью с

более чем 400 информантами, в ходе чего был предложен вывод об амбивалентности суждений респондентов, в частности – о высоком уровне информированности респондентов в части симптомов, путей передачи заболевания и о недооценке риска заражения; о положительном восприятии правительственных мер по предотвращению распространения инфекции, но негативной реакции на введение профилактических ограничений для себя лично; о признании эффективности режима самоизоляции, но и констатации выраженных проявлений стресса из-за потери дохода, падения уровня жизни и изменения распорядка дня. Наблюдалось снижение социальной солидарности и общая тенденция социальной «атомизации», при этом социальная группа бездетных молодых людей до 40 лет оценили новые условия добровольной социальной изолированности при распространении дистанционных коммуникационных технологий как комфортные [38, с. 141–142].

Нами были проанализированы 70 показателей экономической, финансовой, демографической, социальной ситуации в регионах Российской Федерации за первое полугодие 2020 г. (данные ГУ МВД, Генеральной Прокуратуры России, Росстата, Минобрнауки России, Минздрава России). С целью выявления профилей регионов с риском роста социальной напряженности был использован STATISTICA 13, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена). Важнейшим показателем благополучия региона являются доходы и расходы консолидированного бюджета. Рассмотрим профили регионов, имеющих высокие доходы и расходы консолидированного бюджета. Регионы с высокими доходами консолидированного бюджета характеризуются развитыми мерами социальной поддержки, большим числом вакантных рабочих мест, высокой брачной и репродуктивной активностью населения, хорошо развитой социальной сферой, обширным потоком внешних трудовых мигрантов, низкими расходами домохозяйств на питание. Важнейшими связанными статистически значимой прямой или обратной сильной и умеренной корреляцией показателями стали закредитованность населения, затраты на питание по отношению к общему доходу домохозяйства, а также количество безработных, величина потока внешних трудовых мигрантов, объем доходов и расходов консолидированного бюджета, количество экстремистских и других преступлений в регионе (в том числе преступлений против иностранных граждан) [18, с. 166–206].

Согласно полученным данным, угроза стабильности возникает в регионах, близких к двум типовым профилям (в каждом из профилей перечисленные ниже показатели имеют сильную и умеренную корреляционную связь). Для первого типа профиля региона (сепаратистски настроенные) свойственна высокая заработная плата работников, высокие доходы домохозяйств, активные меры соцподдержки, достаточно высокое количество вакантных рабочих мест, низкая смертность и низкие расходы домохозяйств на питание, но повышенные – на транспорт и отдых, а также высокая закредитованность населения. Другой тип регионов (беднейшие дотационные) характеризуется высокими расходами домохозяйств на продукты питания. При этом, чем выше расходы на питание в регионе, тем меньше имеется поступлений в федеральный и местный бюджеты, тем ниже доходы и расходы консолидированного бюджета, ниже расходы на социальную поддержку граждан, ниже количество вакантных рабочих мест и приток трудовых мигрантов, а также денежное вознаграждение работающих, доходы и расходы на душу населения и в целом расходы на потребление на одного члена семьи. Регионы с подобным профилем также имеют высокую угрозу дестабилизации. Было подтверждено, таким образом, что, чем больше домохозяйство тратит на питание, тем одновременно в целом более выражен уровень бедности региона и, как правило, ниже в данном регионе вознаграждение на труд. Разновидностью профиля такого региона является также наличие большого количества безработных (формирование «протестной» безработицы в случае низкой оплаты труда и хорошо развитой социальной сферы). Также данные регионы характеризуются высокой демографической нагрузкой и риском протестных выступлений. С другой стороны, задолженность домохозяйств в регионе не является точным отражением уровня бедности: она повышается в регионах при росте общего дохода домохозяйств, в случае высоких показателей валового регионального продукта, более высоких затрат домохозяйств на транспорт и на отдых. Таким образом, кредитная задолженность свойственна регионам с привычкой к «раскованному» потреблению, где больший процент населения по уровню доходов ранее мог быть близок к условному среднему классу и пытается поддержать высокий уровень жизни, несмотря на экономический кризис.

Количество экстремистских преступлений выше в регионах, где высок уровень безработицы и демографической нагрузки

(выше количество учащейся студенческой молодежи, неработающих пенсионеров), в регионах с большим процентом расходов домохозяйств на питание, с меньшей общей задолженностью домохозяйств. Данным регионам присущи более низкая заработная плата, более высокий оборот пищевых продуктов. В регионах с высоким прожиточным минимумом, общим доходом домохозяйств, более высокой стоимостью минимальной корзины продуктов и услуг количество преступлений экстремистского характера статистически значимо ниже.

Большее количество террористических преступлений характерно для тех регионов, где наблюдается также и рост преступлений против иностранных граждан и лиц без гражданства, то есть в тех регионах, где имеется выраженная этносоциальная напряженность, значим приток внешних трудовых мигрантов. Количество террористических преступлений растет в регионах Российской Федерации при снижении прожиточного минимума, снижении стоимости минимального набора товаров и услуг, наличии доступа домохозяйств в сеть Интернет. Террористических преступлений больше регистрируется в регионе, если в нем выше безработица в целом и за последние полгода, ниже средняя начисленная заработная плата, выше число студентов и организаций высшего образования.

Показатели по Республике Алтай и Алтайскому краю были сопоставлены с приведенными выше типичными двумя профилями регионов с рисками дестабилизации. Оба региона примыкают к профилю два, представляя подпрофиль А.

Без использования спроектированных тенденциозных инфоповодов и деструктивных полит-технологий, обращенных не к разуму, но к эмоциям электората, «актерами» – организациями-иностранными агентами или экстремистскими сообществами – неудовлетворенность населения в обоих случаях не приведет к дестабилизации. Помимо мониторинга СМИ и Интернет-контента, в данной ситуации важнейшим профилактическим методом (помимо нормализации проанализированных выше взаимозависимых социально-экономических показателей региона) будет мониторинг преобладающих в вербальных проявлениях социума эмоциональных переживаний (меры эмоционально-психологического напряжения), осуществляемый с помощью семантического и количественного анализа эмоционально-оценочной лексики как в социальных сетях и блогах, так и в устной речи (частично также представленной в сети Интернет, например, в видео-контенте).

Рост уровня социальной напряженности, помимо ухудшений экономических условий жизни, связан прежде всего со снижением субъективной удовлетворенности, а также общего эмоционального фона у населения. Данный факт предусматривает для оптимизации работы как федеральных, так и местных органов управления, прежде всего с целью снижения уровня социальной напряженности в регионе не только учет его уязвимости в части социально-экономических показателей среди субъектов Российской Федерации, но и мониторинг общего эмоционального фона и оценок актуальной ситуации жителями региона, прежде всего на материале социальных сетей, а также различных открытых форумов.

Помимо контроля показателей социально-экономической сферы, а также мониторинга динамики общей эмоциональной оценки социумом актуальной ситуации в данных регионах с целью принятия и реализации стратегически выверенных управленческих решений, способствующих стабилизации внутри-региональной повестки, необходимо особенно тщательное курирование вопросов и проблемных зон, нашедших отражение в выполненных в последние годы научными силами региона исследованиях, а именно: мониторинг социальной и этносоциальной политики, экологических проблем, вопросов целесообразных действий в экстремальных ситуациях, а также работы с социально значимыми заболеваниями, имеющими высокую распространенность, в том числе эпизоотий. Одним из способов преодоления вызванного пандемией экономического кризиса может быть планомерный учет исторически сложившихся на территории регионов культурно-хозяйственных типов и активное включение знаний о традициях хозяйствования и выживания в системы воспитания и обучения трудовым практикам детей, подростков, юношества [3, 24, 33].

Литература

1. *Heffner J., Vives M.-L., Feldmanhall O.* Anxiety, gender, and social media consumption predict COVID-19 emotional distress. *Humanities and Social Sciences Communications* 8. 2021. P. 1–8.
2. *Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю.* Особенности массового сознания как фактор политического процесса в республике Алтай// *Политическая наука*. 2017. № 1. С. 281–300.
3. *Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю.* Оценка эффективности государственной молодежной политики и ее информационного

компонента школьниками регионов Юго-Западной Сибири // SocioTime=Социальное время. 2020. № 1(21). С. 66–76.

4. *Ваторопин А. С., Костина Н. Б., Калугина Д. А. и др.* Население Свердловской области о коронавирусной инфекции и её социальных последствиях // Вопросы управления. 2020. № 3(64). С. 139–153.

5. *Даровских О. В.* Феномен метиса в этнической структуре Алтайского этноса Республики Алтай начала XXI века // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: Сборник научных трудов, Горно-Алтайск, 15 декабря 2016 года / Под ред. Лизуновой Г. Ю. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2017. С. 344–349.

6. *Екеева Э. В.* Глава I. Ритуальная атрибутика в культе природы алтайцев // Культовая атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев / Научн. ред. Н. О. Тадышева. Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2018. С. 4–60.

7. *Ерохина О. В.* Общество и государство: Информационно-коммуникационные технологии для преодоления «кризиса доверия» в условиях пандемии // Инфокоммуникационные технологии. 2020. Т. 18. № 3. С. 368–374.

8. *Жерносенко И. А.* Метафизика Алтая: От сакрального ландшафта к ноосферной цивилизации. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры», 2019. 307 с.

9. *Зубаревич Н. В.* Пандемия и регионы: итоги января-августа 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 11. С. 91–95.

10. *Зубаревич Н. В.* Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. Т. 10. № 1. С. 48–60.

11. *Зубаревич Н. В.* Региональные риски нового кризиса для занятости и бюджетов регионов // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 7 (109). С. 3–13. URL: <https://publications.hse.ru/articles/407362133> (дата обращения: 10.06.2021).

12. *Зубаревич Н. В., Макаренцева А. О., Мкртчян Н. В.* Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 10. С. 73–88.

13. *Зубаревич Н. В., Хасанова Р. Р.* Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 77–87.

14. *Ильин В. Н., Киселенко А. А.* Опыт формирования положительного имиджа Алтайского края через СМИ на примере государственной программы «Развитие туризма в Алтайском крае» // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16 (16). С. 78–81.

15. *Кобец А. С., Литягин Е. В.* Исследование проблемы межэтнической напряженности среди представителей этносов республики Алтай // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. 2019. Т. 2. № 8. С. 345–348.

16. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков) / Под ред. Тадышевой Н. О., Енчинова Э. В. Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 336 с.

17. *Косюшко В. В., Свидерских М. И.* Государственная материальная поддержка обучающейся молодежи в Республике Алтай // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 12 февраля 2020 года. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2020. С. 530–535.

18. *Кузина Н. В.* Выявление типовых профилей регионов с тенденцией к росту социальной напряженности на основе анализа данных статистики субъектов федерации (первое полугодие 2020 г.) // Наука Красноярья. Том 9. № 4. 2020. С. 166–206.

19. *Кузина Н. В.* Идеология насилия в культуре и причины восприимчивости к ней молодежи и подростков (статья 2) // Бюллетень науки и практики. 2020 г. Т. 6. № 11. С. 367–384.

20. *Кузина Н. В.* Информационная безопасность в условиях пандемии: Методы стабилизации состояния социума в электронных СМИ и Интернете, Бюллетень науки и практики. Т. 6. № 9, 2020. С. 356–394.

21. *Кузина Н. В.* О современном состоянии информационной защищенности общества: механизмы формирования и пути предотвращения индукции деструктивной идеологии в среде подростков и юношества при влиянии современной музыкальной

и кино-культуры, видеоконтента Интернета// Бюллетень науки и практики, 2020 г. Т. 6. № 9. С. 330–355.

22. *Кузина Н. В.* Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики// Международный правовой курьер, 02.08.2020.

23. *Кузина Н. В.* Психика и информационная безопасность в условиях пандемии: Последствия для личности и государства. *Galactica Media* Том 3. № 1 (2021). С. 146–189.

24. *Кузина Н. В., Кузина Л. Б.* Учет исторических культурно-хозяйственных типов на территории Российской Федерации в системах воспитания и включения в трудовые практики детей и подростков // *Сельское хозяйство*. 2016. № 1. С. 1–18. DOI: 10.7256/2453–8809.2016.1.19956 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19956

25. *Кузнецов А. и др.* Прибыль экономики в январе-феврале 2021 г.: кратный рост в силу низкой базы// Бюллетень «Комментарии о Государстве и Бизнесе». № 365, 2021 г., 04.06.2021. С. 1–5. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/475125918.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

26. *Ламова Е. Ф.* Аналитическая журналистика в региональной прессе Алтая // *Информационное пространство в аспекте гуманитарных и технических наук – 2017 / Под ред. В. В. Белозерских, О. А. Скубач.* Барнаул: АГУ, 2017. С. 84–89.

27. *Ламова Е. Ф.* Проблема количества и качества аналитических материалов в региональной прессе Алтая // *Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Кемерово, 30 октября 2017 года.* Кемерово: ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2017. С. 38–42.

28. *Лещенко Л. В., Курьшин В. И.* История развития психиатрической службы на Алтае (к 60-летию юбилею кафедры психиатрии Алтайского государственного медицинского университета) // *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова.* 2019. Т. 119. № 3. С. 70–72.

29. *Лукашевич Е. В., Киричук В. А.* Стратегии взаимодействия управления Алтайского края по печати и информации с федеральными СМИ в условиях кризиса // *PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект.* 2015. № 13. С. 11–20.

30. *Мадюкова С. А., Персидская О. А.* Республика Алтай: ИЧР и региональные тенденции социального развития // *Материалы*

Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых» / Под общ. Ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород: ООО «НИСЦ», 2017. С. 559–563.

31. *Макаев А. Е.* Природные и антропогенные риски уязвимости лесного фонда Западно-Алтайского Государственного природного заповедника // *Инновации в сохранении и устойчивом развитии лесных экосистем.* Бурабай, 2020. С. 42–44.

32. *Марченко В. А., Ефремова Е. А.* Кишечные гельминты и влияние факторов среды на зараженность ими крупного рогатого скота в Горном Алтае // *Российский паразитологический журнал.* 2020. Т. 14. № 3. С. 53–62.

33. Молодежь как социальный двигатель развития Алтая: Социальные лифты и практики поддержки органами власти: Материалы региональной научно-практической конференции, Барнаул, 17 ноября 2020 года / Под ред. А. А. Шмакова, С. П. Воробьева, Е. А. Козьяковой, Д. С. Леонтьевой и др. Барнаул: АГУ, 2020. 98 с.

34. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: БНУ Республики Алтай НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.

35. *Пашаев Х. П., Пашаева Э. Х., Потапов Д. П., Чиконова Л. В., Двойнина Т. А.* К вопросу о семейно-бытовом насилии (Аналитический обзор проблемы на примере Республики Алтай) // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта.* 2019. Т. 15. № 4. С. 152–160.

36. *Поздняков А. В.* Антикризисные коммуникации во время чрезвычайных ситуаций (На материале деятельности Главного управления МЧС России по Алтайскому краю) // *PR в изменяющемся мире: Региональный аспект: Сборник статей/ Под ред. М. В. Гундарина, А. Г. Сидоровой, Ю. В. Явинской.* Вып. 9. Барнаул: Изд-во АГУ, 2011. С. 157–160.

37. *Мадюкова С. А., Персидская О. А.* Социокультурные детерминанты развития межэтнического сообщества Республики Алтай // *Сибирский философский журнал.* 2018. Т. 16. № 2. С. 167–177.

38. *Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю.* Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // *Социологические исследования.* 2020. № 7. С. 138–143.

39. *Российская экономика: прогнозы и тенденции = Russian Economy: Forecasts and Trends.* № 1 (334), 2021. URL:

https://rusecon.hse.ru/data/2021/02/12/1408358577/demo_2021.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

40. *Сафронов И. и др.* Инфляция и монетарная политика. Нейтральность раньше срока// Бюллетень «Комментарии о Государстве и Бизнесе». № 366, 2021 г., 10.06.2021. С. 1–9. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/476921919.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

41. *Чернявский А. и др.* Бюджет. Налог на прибыль и трансферты сформировали высокие доходы регионов// Бюллетень «Комментарии о Государстве и Бизнесе». 2021. № 364. С. 1–4. URL: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/474439831.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

42. *Шарапов А. В.* Сравнительный анализ электоральной активности молодежи в Республике Алтай в 2014 и 2019 гг.// Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 4. С. 85–94.

43. *Шатрובה Е. В.* Эпизоотическая обстановка по инфекционным болезням животных в Республике Алтай// Научная жизнь. 2019. Т. 14. № 8 (96). С. 1281–1287.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Мальковец Н. В. (Новокузнецк, Россия)

Аннотация: Местное самоуправление в Российской Федерации – молодой институт, о котором нельзя сказать, что он динамично развивается. Всего за несколько десятилетий этот уникальный уровень власти, который одновременно является институтом гражданского общества, прошел в нашей стране путь от надежды и оптимизма к разочарованию и отчуждению. В статье рассматриваются некоторые социальные последствия фактической деградации местного самоуправления, в том числе, по причинам, которые не позволяют сформироваться демократическим самоуправленческим традициям. Приведен перечень решений органов государственной власти регионального и федерального уровней, которые не способствуют развитию местной инициативы, направлены на встраивание местного уровня власти в государственную вертикаль, приводят к нежелательным социальным последствиям.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, социальный, последствия, партисипация, патернализм.

SOCIAL CONSEQUENCES OF THE REFORM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Malkovets N. V. (Novokuznetsk, Russia)

Abstract: Local self-government in the Russian Federation is a young institution. And we cannot say that it is dynamically developing. In just a few decades, this unique level of authority, which is also an institution of civil society, has gone from hope and optimism to disappointment and alienation in our country. The article considers some social consequences of the actual degradation of local self-government, including for reasons that do not allow the formation of democratic self-government traditions. A list of decisions of state authorities at the regional and federal levels that do not contribute to the development of local initiative, are aimed at integrating the local level of government into the state vertical, and lead to undesirable social consequences is given.

Keywords: *local self-government, reform, social, consequences, participations, paternalism.*

С конца 90-х годов в Новокузнецком филиале (институте) Кемеровского государственного университета осуществлялась подготовка кадров государственного и муниципального управления со специализацией, а затем – с профилем «муниципальное управление». Такой уникальный выбор был обусловлен тем, что Новокузнецк – крупный город, центр южнокузбасской агломерации, но не административный центр субъекта Российской Федерации. Здесь более востребованы кадры для органов местного самоуправления и институтов гражданского общества. В НФИ КемГУ даже была принята концепция гражданского образования студентов [4]. Научный руководитель и известный ученый в сфере муниципальной науки Роальд Бабун обеспечил направление качественным учебным и методическим материалом [1]. Выпускники были востребованы. Но вот недавно было объявлено, что институт отказывается от этой своей «идентичности» и переходит на профиль «государственное и муниципальное управление». Аргумент один: «Сейчас все государственное!».

Местное самоуправление – это достаточно молодое явление в России. Но оно уже имеет свою непростую историю. Начав свое развитие в 1995 году, после принятия первого федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», претерпело изменения в 2003 году, когда был принят новый закон с тем же наименованием, и продолжает реформироваться в сторону максимального встраивания в вертикаль власти. Надежды экспертов и муниципалов на скорое устойчивое развитие не оправдались.

Между тем, местное самоуправление, в соответствии с его нормативной формулировкой – это власть народа, которая осуществляется самостоятельно и (или) через органы местного самоуправления, под свою ответственность, с учетом исторических и иных местных традиций [7]. Разница между местным самоуправлением и местным государственным управлением – огромна. И это различие носит социальный характер, так как в первом случае человек является и субъектом, и объектом управления, а во втором – только объектом. И, если главная цель местного самоуправления – повышение качества жизни населения, то цель местного государственного управления, встроенного в

вертикаль государственной власти, может очень сильно отличаться. Даже если это государство провозглашает себя социально ориентированным, утрачиваются ресурсы самоорганизации, местные власти все более превращаются в исполнителей решений государственных органов и все менее зависят от граждан, за свою деятельность отчитываются не перед избравшим их населением, а перед тем, от кого зависит назначение на должность.

Мы уже можем ощутить некоторые социальные последствия.

Например, практически все муниципальные образования, в том числе крупные города, изменили свои организационные модели. Некоторые, например, Барнаул, сделали это несколько раз за последние 10–15 лет. Это касается прежде всего отказа (решением собственных представительных органов или в соответствии с законами субъектов Российской Федерации) от прямых всенародных выборов глав. Кое-где жители лишь спустя несколько лет осознали, что больше не имеют право голосовать за избрание мэра своего города. Да, законодательство предполагает несколько способов избрания высшего должностного лица местного самоуправления. Все решения, принимаемые по этому вопросу, – в рамках закона. Однако, демократия развивается вместе с демократическими традициями. Для формирования таких традиций требуется немалое время. При любой организационной модели все общественные структуры рано или поздно найдут способы взаимного влияния, но для этого нужно время. Если в городе десятки лет мэр избирался всенародно, то можно говорить о том, что некая традиция уже начала формироваться, люди начали понимать, какой глава им нужен, научились формулировать свои требования к кандидатуре на выборах. Но, когда правила резко меняются, фактически, без учета мнения граждан, в результате эти граждане испытывают лишь разочарование и отчуждение. В дальнейшем очень трудно вернуть доверие жителей. И, конечно, это не способствует укреплению чувства гордости и любви к своей малой родине. Тем более, что вернуться к прежней практике, оказывается, очень сложно.

В последние годы из реестра муниципальных образований исчезли сотни сельских и десятки городских поселений. Это произошло в результате преобразования муниципальных районов в муниципальные округа в ряде субъектов Российской Федерации (Кемеровская область, Московская область и др.). Здесь необходимо пояснить, что населенные пункты, конечно, никуда не исчезают, речь идет о том, что жители этих поселков, деревень,

сел, малых городов и т.д. отказываются от права иметь собственные органы местного самоуправления (депутатов, избранного главу и т.д.) в своем поселении. Органы местного самоуправления формируются только на уровне прежнего муниципального района, который приобретает статус муниципального округа. Во-первых, власть значительно удаляется от жителей. Во-вторых, далеко не все населенные пункты будут иметь своих представителей (депутатов) в этой власти. Третье – бывшие поселения теперь не имеют собственного бюджета, которым могли распоряжаться в рамках собственных полномочий, не смогут формировать собственные программы и стратегии развития. Еще один социальный результат связан с опасностью деградации человеческого потенциала на этих территориях. Все-таки, люди, которые были избраны главами, депутатами, составляли местную элиту, они вынуждены были вникать в проблемы своего муниципалитета, думать, рассуждать, выстраивать коммуникации с жителями, здесь жили их семьи, они имели определенный статус и старались соответствовать этому статусу, они непосредственно знали проблемы своей земли и использовали свой ресурс для решения этих проблем. Конечно, в сельских поселениях и малых городах местное самоуправление зачастую испытывает серьезные проблемы, связанные с отсутствием кадров, денег, полномочий, ресурсов, инициативы и т.д. Иногда поселения сталкивались с ситуацией, когда невозможно было сформировать депутатский корпус из-за отсутствия желающих или полным отсутствием средств в местном бюджете. Но можно ли решать эти проблемы ликвидацией местного самоуправления, вместо того, чтобы поддержать этот уровень власти организационно и материально? И каковы мотивы у граждан, прежде представлявших местные «элиты», остаться и далее жить в своем селе, поселке, малом городе? Потери могут иметь (и уже имеют) катастрофический характер. Сейчас на территории многих упраздненных муниципальных образований спешно создаются органы территориального общественного самоуправления (ТОС). Однако это совершенно не полноценная замена, так как ТОС не обладает властными полномочиями, ему не гарантирован государством бюджет и иные ресурсы. Кроме того, жители некоторых населенных пунктов за последние 20–30 лет испытали на себе неоднократные перемены статуса, размеров территории и границ муниципального образования, власть то приближалась территориально, то удалялась (например, города

Гурьевск и Салаир в Кемеровской области). Такая «чехарда» тоже не способствует формированию самоуправленческих традиций, появлению желания у граждан принимать участие в управлении.

Передача полномочий в сфере здравоохранения с уровня местного самоуправления на уровень субъектов Российской Федерации привела к ужасающим последствиям в отдаленных от центров территориях. Медицина перестала быть доступной. А у людей исчезла возможность высказать свое недовольство – слишком далеко те, от кого зависит качество этой услуги. Дело доходит до того, что органы местного самоуправления некоторых городов (например, Братск) обращаются к губернаторам и региональным министерствам с предложением о необходимости постоянного пребывания на территории муниципального образования представителя регионального министерства здравоохранения, наделенного полномочиями для решения вопросов, возникающих при оказании медицинской помощи в подведомственных министерству организациях.

Наконец, реализация национальных проектов в муниципальных образованиях. Это явление рассматривается многими аналитиками как управленческий прорыв. Национальные проекты реализуются на территориях муниципальных образований. Участие в реализации национальных проектов позволяет привлечь значительные денежные средства для нужд города, привлечь жителей к выбору объектов благоустройства и реконструкции. И жители охотно принимают участие в преобразовании дворов и общественных пространств [2]. Но на условиях и в порядке, определяемых на федеральном уровне. Например, в соответствии с этим порядком, жители голосуют за общественные пространства, которые необходимо благоустроить. Но вот в дальнейшем они чаще всего отстранены от принятия решений о том, как будет выглядеть это пространство, местная власть не проводит конкурсов на лучший проект, опыта осуществления общественного контроля за производством работ до сих пор очень мало. В итоге – масса нареканий. По информации социологической лаборатории АСДГ, 53 % опрошенных лабораторией руководителей муниципальных образований считают актуальными для их муниципального образования 7 и более проектов из 12 национальных проектов. Но фактически такое количество проектов реализуется только в 27 % муниципальных образований. Существенные проблемы, препятствующие этой деятельности – отсутствие собственных средств, необходимых для обеспечения финансирования, несовершенная

нормативная база, недостаточность методического и информационного обеспечения и др. [6]. Необходимость соблюдения требований, связанных с реализацией национальных проектов, приводит порой к большим потерям: при благоустройстве двора нельзя отреставрировать исторический фонтан, при реконструкции проспекта исчезает трамвайная линия (например, на проспекте Металлургов в городе Новокузнецке).

Здесь надо отметить, что муниципалитеты на протяжении многих лет не имеют возможности формировать бюджеты развития. И, если бы органы местного самоуправления вместе с жителями самостоятельно распоряжались теми средствами, которые в результате государственной налоговой и бюджетной политики оказались в распоряжении федерального уровня государственной власти, скорее всего, решения и приоритеты были бы совсем другими. Вместо еще одного парка – реконструкция аварийного детского сада; вместо очередного ремонта проезжей части – тротуар для пешеходов; вместо десятка скамеек – теплый школьный туалет или приспособления доступной среды и т. д.

Но есть и положительный момент. Таким положительным моментом является беспрецедентное развитие волонтерства и добровольчества на местном уровне. Особенно явно это проявилось в 2020 году, во время ограничений, связанных с пандемией. В этот период мы имеем огромное количество примеров объединения местных депутатов, муниципальных служащих с представителями общественности в рамках различных акций: по раздаче средств индивидуальной защиты, защитных костюмов, респираторов, продуктовых наборов, предметов первой необходимости людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, находящимся в режиме самоизоляции и другим категориям граждан; оказанию моральной поддержки одиноко проживающим пенсионерам в период вынужденной самоизоляции; организации региональных телефонных звонков, бесед в режиме онлайн; акций «Подвези доктора», «Спасибо врачам!» и т. д.

Этот, выделенный нами положительный пример, свидетельствует о том, что сегодня в обществе возникло серьезное противоречие между патернализмом (ситуацией, когда люди во всем полагаются на государство и проявляют иждивенческие настроения) и партисипацией (желанием принимать участие в принятии решений, самим отвечать за то, что происходит в ближайшем окружении). Позиция патернализма соглашается с

государственной вертикалью, а партисипация требует самостоятельности и выделения круга дел, не зависящих от государства. Порой, даже организации, определившие своей миссией развитие местного самоуправления, не могут в полной мере настаивать на своей позиции [3, с. 10].

Настоящие тезисы сформулированы на основе наблюдения, большинство из них не могут быть обоснованы данными социологических исследований и выводами крупных научных школ. Нашей задачей в данной статье было высказать ряд опасений и угроз, связанных с причинами отсутствия энтузиазма, оптимизма и веры в светлое будущее у граждан нашей огромной и богатейшей страны, на время потерянной в ценностных ориентациях. Верификация каждого из высказанных нами тезисов – дело времени и потребности, сегодня они могут быть опровергнуты официальными социологическими структурами и во многом не соответствуют выводам официальных средств массовой информации. Мы хотели бы выразить надежду на развитие муниципальной науки [5, с.20], призванной изучать условия и технологии эффективной муниципальной политики, но и существование этой молодой научной отрасли также находится под угрозой по тем же самым причинам и с тем же коротким аргументом: «Сейчас все государственное!».

Литература

1. *Бабун Р. В.* Организация местного самоуправления: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2019. 280 с.
2. *Демчук Н. В.* Практики формирования общественных пространств как ответ на вызовы меняющегося общества. Актуальные вопросы современной науки: теоретические и практические аспекты // Сборник тезисов национальной конференции. Новокузнецк, 2018: НФИ КемГУ. С. 20–21.
3. Доклад «О состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2019 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления». URL: <http://okmo.news/event.php?43> (дата обращения: 08.06.2021).
4. *Мальковец Н. В.* Гражданское образование студентов вуза / под общ. Ред. Н. Э. Касаткиной. Кемерово; М.: Издательское объединение «Российские университеты»: Кузбассвузиздат. АСШТ, 2006. 227 с.

5. Мальковец Н. В. Российская муниципальная наука: проблемы становления. // Современные тенденции развития науки: сборник тезисов национальной конференции/ под общ. ред. С. О. Гаврилова и Д. М. Бородулина; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2018. С. 19–21.

6. Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России» (результаты опроса руководителей муниципальных образований, март-апрель 2020г.). Аналитическая записка. URL: https://www.asdg.ru/mo/issled/Monitoring_20.pdf (дата обращения: 08.06.2021).

7. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 08.05.2021).

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ (ВЗГЛЯДЫ СМАГУЛА САДВОКАСОВА)

Муканова Г. К. (Алматы, Казахстан)

Аннотация. Семантика языковой среды трансграничных регионов – абсолютный барометр атмосферы межэтнических контактов. Насыщенный заимствованиями язык маргинальных зон отражает тесные экономические связи, в некоторой степени идентифицирует частотность межнациональных браков. И одновременно предупреждает о потенциальных рисках. Наследие предшествующих этапов научного изучения специфики региона Большой Алтай, усилиями как российских, так и казахстанских исследователей: литераторов, этнографов, историков и культурологов, важно распространять и издавать как образцы правильного толкования региональных особенностей в контексте всемирного исторического процесса. В этом плане, трактование приграничных сношений как действенного фактора рационального менеджмента и потенциальной интеграции на примере взглядов казахского государственного деятеля первой трети XX века Смагула Садвокасова представляет непреходящий интерес. К сожалению, он не был понят и даже обвинен незаслуженно, подвергся высылке из Казахстана, его имя и труды были изъяты из массового обращения и возвращаются лишь в последние десятилетия.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Алтай, интеграция, культура, трансграничные регионы, Потанин, фольклор, Баржаксин, Букейханов, Садвокасов

ETHNOCULTURAL FIELD OF TRANSBOUNDARY REGIONS AS A FACTOR OF INTEGRATION (VIEWS OF SMAGUL SADVOKASOV)

Mukanova G. K. (Almaty, Kazakhstan)

Abstract: The semantics of the linguistic environment of cross-border regions is an absolute barometer of the atmosphere of interethnic contacts. The language of marginal zones, saturated with borrowings, reflects close economic ties, to some extent identifies the frequency of interethnic marriages. And at the same time warns of potential risks. The legacy of the previous stages of scientific study of the specifics of the

Greater Altai region, through the efforts of both Russian and Kazakh researchers: writers, ethnographers, historians and culturologists, is important to disseminate and publish, as examples of the correct interpretation of regional features, in the context of the world historical process. In this regard, the interpretation of border relations as an effective factor of rational management and potential integration on the example of the views of the Kazakh statesman of the first third of the twentieth century Smagul Sadvokasov is of enduring interest. Unfortunately, he was not understood and even accused unfairly, was expelled from Kazakhstan, his name and works were withdrawn from mass circulation and returned only in recent decades.

Keywords: *Russia, Kazakhstan, Altai, integration, culture, cross-border regions, Potanin, folklore, Barzhaksin, Bukeikhanov, Sadvokasov.*

Интегрирующими факторами в этнокультурной, точнее мультикультурной, среде были, есть и останутся межкультурные контакты, основанные на взаимном интересе и стремлении научиться друг у друга позитивным знаниям, настоящим на многовековых знаниях и традициях народов. Исторические примеры взаимного обогащения посредством позитивного диалога известны в мировой истории, если обратиться к локальным и глобальным ценностям Шелкового пути, соединявшего Запад и Восток с древности. Сказки и мифы, фольклор являются тем источником живительной энергии, который питает все новые поколения землян, и они понятны и доступны вне рас, кровей и прочих индикаторов, которые безусловно играют роль в определенных позициях (медицине, антропологии, генетике и т. п.).

Цель нашего исследования – в обнаружении и продвижении тех уроков реальной интеграции из прошлого, что отражены в публицистике и драматургических произведениях (пьесы) казахских просветителей рубежа двадцатого столетия, – уроков толерантности и высокой культуры общения. Одним из них был Садвокасов Смагул, одаренный литературным талантом и организаторскими способностями. За свою короткую жизнь – тридцать три года! – Садвокасов написал несколько пьес, издал несколько книг и является автором предисловий к изданиям обобщающего характера о казахской литературе. При том, что он с юности был погружен в русскую литературу и языковую среду. Обучаясь в Омске, увлекался толстовством и в дальнейшем всегда обращал внимание слушателей и читателей на образцы

классической литературы Запада, России. Вместе с тем, родная казахская культура и язык, традиции были его идентификационными индикаторами, то есть, как личность передовых взглядов, он проявлял уважение к культурам других народов.

Методология исследования межкультурного диалога как основы интеграции этнокультурных сред опирается на принципы историзма, диалектической логики, анализа и синтеза, верификации источников. Особенностью хронологического этапа, в пределах которого трудился Смагул Садвокасов, была трансформация хозяйственно-культурных типов, глубокие социальные перемены, в частности для «инородческого» населения бывшей Российской империи. Революционная ломка и инновации в виде НЭП, оседания кочевников, индустриализации коснулись многих народов, в том числе и Алтайского региона. Известно, что часть жителей приграничных регионов России и Казахстана в указанный период спасалась бегством от нововведений в соседних областях. Как следствие, трансграничные области несут в себе мультиэтническое наполнение. Современные подходы в плане интегрирования экономик должны безусловно учитывать исторический фон.

В обозначенном ракурсе, опыт прошлого в просветительской и научной деятельности таких патриархов российской этнографии и фольклористики, как Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, на рубеже двадцатого века важно изучать и использовать наработки предшественников в целях привития навыков толерантности новым поколениям. Садвокасов в должности редактора республиканских газет и журналов, на посту народного комиссара просвещения Казахской республики сделал многое, чтобы расширить горизонты народного образования. Его современники и старшие учителя – А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и другие, также разделяли с ним важность межкультурного диалога.

Не случайно Потанину принадлежит публикация на тему «О необходимости собирания произведений народного творчества у киргизов (казахов – Г. М.)», в газете «Дала уалаяти». Издание Степного генерал-губернаторства, данное периодическое издание выходило на казахском языке в Омске как приложение к «Степной газете». Об этой заметке говорится в издании под редакцией казахской исследовательницы У.Субханбердиной [1, с. 567].

В 1972 году в Казахстане была издана книга о вкладе Г. Н. Потанина в изучение казахского фольклора [2]. Выход таких обобщающих трудов по научному творческому наследию русского

ученого, исследователя Сибири, Алтая, Центральной Азии, Монголии и Тибета, несомненно, является данью памяти выдающегося энциклопедиста и гражданина, но немногим известно, что личность Потанина представляет для казахстанцев интерес и как политического деятеля.

В период активизации центробежных векторов в истории Российской империи в Степном крае зарождались первые печатные издания и стремление интеллигенции внедрить передовые достижения технологий в Степи. Поэтому влияние изысканий тюркологов Потанина, Бартольда и других вызвали желание подхватить эстафету. Имеется в виду деятельность казахского собирателя фольклора Баржаксина Ахмета, который впоследствии оказался жертвой незаконных сталинских репрессий. Его имя и труды незаслуженно забыты и о них знают лишь специалисты, тогда как Баржаксин А. приурочил свод казахских пословиц под заглавием «1001 пословица» именно к 80-летию юбилею Г. Потанина. В юбилейный сборник подготовил статью и Ахмет Байтурсынов, известный казахский ученый-языковед, создатель алфавита, редактор, публицист. Байтурсынов в 1923 году издал поэму «Ер Саин» о легендарном казахском батыре средневековья. Книга вышла в Москве, в издательстве восточной литературы [3].

Репрессии коснулись многих казахских деятелей культуры, и, как следствие, их труды долгие десятилетия были под запретом. Ныне возвращаются к читателям статьи Алихана Букейханова, седи которых – статьи, посвященные Г. Потанину, вышедшие в газете «Казах» еще в 1913 году [4]. Другая статья Букейханова о Потанине увидела свет в канун юбилея в 1915 году. Уважительное отношение к ученому проявилось и в дальнейшем, даже в приглашении Потанина на Всеказахские съезды, последовавшие после свержения царизма.

Влияние русской культуры испытала творческая интеллигенция, казахские поэты и просветители Абай, Акмолда, Ибрай Алтынсарин, Султанмахмут Торайгыров, Магжан Жумабаев. Фольклор и этнографию евразийских народов изучал Абубакир Диваев, оставил замечательные философские и исторические труды М. Ж. Копеев. Все они опирались на опыт мирного добрососедства, распространяли зерна добра. Именно о них говорил в своих публичных выступлениях нарком Смагул Садвокасов. Он подчеркивал актуальность просвещения, учебы, что важно трудиться во благо будущего, создавать университеты,

получать профессии. Пласт историко-культурного наследия вышеназванных лиц практически был вычеркнут из евразийской письменной сокровищницы вследствие репрессий. Рассекречивание архивов позволило реанимировать труды их, но только фрагментарно.

В целом, обозначенный приграничный регион и сакральная роль Алтая в мифологии, истории и культуре народов, тюркских в особенности, требуют внимательного отношения. Это завещано новым поколениям, знатоками края и его традиций, о которых сказано выше. Они, в свою очередь, ретранслировали знания о местности, обычаях в своей интерпретации.

Как верно отмечает российский ученый И. В. Октябрьская, «...этнополитический фактор занимает одно из важных мест в оценке современной ситуации в макрорегионе Большого Алтая» [5]. С этим трудно не согласиться, и эта позитивная нота настраивает на диалог.

Литература

1. *Потанин Г. Н.* О необходимости собирания произведений народного творчества у киргизов // Дала уалаятинин газети. Составитель У. Субханбердина. Алма-Ата: Наука, 1989. 567 с.
2. Казахский фольклор в собрании Потанина Г. Н. Алма-Ата: Наука, 1972.
3. Ер Саин. Подготовил А. Байтурсынов // Ер Саин. М., Издат.вост.литер. 1923. С. 86–91.
4. *Букейханов А.* О Потанине // Казах. 1913. № 15.
5. *Октябрьская И. В.* Казахи Алтая: этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX–XX вв. Автореферат... Новосибирск, 2004.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Назаркулова А. К. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: В настоящем году Кыргызстан отметит 30 летний юбилей с момента обретения независимости и потому видится необходимым подвести некоторые промежуточные итоги в отношении социального портрета Кыргызстана за прошедший период. В связи с этим, особый интерес представляет формирование позитивной гражданской идентичности на пути преодоления затяжного кризиса социокультурной обстановки в республике, особенно на фоне третьей по счету революции, вызванной неустойчивой политической культурой и отсутствием чувства гражданского долга.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, гражданская идентичность, этническая идентичность, глобализация, власть, общество.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING CIVIL IDENTITY IN KYRGYZSTAN

Nazarkulova A. K. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: This year, Kyrgyzstan will celebrate the 30th anniversary of independence, so we needed to sum up some resumes regards in respects social portrait of Kyrgyzstan over the past period. In this regard, the formation of a positive civic identity on the way to overcome the protracted crisis of the socio-cultural situation in the republic, especially against the background of the third revolution caused by an unstable political culture and a lack of a sense of civic duty, is of particular interest.

Keywords: identity, identity crisis, civic identity, ethnic identity, globalization, authority, society.

Как показывает история, наша жизнь устроена таким образом, что в ней постоянно происходят социальные трансформации, ведущие к новым путям развития человечества. Таким направлением в настоящее время стала глобализация, призывающая к интеграции и унификации всемирного пространства. Вместе с тем глобализация привела к социокультурному кризису, актуализировав проблемное поле идентичности, базирующееся на

отличном от глобализации принципе, а именно соотношении своего внутреннего «Я» с определенной общественной группой сквозь призму общих характерных свойств. Таким образом «глобализация есть отражение современной тенденции развития бытия, соответственно, она привносит определенные коррективы в процесс идентификации» [5, с.163]. И несмотря на то, что вопросы о проявлении идентичности и влиянии на нее глобализации уже не новы, мы можем наблюдать возрастающий интерес ученых к данной теме.

Идентичность является одной из определяющих и непрерывных величин личностной структуры человека, она умело вписывается в любую сферу его жизнедеятельности. Так, формируясь в определенных общественно-исторических условиях, человеческая идентичность поддерживается или изменяется вместе с радикальными переменами социокультурных отношений. Следовательно, индивид развивается и становится представителем того или иного общества, постепенно постигая особенности той социокультурной среды, в которой он вырос, где он погружается в язык, культуру и быт. Тем самым человек становится звеном межпоколенной трансляции культурных оснований бытия, что, в конечном счете, формирует преемственность поколений. Следует отметить, что идентичность несет в себе элемент субъективной реальности и, вместе с тем, находится в диалектической связи с обществом и его институтами.

Природа идентичности множественна, она способна видоизменяться, перетекая из одного состояния в другое, и одновременно иметь интегративный характер, обозначающийся в способности соотносить себя с различного рода группами по общим признакам. Поэтому одной из сложнейших задач современности является вопрос соотношения различного набора идентичностей, присущих каждому человеку. Здесь уместно будет сказать, что идентичность раскрывает поведенческую модель человека, что в целом в контексте населения формирует социальный образ общества.

В современном мире большинство государств имеют полиэтничный состав населения, что не мешает им конструировать единую идентичность, базирующуюся, прежде всего, на общегражданской идее по эгалитарному признаку. Отсюда следует, что граждане необязательно должны быть связаны с государством своей этнической принадлежностью, они также на равных правах могут принимать активное участие в

политической жизни общества и испытывать патриотизм, проявляющийся в осознании своей причастности прежде всего к социокультурному пространству страны и ее обществу. Для консолидации общества необходимо сформировать позитивную гражданскую идентичность, способную объединить и дать людям чувство уверенности в реализации их гражданских прав.

Однако в условиях социального кризиса подавляющее большинство людей остро нуждаются в защищенности, и такого рода защищенность им гарантирует осознание своей принадлежности к определенной социальной группе по признаку этнической идентичности. Именно поэтому поиск группы комфорта в большинстве своем ассоциируется с представлением о традиционной культуре, что в основном определяется этноидентичностью. Неслучайно многие философы, в частности С. Хантингтон, предвосхищая развитие века, говорили о том, что важнейшие конфликты XX века будут связаны с этническими и религиозными процессами. Одновременно с этим обратной стороной глобализации точно также неслучайно выступают процессы углубляющейся идентификации личности, о чем свидетельствует ход современной истории. Поэтому всякий раз, когда этнические меньшинства ощущают напряжение, они объединяются, замыкаются и изолируются внутри своей группы. В этом случае можно заметить, что чувство этнической идентичности превалирует над гражданской. Хотелось бы отметить, что по своему свойству идентичность может быть как естественной, обходящейся без принужденного воспроизведения и участия человека, соответственно этнической, так и искусственной, нуждающейся в постоянном поддержании, к примеру, гражданской идентичности.

Фундаментальные политические, а также социально-экономические перемены, наступившие на постсоветском пространстве в 1990-е гг., не обошли стороной и наше государство. Следствием явился кризис политический идентичности граждан Кыргызстана. Это выражается в том, что, если прежде они осознавали себя советскими гражданами, где власть была способна консолидировать общество с помощью мощнейшей политической идеологии, то с развалом некогда великой державы, люди утратили чувство гражданской общности, что в итоге привело к кризису идентичности. К основным причинам кризиса можно отнести: внутреннюю миграцию и резкое социальное расслоение общества; кардинальные идеологические расхождения между различными политически заинтересованными сторонами;

этнические, конфессиональные и региональные конфликты, несущие особое значение в условиях полиэтничного состава населения кыргызстанского государства; низкий уровень доверия населения к правительству страны. Важнейшим же залогом конструирования гражданской идентичности кыргызстанцев на практике является целенаправленное формирование новой идентичности через преодоление межэтнических конфликтов путем сплочения на уровне массового сознания.

Решающим фактором на пути консолидации какого бы то ни было общества выступает власть. Основной задачей власти является ее способность, посредством прямого или косвенного воздействия на общество: «а) противодействовать деструкции, кризису, упадку, нейтрализовать напряжение, конфликты; б) стремиться к максимуму стабильности общественного целого, способствовать его совершенствованию, упрочению, прогрессу» [7, с. 24]. Основная задача власти в контексте формирования политической культуры заключается в способности намечать и указывать направления развития целой страны. Следовательно, «государство создается по необходимости, и создают его вполне реальные люди, личности, наделенные вполне определенными свойствами, которые, будучи воплощенными в государственные формы, задают параметры и свойства государства» [3, с. 78]. Поэтому, при выборе народных избранников, следует обращать внимание не только на общий социокультурный уровень политической элиты, но также на уровень политической культуры законодателей, берущих на себя бразды правления и вместе с тем несущих бремя ответственности за интересы целой страны и ее граждан.

Согласно данным национального статистического комитета Кыргызской Республики, в ходе анкетирования населения выяснилось, что за первое полугодие 2020 года индекс личного доверия граждан к государству в среднем по стране составил 38,5 %, а за второе полугодие значение насчитывает 36,5 %. Согласно указанным показателям, напрашивается вывод о недостаточной способности правительства Кыргызстана внушать доверие населению страны, что весьма плачевно и, соответственно, наводит на различного рода размышления. Однако данная ситуация отнюдь не освобождает институты власти от возлагаемого народом масштаба обязательств, т.к. одним из основополагающих факторов на пути формирования гражданской идентичности общества является степень доверия

населения к государственным институтам власти. Так, по мнению ученых-аналитиков, «государство является тем единственным институтом, который был создан, чтобы выражать интерес всего сообщества и защищать его» [3, с. 78].

На фоне волнений, связанных с парламентскими выборами в Кыргызстане, прошедшими 4 октября 2020 года, уже 6 октября они были объявлены центральной избирательной комиссией недействительными. В ходе выборов было установлено, что три из четырех прошедших в парламент Кыргызской Республики партий были провластными, о чем свидетельствуют списки кандидатов. Следствием настоящего инцидента стала еще большая уверенность в том, что «история нашего парламента с момента своего формирования и до настоящего дня – это история большевизма в Кыргызстане, когда главным лозунгом и контекстом политического бытия выступает принцип слома старой власти и построения новой» [6, с. 85]. Данного рода утверждения не беспочвенны, ведь, если проанализировать предыдущий исторический опыт, мы можем наблюдать тенденцию повсеместного разрушения общественного уклада и усиления противоречий в социокультурной среде, в конечном итоге подтолкнувшей граждан на радикальные меры уже не в первый раз. К сожалению, одной из причин можно назвать стремление ограниченных людей у власти, лишенных чувства меры, вести довольно безрассудную и вместе с тем агрессивную политику.

Изначально митинг по поводу результатов выборов в парламент носил мирный характер, граждане выражали обеспокоенность по поводу нелегитимности прошедших выборов, на что указывали очевидные нарушения, а именно фальсификация голосов за счет неоднократного голосования некоторых граждан на разных избирательных участках, незаконная агитация, а также подкуп избирателей. Тем не менее, сие действие не возымело успеха, правительство продолжало настойчиво игнорировать просьбу граждан, продолжая гнуть свою линию и тихонько отсиживаться в надежде умерить пыл митингующих, что в конечном счете привело к фатальной ошибке. Толпу захлестнула волна агрессии, которая все смела на своем пути. Таким образом, случился третий переворот за тридцать лет со дня провозглашения независимости нашей страны. Тем не менее, уповать на безрассудство законодателей глупо, т.к. ответственность за свое будущее, будущее нашей страны предполагает двустороннее участие как государства, так и его

граждан. Увы, человеческий фактор в исходе данных выборов сыграл не последнюю роль, как показала практика, поскольку были люди, сознательно пренебрегшие своим гражданским долгом, своей гражданской ответственностью.

В данном случае под идентичностью мы понимаем, прежде всего, осмысление себя частью кыргызстанского общества независимо от того, являемся мы представителями титульной нации или национального меньшинства. Так, отсутствие интереса со стороны граждан к социально-политической жизни страны сводится к выпадению из коллективного участия в формировании нашего общего будущего. Стало быть, они попирают прежде всего свои права, игнорируют свой гражданский долг, проявляя безответственность и вместе с тем невежество в конструировании правового государства. В одной из своих статей В. И. Ленин писал, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [1, с. 102], ибо, будучи социальным существом, человек должен понимать, что он не может игнорировать культурно-поведенческие нормы, присущие обществу, в котором он живет.

Политический курс развития и консолидации нашей страны должен быть направлен преимущественно на обдумывание и внедрение плана действий с ориентиром на нашу традиционную культуру, определенную историческим архетипом. Неслучайно в кризисные периоды истории актуализируются культурно-исторические истоки бытия. Ведь, прежде чем строить новое будущее, необходимо извлечь из прошлого те важнейшие позитивные ценности, способные сохранить и защитить наше настоящее трансформирующееся гражданское общество. Отрицание же прошлого опыта и насаждение принципиально отличных установок, как правило, приводит к хаотичному, неустойчивому и неорганизованному решению поиска новой идентичности на пути объединения кыргызстанцев. Таким образом, модернизация общества должна быть прежде всего мирной, без потрясений и жертв. Оправляясь от последствий прецедентов, следует трезво проанализировать, насколько народ готов к грядущим переменам, которыми оперирует «новая» власть, и насколько она готова нести ответственность за контроль и исполнение выдвинутых задач и целей.

На сегодняшний день мы с уверенностью можем сказать, что проблемное поле гражданской идентичности в нашей стране все еще актуально. За недолгий промежуток времени в последовательной череде переворотов и реформаций, мы

пережили уже третью волну революций, в очередной раз приведшей к глубокому общественному кризису. «В подобную эпоху окружающее нас пространство чудится распавшимся, шатким, колышущимся вокруг индивида, шаги которого тоже делаются неуверенными, потому что поколеблены и размыты точки отсчета. Сам путь, словно ускользая из-под ног, приобретает зыбкую неопределенность» [2, с. 264]. Дабы не превращать неприятные инциденты в дурную традицию, необходимо, чтобы вводимые изменения носили конструктивный характер и вместе с тем были приближены к реалиям нашей ментальности, природе и характеру, а не скопированы у других. Так, «пристально всматриваясь в реальности иных стран и народов, мы обязаны проложить свой путь – без оглядок и нелепых заимствований» [7, с. 132]. Из этого следует, что политическая культура Кыргызстана должна развиваться, избегая подражательства, взяв курс на возрождение самоуважения к своим истокам – истории и культуре, взяв за основу принцип цивилизованности, способный придать гражданскому обществу такие необходимые свойства, как равноправие и прерогативу на уникальность, без навязывания «демократии по приказу» [2, с. 307].

Поэтому, чтобы консолидировать и организовать настоящее гражданское общество, представителям власти нужно извлечь урок, учась на ошибках прошлого, а именно перестать лихорадочно реформировать наше государство, следуя за демократической моделью развития, предложенной Западом. «Копирование либеральной демократии Запада не дает в контексте Кыргызстана позитивного результата в виде расцвета демократии в местных условиях, поскольку основным и неизбежным камнем преткновения является специфика нашей культуры, уникальные особенности менталитета, о которых мы не вспомнили в эпоху эйфории от получения суверенитета и не вспоминали десятков лет» [4].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что прежде всего человек разумное, мыслящее живое существо, в связи с чем «его жизнь возможна лишь при условии коммуникации отдельного индивида с другими» [8, с. 6]. Так, человек на протяжении всей жизни находится в постоянном и непрерывном диалектическом взаимодействии с обществом, а понимая им своей причастности к окружающему его социокультурному миру и выявляет его характерные черты, его идентичность. Эриксон писал, что «наряду со здоровым и чувственным телом, пронизательным и пытливым

умом, прочная идентичность образует то, благодаря чему человек выживает» [9, с. 124]. Из этого следует, что здоровая и надежная идентичность способна помочь кыргызстанскому обществу преодолеть затянувшийся кризис гражданской идентичности. Решение же данной задачи ложится на плечи народных избранников как представителей власти, созидающих историю нашей страны, и в целом на политическую элиту республики.

Литература

1. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература. – Полн. собр. соч. 5 изд., том 12. М.: издательство политической литературы, 1968. 576 с.

2. Самоознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. Об-ве. М.: Политиздат, 1991. 366 с.

3. *Стамова Р. Д.* Личность в современном Кыргызстане. Б.: 2008. 171 с.

4. *Урманбетова Ж. К.* Демократия в Кыргызстане «споткнулась» о кыргызскую культуру. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1370848920> (дата обращения: 10.05.2021).

5. *Урманбетова Ж. К., Абдрасулов С. М.* Истоки и тенденции развития кыргызской культуры / Отв. Ред. А. Ч. Какеев; КНУ им. Ж. Баласагына, Ин-т соц.-гум. наук. Бишкек: Илим, 2009. 212 с.

6. *Урманбетова Ж. К., Абдрасулов С. М., Токтосунова А. И. и др.* Формирование парламентаризма в Кыргызской Республике. Бишкек: Алтын принт, 2019. 240 с.

7. Философия власти: Гаджиев К. С., Ильин В. В., Панарин А. С., Рябов А. В. / Под ред. В. В. Ильина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 271с.

8. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. древний мир – эпоха Просвещения / Редкол.: И. Т. Фролов и др.; Сост. П. С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991. 462 с.

9. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 341 с.

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННЫХ АВТОКРАТИЙ

Нургалиев Т. М. (Темиртау, Казахстан)

Аннотация: Проблема современных политических режимов актуальна всегда, так как все государства трансформируются в постоянно меняющемся мире. Особенно интересно, как недемократические режимы находят новые типы и виды правления. Особенно это актуально для стран СНГ. Государства на постсоветском пространстве преимущественно выбрали авторитарный тип правления. В этой связи именно «информационные автократии» представляют интерес для изучения. Информационные автократии – это новый тип правления, ответ авторитарных режимов на новые вызовы XXI века. В современном мире недемократические режимы вынуждены действовать по-новому – мимикрировать под демократии, что вынуждает подстраиваться под новую действительность, где существует глобальный интернет, глобализация, открытые границы и мировые СМИ, которые не дадут действовать классическими методами диктатур. Особенно данная тема остро актуальна для Казахстана, так как наша страна переживает период «второго» президента, который получает полномочий от все больше «лидера нации». У нашей страны остается только путь демократизации. Данные процессы режим задерживает через формирование промежуточного типа «информационных автократий».

Ключевые слова: тип правления, авторитаризм, транзит власти, СНГ, политический режим.

THE PROBLEM OF INFORMATION AUTOCRACY

Nurgaliyev T. M. (Temirtau, Kazakhstan)

Abstract: The problem of modern political regimes is always relevant, since all states are transformed in an ever-changing world. It is particularly interesting how non-democratic regimes find new types and types of government. This is especially true for the CIS countries. States in the post-Soviet space have largely chosen an authoritarian type of government. In this regard, it is the «information autocracies» that are of interest to study. Information autocracies are a new type of government. This is the response of authoritarian regimes to the new challenges of the

21st century. In the modern world, non-democratic regimes are forced to act in a new way. Non-democratic regimes are forced to mimic democracy, which forces non-democratic regimes to adapt to the new reality. Where there is a global Internet, globalization, open borders and world media that will not allow you to act with the classic methods of dictatorships. Especially for Kazakhstan, this topic is acutely relevant. Since our country is going through the period of the «second» president who is increasingly receiving powers from the «leader of the nation». Our country has only the path of democratization left. These processes are delayed by the regime through the formation of an intermediate type of «information autocracies».

Keywords: *type of government, authoritarianism, transit of power, CIS, political regime.*

Информационные автократии – это тип авторитарного устройства власти, основанный на удерживании власти одним человеком, проявляющийся в контроле над СМИ, маргинализации населения, формировании цензуры, расширении полномочий правоохранительных органов, преимущественно спецслужб, для подавления несогласных. Теория информационных автократий достаточно нова. Данная теория власти характерна для XXI века. Так как современные автократии вынуждены действовать не классическими типами подавления масс, а современными методами манипулирования. Создавая иллюзию искренности и верности именно данному пути и типа управления. Авторами идеи информационной автократии являются Сергей Гуриев и Дэниел Трейсман. Информационные автократии делают ставку не на классический террор, массовые репрессии, а на репрезентацию своей власти как наиболее компетентную, а также кооптацию наиболее информированных слоев населения [1].

«Информационные» режимы, сосредотачивающиеся на цензуре и пропаганде, могут увеличивать их относительное финансирование в условиях экономического спада. Так существует корреляция между экономическим спадом и «закручиванием гаек». Ограничение свободы СМИ после глобального экономического кризиса отмечается в Венгрии и России. И, наоборот, в периоды быстрого роста экономики в Сингапуре и Китае власть перешла от открытого подавления свободы информации к экономическим стимулам для самоцензуры.

Распространение образования и доступа к информации для более широких слоев населения так или иначе приводят к тому, что

диктатору все труднее контролировать взаимодействие между информированными элитами и обществом. Возможно, именно этот механизм и объясняет давно замеченную тенденцию стремления более богатых и образованных стран к политической открытости. Для первого поколения сетевых инфотехнологий (блогосфера, интернет-СМИ, соцсети и мессенджеры), информационные технологии больше работают против инфоавтократов, пробивая дыры в цензуре и помогая организации протестов.

Главная проблема информационных автократий – это идея обреченности, которую внушает государство в массовое сознание. Наша страна обречена. Страна слишком большая – вокруг одни враги. Страна, слишком маленькая – на нас нападут. Нужно поддерживать несменяемого вождя, потому что, что угодно. Страна слишком жаркая – без лидера пересохнут все реки. Она слишком холодная – все замерзнут без царева указа. Традиции не те – всегда были цари и снова будут. Менталитет не тот – дикий народ сам себя перережет без сильной руки. В стане слишком много ресурсов – все непременно хотят их захватить. Ресурсов у нас слишком мало, без того, что на троне, – все умрем с голоду. Всякий раз применительно к любой стране очень легко объяснить почему тот, кто захватил власть, должен находиться у власти и, по возможности, навсегда. И не важно, где находится государство.

Это может быть среднестатистическое государство европейского типа, а может, атолл посреди океана. Во всех государствах недемократического типа аппарат пропаганды будет убеждать народ об особом пути страны и особой значимости вождя. Именно из этой проблемы и рождаются информационные автократии. Типы государственного устройства, где пропаганда убеждает народ о безысходности и безвыходности. Где уровень жизни населения падает, но не отражаясь на рейтинге вождя. Аппарат государственной пропаганды убеждает, что для демократизации общества нужны определенные базовые признаки. Введя населения в заблуждение. Известно выражение: «Чтобы Казахстан сделать демократией, откуда мы возьмем столько американцев?» [2]. Также, часто нежелание демократизировать страну объясняется не готовностью, экономической отсталостью или незрелостью государства. Якобы, до демократии нужно «дорости» [2]. Но, мы знаем, что демократии бывают разные, с разным базовым набором принципов. Например, большими с историей демократических преобразований как США. Бывают крошечными, как Люксембург, бывают с жарким климатом, как

Австралия или холодными, как Исландия. Демократий бывают даже ресурсными, как Норвегия. Что сразу разрушает миф о так называемом ресурсном проклятии. Или петрополитики, которые исключают демократию в странах с богатыми залежами нефти. Демократии могут даже сформироваться в относительно ресурсно-бедных странах, как Эстония. Демократизация общества может произойти в странах как с богатой историей политической конкуренции, как Великобритания, или даже в странах с тоталитарным прошлым, как Испания. Бывают азиатского типа по типу Южной Кореи и Сингапура. В мире существуют даже демократии африканского типа по примеру Ботсваны. Именно поэтому мы видим, что для демократий не нужны определенные базовые принципы или предрасположенность. Ведь само понятие «демократическое государство» очень молодо. Государства не возникают как развитые, богатые, с низким уровнем коррупции, честными судами и качественным образованием. Всего этого страна добивается только через демократизацию. Именно данного пути развития мы ждем от нашей страны, от Казахстана. В этой связи нам важно формирование данного процесса демократизации во всем пространстве СНГ. Напомним, что демократии не воюют друг с другом. Данный признак демократий мог бы решить конфликты, возникающие на постсоветском пространстве. Все развитые государства к принципу развитости пришли путем демократизации. И только. Конечно, под развитыми мы понимаем государства с базовыми правами человека, уровнем жизни, принципом светскости и обеспечивающим свободу слова и предпринимательства. В разных странах были разные точки «старта».

Казахстан – классическая петрократия [3]. Экономика основана на экспорте сырья и, в первую очередь, энергоносителей. Именно такая экономика и формирует авторитаризм в нашей стране. Политическая конкуренция, свобода СМИ, плюрализм, рыночная экономика отсутствуют именно из-за данного «ресурсного проклятия». В начальном этапе это дает «экономическое процветание без политических реформ». Формируя в нашей стране авторитаризм, основанный на ресурсах и политической идеологии, создается информационная автократия, где всю информацию контролирует государство, торгуя ей. Причем не важно, как пришел к власти автократ. Он может быть приемником прошлого либо первым в своем роде правителем. В Казахстане в данный момент возник транзитный период власти. Когда «лидер нации» вынужден делегировать часть

полномочий президенту Касым-Жомарт Токаеву. В данной ситуации миф о победах партии власти «Нур Отана» не кажется незыблемым. А страна может, переломив ход истории, встать на путь демократизации. Имеют значение только политические институты, которые должны начать формироваться именно сейчас. Конкурентный парламент, независимые СМИ, независимый суд. Если данные институты достаточно сильны, в стране больше не возникнет автократий по типу современных. Если данные институты слабы, страна погрузится в череду сменяющих друг друга автократов.

В этом и заключается главная проблема информационных автократий – режим строится на мифе о невозможности пути в демократию. Как только общество понимает рушимость данного мифа авторитарный режим либо рушится, либо демократизируется. Главная задача гражданского общества как в Казахстане, так и в странах СНГ – работать над разрушением данных парадигм. Тогда Российская Федерация поймет, что запад не собирается нападать, Казахстан переживет синдром «China фобии». И страны начнут строить демократии по своему типу.

Литература

1. *Lutscher P. M. et al. At Home and Abroad: The Use of Denial-of-service Attacks during Elections in Nondemocratic Regimes // Journal of Conflict Resolution. 2019. 0022002719861676. URL: <http://yonatanlupu.com/Technology%20and%20Authoritarian%20Governments.pdf>*
2. Казахстан пойдет на демократизацию с ростом доходов населения. URL: <https://www.reuters.com/article/orutp-nazarbaev-interview-20080328-idRUANT85061320080328>
3. *Василик М., Вершинин М. С. и др. Политология: Словарь-справочник. М.: Гардарики, 2001. 328 с.*

ИЕРАРХИЯ УГРОЗ И ИЗМЕРЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

**Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е.
(Барнаул, Россия), Нуркатова Л. Т. (Нур-Султан, Казахстан)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

Аннотация: Социальная безопасность – комплексный феномен, затрагивающий онтологические основания развития современных обществ, исследуемый в рамках междисциплинарного подхода через множество объективных и субъективных показателей. Последние чаще всего становятся объектом психологического направления, ориентированного на выявление характеристик и детерминант индивидуального и общественного сознания. На основе данных, полученных в ходе психосемантических исследований в шести приграничных регионах России ($n = 631$), проанализированы социальные риски и угрозы безопасности в пространстве четырех основных измерений – вероятности (для себя и жителей региона), степени опасности, защищенности и контролируемости. Авторы делают выводы о взаимосвязи оценок риска и безопасности, наличии закономерностей восприятия и общих факторов оценки, констелляций типичных рисков, присущих всему приграничью, описывают специфические риски, релевантные для отдельных регионов.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальные риски, угрозы, приграничные регионы, представления населения, психосемантика, семантическое пространство.

HIERARCHY OF THREATS AND DIMENSIONS OF SOCIAL SECURITY IN REPRESENTATIONS OF POPULATION IN BORDER REGIONS OF RUSSIA

**Omelchenko D. A., Maximova S. G., Noyanzina O. E. (Barnaul, Russia),
Nurkatova L. T. (Astana, Kazakhstan)**

Abstract: Social security is a complex phenomenon, touching ontological bases of modern societies, studied in the framework of

interdisciplinary approach through the multitude of objective and subjective criteria. The latter are usually treated as object in psychological direction, oriented towards the revelation of characteristics and determinants of individual and public conscience. Based on data, received in a psychosemantic research in six border regions of Russia (n = 631), the article presents the analysis of social risks and threats to security in the context of four dimensions: probability (personal and regional), degree of danger, vulnerability and controllability. Authors conclude that characteristics of different risks are interdependent, there are regularities of perception and general factors of evaluation, constellations of risks typical for all border regions, and specific, relevant only for several territories.

Keywords: *social security, social risks, threats, border regions, representations of population, psychosemantics, semantic space.*

Вопросы сохранения безопасности в современном мире являются приоритетными для науки и практики, не имеют дисциплинарных, географических, политических границ. Хотя создание безопасного общества является скорее недостижимым идеалом, основные приоритеты и императивы общественного развития на современном этапе тесно связаны с минимизацией количества угроз и рисков, обеспечением условий для реализации человеческого потенциала, формированием гуманных и справедливых социальных отношений.

Социальная безопасность – это комплексный феномен, описывающий социальное положение индивидов, функционирование социальных институтов, взаимодействие социальных общностей. Разнообразные определения социальной безопасности ставят акцент на ее важных свойствах и аспектах, таких как защищенность от угроз, устойчивое развитие, способность уравновешивать разнонаправленные общественные силы и регулировать конфликты, и, целом, способствовать социальному гомеостазу, сохранять целостность социальной системы, решать проблемы ее внутренней интеграции и внешней адаптации в условиях противостояния разрушительным факторам. С. Г. Демченко, А. В. Верещагина и С. И. Самыгин справедливо отмечают, социальное развитие общества и его безопасность зависят от содержания, которым наполняется социальное пространство, от транслируемых базовых ценностей, формирующих модели поведения и отношение к реальности как социально справедливой или несправедливой, как гарантирующей безопасную

жизнедеятельность или несущую риски духовному и физическому развитию индивидов, социальных групп и общества в целом [2].

С позиций системного подхода, социальная безопасность должна быть активной, комплексной, непрерывной, универсальной, целенаправленной, конкретной и надежной [1]. Международный взгляд на проблемы социальной безопасности (через международные правовые документы ООН) противопоставляет безопасность человека другим видами безопасности (например, государственной) и определяет ее как защиту «основ человеческой жизни способами, которые содействуют расширению свобод человека и их осуществлению». Это означает, во-первых, обеспечение защиты людей от серьезных и широко распространенных угроз и ситуаций, в том числе путем укрепления их сил и расширения возможностей, во-вторых, создание политических, социальных, природоохранных, экономических, военных и культурных систем, обеспечивающих людям основные элементы для выживания, сохранения достоинства и существования [6]. Таким образом, социальная безопасность является интегральным понятием, обозначающим способность государства и общества обеспечить защищенность и эффективное функционирование социальной сферы, предотвращение деструктивных явлений и процессов, сохранение и развитие условий, средств и способов социализации людей, соблюдение в обществе и государстве их образа жизни, благосостояния, неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственных ценностей. Такое понимание социальной безопасности расширяет спектр объектов безопасности, подчеркивает необходимость обеспечивать безопасность целого ряда субъектов, представленных не только государством, но и гражданским обществом и личностью, обеспечение защиты которых было проигнорировано в прошлом и не всегда эффективно в современных условиях [4; 6].

Социальная сфера выступает основной сценой, на которой разворачивается борьба за социальную безопасность, охватывающая все пространство жизни человека – от условий его труда и быта, здоровья и досуга до социально-классовых и национальных отношений. В своем исследовании мы концентрируемся на изучении социальной безопасности и особенностей ее восприятия в приграничных регионах России, поскольку именно приграничье, во всем многообразии его географических, этнокультурных, социально-экономических особенностей, стало местом новых возможностей для интеграции и реализации значимых

трансграничных проектов в наиболее инновационных и значимых сферах (например, программ приграничного сотрудничества с ЕС вдоль общей границы от Калининграда до Заполярья, таких как «Карелия», «Коларктик», «Россия – Латвия», «Россия – Эстония», «Россия – Юго-Восточная Финляндия», программ приграничного сотрудничества России и Казахстана, между регионами Восточной Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики и др.) но и, одновременно с этим, приняло на себя тяжесть многих рисков, продуцируемых глобализационными процессами и тесно связанными с ними международной миграцией, интенсивным товарообменом, межкультурными контактами и коммуникациями.

Дуальность безопасности, ее зависимость от индивидуальных стратегий и структурных возможностей, институциональная природа рисков и угроз обусловили необходимость разработки особого методического подхода для ее анализа в приграничных регионах России. Процедура психологического эксперимента, разработанного в соответствии с положениями экспериментальной психосемантики и сочетающего методы прямого оценивания с раскрытием глубинных категорий и смыслов общественного сознания [5], заключалась в шкалировании списка угроз социальной безопасности по четырем ключевым измерениям оценки: личной вероятности столкновения (субъективная подверженность риску как определенному событию жизни), вероятности столкновения для жителей региона (региональный риск), степени опасности, тяжести последствий реализации рисков и угроз, степени личной защищенности/уязвимости и возможности осуществления контроля.

Список рисков и угроз формулировался на основе предварительного анализа научной литературы по проблемам социальной безопасности в России и ее отдельных регионах (исследования В. К. Левашова, М. Б. Лиги, Г. Г. Силласте, С. И. Самыгина, Т. Н. Юдиной, Д. К. Танатовой) и в целом отражал современный подход к определению основных измерений безопасности в рамках концепции human security. Включенные в инструментарий позиции (элементы оценивания) дифференцировались по семи основным основаниям: экономические риски, в том числе риски трудовой сферы, финансовые риски; риски жизни и здоровья, связанные с поведением, образом жизни и негативными социальными условиями; собственно социальные риски, возникающие в результате социальных взаимодействий между социальными группами,

социальными институтами, государственными учреждениями; техногенные риски, связанные с современным производством, транспортными коммуникациями; политические, военные риски; экологические и природные риски; риски, связанные с современными информационными технологиями и средствами коммуникации.

Психосемантические исследования были проведены в шести приграничных регионах – Алтайском крае, Республике Алтай, Хабаровском крае, Амурской области, Омской и Оренбургской областях. Выборочная совокупность составила $n = 631$ (от 100 до 113 человек в каждом регионе). Анализ результатов исследования включал описание первичных профилей риска, типологизацию рисков методами иерархического кластерного анализа. Далее, на основе анализа главных компонент были построены семантические пространства, репрезентирующие особенности восприятия населением рисков и угроз социальной безопасности в каждом из исследуемых регионов.

Представим наиболее значимые результаты проведенного анализа.

Исследование показало, что социальная безопасность во всех приграничных регионах, в которых проводилось исследование, имеет несколько общих, наиболее значимых для населения угроз, которые оцениваются как наиболее вероятные, типичные, практически неустраняемые, являющиеся частью повседневной жизни. Это социальные фобии, с которыми жители приграничья живут, и которые постоянно присутствуют у них в сознании. Так чего же опасаются наши граждане, все и сразу? Прежде всего – стать жертвой халатности, некомпетентности специалистов, потерять работу, источники дохода, не иметь возможности рассчитаться с кредитами и займами. Привычными являются автомобильные аварии, вредные последствия для здоровья от некачественных продуктов питания, велика оцениваемая вероятность заболеть тяжелыми недугами (смертельной неизлечимой болезнью). Серьезность рисков – все они затрагивают основы онтологической безопасности, жизни и здоровья, и высокая вероятность их осуществления (на отсутствие этих рисков указали не более 4 % опрошенных) позволяют оценить социальную безопасность в приграничных регионах как катастрофически низкую. Иными словами, люди живут в постоянном «режиме ожидания» беды, того, что случится что-то непоправимое. С другой стороны, происходит опривычивание (хабитуализация, в терминологии П. Бергера и Т.

Лукмана) риска, его проникновение в область повседневного, что приводит к снижению остроты его восприятия и, как следствие, формированию не критичного отношения и пассивного поведения. Все вместе не способствует ни личностному развитию, ни развитию всего регионального общества, а, главное, позволяет рискам воспроизводиться в будущем.

Дополнительно в большинстве регионов были выявлены такие вероятные риски как потеря накоплений, банкротства (кроме Хабаровского края и Амурской области), стать жертвой мошенников или жульничества (кроме Хабаровского края), пострадать от разглашения персональной информации (кроме Алтайского края), пострадать от природной стихии (только Республика Алтай, Хабаровский край, Амурская область). Специфическими рисками, отмечаемыми жителями только отдельных регионов, являлись: дискриминация и риски алкоголизации, наркомании, психических болезней (Алтайский край, это действительно один из лидирующих регионов по распространенности заболеваний психики⁶), несчастные случаи (Хабаровский край, Оренбургская область), экологические риски (Омская и Оренбургская области), инвалидизация (Хабаровский край). Именно эти риски и угрозы занимают ядерную, наиболее актуализированную часть представлений о социальной безопасности в региональных социумах.

Исследование показало, что персональный риск обычно оценивается как менее значимый, менее вероятный, по сравнению с рисками, приписываемыми другим жителям региона. Наименьшая разность, свидетельствующая о коллективной идентификации, попытке нахождения общего пространства проживания рисков, наблюдается (по меньшей мере в двух из шести регионов) по рискам экологических, авиа- и природных катастроф, несчастных случаев, терактов, преследования по политическим мотивами, дискриминации, участия в уличных беспорядках и столкновениях, имеющих этнические или религиозные основания, получения инвалидности. Однако в силу того, что большинство этих рисков оцениваются большинством респондентов как маловероятные, эта идентичность скорее мнимая, мыслимая как «на случай крайней опасности». Наибольшие различия наблюдаются по рискам, которые в результате кластерного анализа были отнесены нами к

⁶ Минздрав назвал регионы, где чаще всего выявляют психические болезни. <https://tass.ru/obschestvo/8933291>

рискам социальной эксклюзии, маргинализации и стигматизации, то есть рискам, непосредственно затрагивающими социальные отношения, нормативные структуры и обеспечивающие их функционирование социальные институты: стать одиноким, никому не нужным, отверженным, стать объектом травли, издевательств и унижения, потерять работу, источники дохода, стать должником, банкротом, попасть в поле зрения коллекторских агентств, стать алкоголиком, наркоманом, душевнобольным, потерять жилье, остаться на улице, стать жертвой мошенников.

К числу наиболее опасных по своим последствиям жизненных ситуаций жители шести регионов отнесли те, где описывались риски смертельных болезней, авиакатастроф и терактов, экологических катастроф, алкоголизма, наркомании, душевных болезней, и связанных с ними инвалидности и недееспособности, халатности и некомпетентности специалистов, потери источников дохода, потери жилья. Как правило, именно по этим рискам жители демонстрировали наибольшую уязвимость, операционализированную нами как разницу между уровнем опасности и защищенности. Примечательно, что риски социальной эксклюзии и информационной изоляции, маргинализации и потери психического здоровья, дискриминации и политических преследований, потери жилья, встречи с мошенниками воспринимались населением как наиболее контролируемые, а себя – как менее уязвимых к данным рискам.

В ходе анализа закономерностей восприятия социальной безопасности и изучения взаимосвязей между его отдельными измерениями было установлено, что лично воспринимаемая вероятность обратно взаимосвязана и довольно сильно детерминирована уровнем защищенности от рисков и угроз. При этом их опасность практически не играет никакой роли, а уровень контроля выступает скорее избыточным фактором. Модель релевантна для всех исследуемых регионов.

Кластеризация рисков на основе иерархических методов показала наличие общих семантических оснований, обуславливающих сходство восприятия тех или иных рисков. Такими семантическими основаниями выступали социальное исключение из-за инаковости, слабоволия, ненормативных практик, отказ разделять общие убеждения, как правило наказываемые с помощью жестких методов, предполагающих насилие, дискриминацию и изоляцию от других членов общества, смертельная опасность, сочетающаяся с внезапностью и

невозможность контролировать ситуацию, потеря бдительности, ответственности, отказ от соблюдения правил безопасности, профессиональных норм, наличие внешних экономических угроз, приводящих к ухудшению качества жизни.

Основными латентными основаниями, используемыми для идентификации рисков и их отнесения к тем или иным группам, являются три, выявленные нами на основе факторного анализа. К ним относятся общий фактор, связанный с правами человека и другими аспектами социальных отношений, фактор, определяющий состояние риска и безопасности через человеческую деятельность, во многом опосредованную технологиями, производством, трансформацией окружающей среды и фактор, основная (денотативная) часть которого связана с материальными основами человеческого существования, а дополнительная (коннотативная) – раскладывается по двум уже упомянутым факторам. Семантические пространства, построенные и описанные для каждого региона на данном этапе исследования, имеют значительное сходство, свидетельствующее о наличии общих закономерностей восприятия социальной безопасности, рисков и угроз.

Литература

1. *Гайфуллин А. Ю., Гайфуллина М. М.* Методический подход к оценке социальной безопасности региона // *Фундаментальные исследования*. 2015. Т. 5. № 12.
2. *Демченко С. Г., Верещагина А. В., Самыгин С. И.* Социальная политика и социальная справедливость как индикаторы социальной безопасности России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 3.
3. Минздрав назвал регионы, где чаще всего выявляют психические болезни. <https://tass.ru/obschestvo/8933291>
4. *Никулина М. А., Колодиев М. Ю.* Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения // *Манускрипт*. 2017. № 4 (78).
5. *Петренко В. П.* Введение в экспериментальную психо-семантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. Изд-во Моск. ун-та, 1983.
6. *Симонович Н. Е., Киселёва И. А.* Проблемы социальной безопасности человека в современном обществе // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 44.
7. Human security. URL <https://www.un.org/ru/humanitarian/assistance/humansecurity.shtml>

РИСК КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Плотникова М. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В статье особое внимание уделяется происхождению понятия «риск», а также разнообразию определений риска в зависимости от изучаемой области. В более ранних трактовках ученых данное понятие обозначало отвагу, смелость, решительность, предприимчивость. Поздние работы ученых в различных областях знания показывают, что носителем риска выступает не рискующий человек, а природно-социальная действительность. Риски больше не подвластны человеку, они больше не зависят от смелости и небрежности. Теперь рискам подвержены все социальные группы и категории, они разрушают основы жизни и несут в себе угрозу самоуничтожения общества. В работе рассматриваются основные факторы, влияющие на социальные риски. В качестве основных выделяют основные три группы: природные, антропогенные и социальные факторы.

Ключевые слова: риски, социальные риски, угрозы, социальные групп, факторы.

RISK AS A PHENOMENON OF SOCIAL REALITY IN THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Plotnikova M. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: The article discusses the origin of the concept of «risk», as well as the variety of definitions of risk, depending on the field of research. In earlier interpretations of scientists, this concept meant courage, determination, enterprise. More recent work by scientists in various fields of knowledge shows that the bearer of risk is not a risk-taking person, but a natural and social reality. Risks are no longer under the control of a person, they no longer depend on courage and carelessness. Now all social groups and categories are exposed to risks, they destroy the foundations of life and carry the threat of self-destruction of society. The article discusses the main factors that affect social risks. As the main ones, there are three main groups: natural, anthropogenic and social factors.

Keywords: risks, social risks, threats, social groups, factors.

В современных условиях индивиду не с чем соотнести свои поступки и отталкиваться при принятии решений, так как старая система ценностей утрачивает свое значение, а современное общество предлагает множество систем знания и ценностей. Наличие множества систем обостряет проблему адаптации человека к избыточной информационной среде и необходимость самоопределения личности относительно ценностных ориентиров. Индивид перманентно стоит перед необходимостью выбора между альтернативными системами знания и ценностями [1].

Новое общество классифицируется не только как общество знания, информации, услуг, но и как общество риска, угроз, страха, небезопасности. Социологи интерпретируют социальную реальность как производство рисков, производство легитимное и осуществляемое во всех основных сферах жизни общества. Концепция риска разрабатывается в психологии, экономике, социологии, юридических и естественных науках. Каждая дисциплина имеет свой взгляд на данное понятие, в связи с чем оно стало более размытым и противоречивым.

Впервые понятие риск было определено в словаре В. И. Даля. Автор даёт следующее определение: риск – отвага, смелость, решительность, предприимчивость, действие наудачу [5]. В словаре Вебстера «риск» определяется как опасность, возможность убытка или ущерба. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова риск рассматривается как «возможность опасности» или как «действие наудачу в надежде на счастливый исход» [3].

Рассмотрим имеющиеся в литературе определения риска. Начнем с трактовки понятия в психологической литературе. Риск – ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности её исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха [6]. В психологии понятие риска раскрывается главным образом в аспекте его принятия, активного предпочтения субъектом опасного варианта действия безопасному.

В частных науках понятие риск рассматривал А. П. Альгин. Он пишет, что под риском можно определить деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели [2].

К середине 80-х годов XX века происходит всплеск внимания к проблематике риска, отношение к формирующемуся новому обществу заметно меняется. Прежний оптимизм уступает место все

более сдержанному отношению и критическим оценкам, в которых звучат нотки разочарования, недоумения, беспокойства. В этот период ученый У. Бек дает новое понимание риска, носителем которого выступает не рискующий человек, а природно-социальная действительность. Риски неподвластны человеку, они больше не зависят от смелости или небрежности. Рискам подвержены все социальные группы и категории, они разрушают основы жизни и несут в себе угрозу самоуничтожения общества [4].

Апокалиптическую картину общества рисует Ж. Бодрийяр, в котором анонимные и обезличенные массы поглощают все то, что составляет содержание понятия социального. Воплощением массы выступает «молчаливое большинство», которое представляет собой не социальную, а статистическую категорию. Бодрийяр считает, что два столетия усиленной социализации человека закончились полным провалом, и сегодня наблюдается «истощение и вырождение социальности» [7].

Таким образом, складывающаяся социальная реальность является двойственной и противоречивой. С одной стороны происходит рост экономической эффективности и расширение слоя самых высокооплачиваемых и привилегированных, с другой стороны, наблюдаются значительные социальные последствия, экономическая стагнация для непривилегированного большинства и ухудшение социально-экономического положения наименее защищенных.

В последние годы проблема риска приобретает особую социальную значимость и общегуманитарный смысл. Как отмечает У.Бек, «наше общество остаточного риска стало обществом без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере роста опасностей». Риск становится не исключительным случаем или побочным продуктом развития общества, а представляет собой новую составляющую общественного развития. Существует большое количество факторов, влияющих на социальные риски, но среди основных можно выделить следующие три группы: природные, антропогенные и социальные.

Первый набор критериев основан на природных источниках угроз риска и включает следующие показатели: состояние окружающей среды и динамика ее изменения; темпы сокращения и обновления запасов природных ресурсов; масштабы стихийных бедствий и катастроф.

Вторая группа критериев выстроена на основе техногенного источника угрозы социальных рисков и характеризуется

следующими показателями: количество и динамика технических изобретений и открытий, угрожающих безопасности человечества; степень опасности для жизни человечества и отдельно взятого общества технических изобретений и открытий; динамика в области изобретения и выпуска оружия массового поражения (атомное, ядерное) и тенденции в сфере разоружения и наоборот, вооружение в мировом пространстве [8].

Третий набор критериев социального риска, самый большой по количеству, основан на источниках угроз социальному происхождению социальных отношений и включает в себя следующие: демографические показатели; уровень социального здоровья населения как показатель физического и психического благополучия группы людей; качество жизни как комплексная характеристика условий жизни населения; уровень предвзятости и преступности; индекс социальной морали; индекс развития человеческого потенциала; уровень социальной стратификации и поляризации; степень социального конфликта в обществе; степень уважения прав и свобод личности и граждан; степень стабильности институциональной системы; и степень стабильности и целостности системы ценностей.

Таким образом, рассмотрев основные факторы социальных рисков, можно сказать, что риск представляет собой деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели. Деятельность обусловлена возникновением угрозы, которая протекает в условиях неопределенности, вызванной во многом данной угрозой, служит средством преодоления тревоги и формой реализации заботы, что свидетельствует о наличии у субъекта решимости преодолеть угрозу. Риск есть результат свободы выбора из нескольких альтернатив поведения. Под риском понимается степень вероятности предполагаемого результата в процессе преодоления возникших проблем, которые определяются не только объективными условиями, но и знаниями, умением и волей социального субъекта, будь то коллектив или отдельный человек.

Теоретическое обоснование риска в контексте социальной реальности позволяет рассматривать его как специфическую форму деятельности, которая реализуется субъектом в условиях неопределенности, выявить основные элементы и черты риска,

совокупность и взаимодействие которых составляют содержание этого понятия и характеризуют его социальные функции, выяснить объективные и субъективные причины, обуславливающие существование риска.

Литература

1. *Волченко В. В., Лукьянов Г. И.* Феномен риска и его проблематизация в философских конструктах античности. 2015. № 3(22). С. 165–167.

2. *Евстратов Р. М.* Неопределенность, вероятность, действие как главные составляющие предпринимательского риска // Основы экономики, управления и права. 2006. № 1(7). С. 58–61.

3. *Машков Д. М.* Исследование категориального аппарата промышленных рисков // Экономика, Статистика и Информатика. 2013. № 6. С. 79–84.

4. *Мионов В. В.* Философия: Учебник для вузов [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Studmed» [сайт]. [2005]. URL: https://www.studmed.ru/view/mironov-vv-filosofiya_d3d7b3c3d69.html (дата: 12.06.2021)

5. *Панфилова Э. А.* Понятие риска: многообразие подходов и определений // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 30–34.

6. *Сосненко Л. С., Матвеев Б. А.* Содержание понятий «Риск» и «Рискованность» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 29. С. 32–38.

7. *Степанова И. Н.* Недетерминируемое социальное поведение «молчаливого большинства» в концепции Ж. Бодрийяра // Вестник Курганского государственного университета. 2016. № 1(40). С. 70–72.

8. *Самыгин С. И., Степанов О. В.* Социальная безопасность в системе социально-гуманитарного знания о безопасности // Социально – гуманитарные знания. 2014. № 11.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ «НЕДЕЛЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ» КАК ПЛОЩАДКА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАЩЕЙСЯ
МОЛОДЕЖИ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИИ ВОВ

Совостьянова А. М., Касенова Н. Н. (Новосибирск, Россия)

Аннотация: В статье описан и проанализирован Всероссийский социокультурный проект «Неделя межнационального взаимодействия» по теме «Братство народов СССР в Великой отечественной войне», который реализовывался в 2020 году на базе ФГБОУ ВО «НГПУ».

Ключевые слова: Великая отечественная война, ФГБОУ ВО «НГПУ», Всероссийский социокультурный проект «Неделя межнационального взаимодействия», межнациональные отношения, этнотолератность, патриотическое воспитание.

ALL-RUSSIAN SOCIO-CULTURAL PROJECT «WEEK OF INTERETHNIC
INTERACTION» AS A PLATFORM FOR INTERETHNIC INTERACTION
OF STUDENTS TO PRESERVE THE HISTORY OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR

Sovostyanova A. M., Kasenova N. N. (Novosibirsk, Russia)

Abstract: The article describes and analyzes the All-Russian socio-cultural project «Week of Interethnic Interaction» on the topic «Brotherhood of the peoples of the USSR in the Great Patriotic War», which was implemented in 2020 on the basis of the Novosibirsk State Pedagogical University.

Keywords: The Great Patriotic War, Novosibirsk State Pedagogical University, All-Russian socio-cultural project «Week of Interethnic Interaction», interethnic relations, patriotic education.

Этнотолератность – одна из норм поведения современного культурного человека. Своим поведением и отношением к традициям людей разных национальностей можно понять уровень развития культуры в человеке. Поэтому в современном мире так важны межнациональные отношения. Что же означает данное словосочетание? Межнациональные отношения – термин, обозначающий взаимоотношение и взаимодействие различных

народов мира. Это могут быть как личные отношения двух людей, так и взаимодействие в социальной и других сферах общественной жизни [2; 3].

Каждая общность старается сохранить собственные традиции, обычаи, особенности манер поведения, ведения быта. Но в то же время каждая национальность желает развивать свою внутреннюю культуру, добавлять в нее что-то новое в процессе межэтнического взаимодействия. Это еще раз доказывает важность межнационального общения в современном мире.

Активно развивает межнациональные отношения в Новосибирске Новосибирский государственный педагогический университет, в котором активно продвигаются проекты, посвященные формированию культуры межнационального общения в студенческой среде.

Одним из таких проектов является Всероссийский социокультурный проект «Неделя межнационального взаимодействия», который в 2019 году стал вторым в номинации «Межнациональные отношения. Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» и вошел в шорт-лист Международного форума «Сообщество», организованный Общественной палатой РФ в области гражданской активности «Мой проект — моей стране!» [4].

В ФГБОУ ВО «НГПУ» он реализуется в течение 10 лет, в 2020 году в период пандемии полностью прошел в онлайн режиме. Тема проекта была посвящена 75-летию Победы: «Братство народов СССР в Великой отечественной войне». Проект реализовывался 9–14 ноября 2020 года.

Цель: проведение комплекса мероприятий посвященных 75-летию Победы в ВОВ «Братство народов СССР в Великой отечественной войне» (в рамках IX Всероссийского социокультурного проекта «Неделя межнационального взаимодействия – 2020») по изучению и сохранению истории и вклада многонационального советского народа в Победу над мировым фашизмом.

Задачи:

Подобрать команды участников (волонтеры, студенты и др.) и работать над подготовкой реализации программы комплекса мероприятий посвященных 75-летию Победы в ВОВ.

Содействовать воспитанию нравственных ценностей у молодежи через разбор и анализ современных кинофильмов о Великой отечественной войне («Звезда» (2002 г.), «28 панфиловцев» (2016 г.), «Мумиё» (2018 г.)).

Создать условия (круглый стол, дискуссионная площадка, открытый урок), способствующие развитию профессионального саморазвитию учащейся молодежи педагогических вузов и колледжей и патриотического воспитания (Новосибирска, НСО и других регионов России) через изучение и анализа вклада педагогических работников в победу над мировым фашизмом.

Привлечение учащейся молодежи педагогических вузов и колледжей (Новосибирска, НСО и других регионов России), а также студентов национальных диаспор и землячеств Новосибирска и НСО к научно-исследовательской деятельности посредством проведения конференций и интеллектуальных игр, посвященных изучению подвига многонационального советского народа в победе над фашизмом.

Осуществить обмен культур разных этносов, проживающих на территории Новосибирска, НСО и других регионов России, также изучить песенную и танцевальную культуру ВОВ посредством проведения фестиваля национального студенческого творчества «Осень в Сибири».

Провести мастер-класс по пошиву кисетов для солдат как эффективного способа погружения в историю ВОВ.

Воспитать уважение к старшему поколению через организованную встречу с участниками ВОВ (ветеранами и детьми Великой отечественной войны).

Празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне является важнейшим событием 2020 года, это торжество имеет мировое значение и является важнейшим элементом патриотического воспитания молодого поколения. Также сохранение истории событий и истории жизни людей, переживших данную войну, является стержнем нравственного воспитания.

В этой войне приняли участие советские граждане разных национальных принадлежностей (алтайцы, буряты, казахи, русские, татары, хакасы и др.). Это в современном обществе в угоду политическим привилегиям пытаются забыть и стереть, при этом оправдывая участников современных фашистских молодежных движений. К сожалению, это приобретает мировую тенденцию, включая страны Европы и некоторых бывшие республики СНГ.

Комплекс мероприятий включает пять рабочих дней, в течение которых будет ежедневно проходить по одному мероприятию. Каждое мероприятие посвящено 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (см. таблицу 1).

Таблица 1

Календарный план проекта 2020 года

Дата	Название
09.11.20	<p>«Встреча с интересным человеком» Тема: «Современные кинофильмы «Звезда» (2002 г.) и «28 панфиловцев» (2016 г.) о Великой отечественной войне как элемент нравственного воспитания молодежи» Амаду Мамадаков – российский актер театра и кино, заслуженный артист Республики Алтай и Республики Тыва. Знаменит ролями рядового Вакутагина из популярного телесериала «Солдаты», Таргутая из исторического фильма «Монгол» и военнослужащего Курбаши из боевика «9 рота». Лауреат премии Г. И. Чорос-Гуркина (2004 г., за участие в фильме «Звезда»)</p>
10.11.20	<p>«Брейн-ринг» «Подвиг и память» (народы СССР в ВОВ) Интеллектуальная игра ФГБОУ ВО «НГПУ» Институт детства (Новосибирская область); ФГАОУ ВО Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова Институт математики и информатики (Республика Саха (Якутия)); ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет» (Республика Тыва).</p>
11.11.20	<p>«Актуальные проблемы воспитания культуры межнационального общения в современном образовательном пространстве» Тема: «Подвиг многонационального советского народа в Победе над фашизмом» Студенческая научно-практическая конференция</p>
12.11.20	<p>Мастер-класс «Посылка на фронт» Тема: «Подарок для бойца от девушки»</p>
13.11.20	<p>«Формирование гражданской идентичности у детей мигрантов через изучение вклада советского народа в победу над мировым фашизмом». Дискуссионная площадка для преподавателей вузов и учителей г. Новосибирска Подведение результатов регионального конкурса на лучшую учебно-методическую разработку в рамках реализации проекта «Психолого-педагогическое сопровождение детей мигрантов (билингвов и инофонов)»</p>
14.11.20	<p>«Осень в Сибири» фестиваль национального студенческого творчества. Закрытие «НВМ-2020» – выступление школьных и студенческих коллективов.</p>

Раскроем суть некоторых мероприятий. Например, 9 ноября состоялась встреча с российским актером театра и кино, заслуженным артистом Республики Алтай и Республики Тыва Амаду Мамадаковым, на которой обсуждались современные фильмы «Звезда» и «28 панфиловцев» как элемент нравственного воспитания молодежи. На данной встрече студенты смогли не только познакомиться с интереснейшим человеком, но и закрепить нравственно-патриотические нормы через современные российские фильмы. Также студенты общались с человеком другой национальности, подробнее знакомились не только с деятельностью Амаду Васильевича, но и с образом жизни, культурой и традициями его национальности.

10 ноября прошла интеллектуальная игра «Брейн-ринг» на тему: «Подвиг и память (народы СССР в ВОВ)», где приняли участие команды из 4 вузов страны: НГПУ, Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Республика Саха), Тувинского государственного университета (Республика Тыва), Горно-Алтайского государственного университета (Республика Алтай). Данное мероприятие дало студентам возможность пообщаться с людьми из разных субъектов Российской Федерации, изучить углубленно историю ВОВ и посостязаться в знании событий, людей данного отрезка времени.

11 ноября была организована студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы воспитания культуры межнационального общения в современном образовательном пространстве» по теме: «Подвиг многонационального советского народа в Победе над фашизмом». На данной конференции были заслушаны студенческие доклады по актуальным темам, посвященным истории ВОВ и сохранению данной истории в современном мире, например, «Мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны как элемент научного исследования», «Использование историко-краеведческого материала Великой Отечественной войны на уроках математики в 6 классе», «Историческая память событий Великой Отечественной войны как средство формирования культуры межнационального общения младших школьников» и многие другие темы.

13 ноября преподавательский состав ФГБОУ ВО «НГПУ» кафедры педагогики и методики начального образования, педагоги, учителя и воспитатели детских садов Новосибирска и НСО собрались на дискуссионной площадке «Формирование гражданской идентичности у детей мигрантов через изучение

вклада советского народа в победу над мировым фашизмом». Дополнительно были подведены результаты регионального конкурса на лучшую учебно-методическую разработку в рамках реализации проекта «Психолого-педагогическое сопровождение детей мигрантов (билингвов и инофонов)» и вручены дипломы и подарки.

14 ноября фестивалем национального детско-юношеского творчества «Осень в Сибири» завершилась «Неделя межнационального взаимодействия – 2020». Фестиваль был организован и прошел в онлайн режиме, т. е. учащиеся школ и студенты вузов присылали ролики со своим исполнением стихотворений, песен и танцев военной тематики с национальным колоритом. В данном фестивале раскрывалась национальная культура через творчество студентов [1].

Таким образом, можно сказать, что Всероссийский социокультурный проект «Неделя межнационального взаимодействия» направлен на профилактику межнациональных конфликтов, пропаганду здоровых межнациональных отношений, знакомство с национальной культурой разнообразных этносов. Безусловно, проект 2020 года был полностью посвящен празднованию 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и вкладу многонационального советского народа. Но на примере войны мы (молодое поколение) еще раз можем убедиться, что для людей важна не столько этническая принадлежность, сколько личностные качества. Ведь с первых дней войны люди разных наций и народностей сплотились в борьбе с фашизмом. Разработанные мероприятия в рамках проекта позволили сформировать у молодежи культуру межнационального общения и уважения к истории своей страны.

Литература

1. Касенова Н. Н. Всероссийский социокультурный проект «Неделя межнационального взаимодействия – 2020» как многолетний результат формирования современного российского педагога // Культура и образование этнических общностей Сибири: традиционные ценности народов России. К 75-летию Победы: материалы XX межрегиональной научно-практической конференции с международным участием / составитель М. Н. Бусик-Трофимук; мэрия города Новосибирска, Ассоциация национально-культурных автономий и национальных организаций г. Новосибирска и Новосибирской области «Содружество». Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. 305 с.

2. *Коротко о межнациональных отношениях* URL: <http://mo-okkervil.ru/press-tsentr/novosti/korotko-o-mezhnatsionalnykh-otnosheniyakh-2797>

3. Межнациональные отношения – виды, формы и примеры в современном обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nauka.club/obshchestvoznaniye/mezhnatsionalnye-otnosheniya.html>

4. Преподаватель НГПУ стала лауреатом конкурса «Мой проект – моей стране!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nspu.ru/content/news/index.php?ELEMENT_ID=986060&sphrase_id=18593112

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ОБРАЗУ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Соколов А. А. (Барнаул, Россия)

Аннотация: *Автором данной статьи исследовано отношение студенческой молодежи к образу современного преподавателя в вузе среди студентов бакалавров и магистрантов Алтайского государственного университета. Для достижения заданной цели автором были проведены анализ литературы и анкетирование. Согласно полученным в ходе анкетирования данным, для большинства студентов внешний вид преподавателя должен соответствовать возрасту, быть опрятным. Преподаватель может иметь собственный стиль, быть неформальным в общении со студентами. Важный момент – доступность консультаций, соблюдение субординации и отсутствие отношений со студентом (-кой). Преподаватель должен уметь увлечь студента, иметь широкий кругозор, уметь найти подход к студенту, иметь чувство юмора, уметь использовать методы поощрения или наказания, иметь опыт работы, уметь объективно оценивать, должен обладать грамотной речью. Также, у современного преподавателя не может быть судимости, вредных привычек.*

Ключевые слова: *исследование, анкетирование, студенты, бакалавры, магистранты, образ современного преподавателя, отношение студенческой молодежи, вуз.*

THE ATTITUDE OF STUDENTS TO THE IMAGE OF A MODERN TEACHER (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI STATE UNIVERSITY)

Sokolov A. A. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The author of this article examines the attitude of students to the image of a modern teacher in higher education among undergraduate and graduate students of the Altai State University. To achieve this goal, the author identified the following tasks: studying the literature on this topic in various sources; formulating survey questions with possible answers; conducting a survey among undergraduate and graduate students; processing and analyzing the data obtained after the survey; summing up the results of micro-research. The following methods*

were used in the implementation of the tasks: analysis, generalization, as well as questionnaires. The questionnaire included questions about the age, professional and personal qualities of the teacher with a choice of answers that students could use to determine their views. According to the data obtained during the survey, for most students, the appearance of the teacher corresponds to the age, is neat. The teacher can have his own style, or not have it. The teacher may drink tea or coffee during a lecture or seminar, have consultations available, follow the chain of command, and may not have an affair with the student. He or she knows how to attract a student, has a broad outlook, knows how to find an approach to a student, has a sense of humor, uses methods of encouragement or punishment, has work experience, objectively evaluates and has a competent speech. Also, a modern teacher cannot have a criminal record, bad habits, and he does not use the words parasites in speech.

Keywords: *research, questionnaire, students, bachelors, undergraduates, the image of a modern teacher, university.*

Вузовское образование играет важную роль в жизни любого человека, поскольку оно дает те знания, навыки и возможности, которые необходимы для успешного профессионального будущего студента [7, с. 14]

Преподаватели вузов являются не просто педагогами, а координаторами, взаимодействующими со студентами. Им необходимо сформировать четкие профессиональные качества, которые в дальнейшем облегчают освоение будущей профессии и становление настоящими профессионалами в выбранной сфере деятельности.

С развитием современного общества, научно-технического процесса и появлением новых технологий модернизируется и система общения «студент-преподаватель». Поэтому настоящее время требует новых, актуальных методов взаимодействия всех участников учебного процесса. В особенности это касается высших учебных заведений.

Студенты нуждаются в преподавателях, которые имеют разнообразные личностные, профессиональные качества, индивидуально-личностные особенности, умение интересно преподнести знания в рамках своей учебной дисциплины, хорошие коммуникационные навыки, уважение к личности студента и, тем самым, вовлекают их в образовательный процесс.

Хороший преподаватель оказывает существенное влияние на процесс обучения и становления устойчивой учебной мотивации учащегося в рамках своей учебной дисциплины.

Отношение студентов к образу современного преподавателя, их социальные ожидания и представления, внимание к его лекциям или стилю подачи учебного материала имеет большое влияние на посещаемость занятий, так как именно студенты испытывают на себе его воздействие и являются партнерами преподавателя в образовательном процессе.

Стоит отметить, что современный образ преподавателя является ключевым фактором, влияющим на отношение к учебной деятельности, поэтому представляется обоснованным исследование отношения студенческой молодежи к современному образу преподавателя в сознании студентов [5].

Социальная проблема: Негативные последствия несоответствия представлений об образе современного и реального преподавателя, выражающиеся в снижении интереса к учёбе, авторитета преподавателя и низкой посещаемости, что приводит к плохой успеваемости.

Исследовательская проблема: Возможность охарактеризовать представления студентов об образе современного преподавателя.

Объект: субъекты образовательного процесса.

Предмет: представления студентов об образе современного преподавателя.

Цель – выявить представления студентов об образе современного преподавателя.

Задачи:

1. Выявить представления студента о внешнем виде современного преподавателя.

2. Узнать представления студента относительно профессиональных и личных качеств современного преподавателя.

3. Охарактеризовать представления студента о дисциплине современного преподавателя.

4. Рассмотреть представления студентов относительно социально-демографических характеристик современного преподавателя.

Интерпретация основных понятий.

Представления об образе современного преподавателя – это сформированный в сознании студентов образ совершенного работника университета, преподающего какой-либо предмет.

На представления о современном преподавателе оказывают влияние такие факторы как возраст, пол респондента, курс, факультет.

Представления об образе современного преподавателя стоит рассматривать через следующие категории меньшей общности – внешний вид, подача материала, личные и профессиональные качества, дисциплина и социально-демографические характеристики.

В ходе анализа различной литературы были выделены основные подходы к изучению образовательного процесса. Моралистский подход говорит о том, что образование может решить все социальные проблемы. Его основателем считается Д. Пейн. Другой подход – институциональный – представлен, в первую очередь, творчеством Дж. Дьюи. Институционализм занимался изучением образования как социального института, взаимодействием его с другими социальными институтами. Следующий подход, сформировавшийся в социологии образования – конфликтный – восходит к классической марксистской традиции. Характеризуя деятельность образовательных учреждений, представители данного подхода отмечают, что основной их функцией является обучение особым «культурным статусам». Следующий подход – функционалистский, ярким представителем которого является Э. Дюркгейм. В своих работах «Образование и социология» и «Моральное образование» он определяет образование как одну из форм коллективного сознания, из поколения в поколение передающую культурные нормы.

Также можно выделить четыре основные парадигмы социологии образования: структуралистскую, функционалистскую, феноменологическую, радикально-гуманистическую. Структуралистская парадигма во многом основана на функциональном и конфликтном подходах. По мнению структуралистов, система образования является идеологическим инструментом государства. Её основная функция – формирование лояльных членов общества и воспроизводство социальной структуры. Функционалистская парадигма, представителем которой являлся Т. Парсонс, говорит о том, что любое социальное явление также можно представить в виде социальной системы с соответствующими основными свойствами, такими как адаптация, интеграция, достижение целей, поддержание целостности системы.

В частности, Т. Парсонс анализировал школьный класс как социальную систему и описал его, исходя из своей теории социальных систем.

Если для позитивизма в социологии и, соответственно – в социологии образования, социальные факты должны быть

концептуализированы как объективный порядок, то для интерпретативизма те же самые факты являются реальностью, зависимой от человеческой субъективности, которая и должна стать предметом социологии образования. Радикально-гуманистическая парадигма представлена в настоящее время следующими классиками: П. Фрейре, И. Иллич. Данная парадигма основана на принципах номинализма, волюнтаризма, радикального изменения. Её представители рассматривают институт образования как систему угнетения учащихся.

Также были проанализированы исследования, касающиеся представлений студентов об образе современного преподавателя. Основываясь на них, можно сделать следующие выводы: для студентов есть ряд критериев современного преподавателя, которые можно выделить в исследованиях. С позиции студентов современный преподаватель должен использовать различные методы обучения (дискуссии, деловые игры, проблемные лекции, решение ситуационных задач). Так же важно, чтобы преподаватель излагал учебный материал ясно и последовательно, что в представлении респондентов тесно связано с высокой культурой речи.

Во всех исследованиях ставятся разные цели и задачи. В одних исследованиях хотят проследить, как образ современного преподавателя влияет на мотивацию и стремление студента к обучению, в других описание образа современного преподавателя сопряжено с выявлением основных критериев и логики оценки деятельности педагога, что в конечном итоге позволяет лучше понять, как образовательные ожидания студентов, так и ориентиры педагогической деятельности преподавателей. Но все они сходятся во мнении, что от того, насколько преподаватель соответствует в сознании студентов образу современного педагога, от степени согласованности представлений субъектов образовательного процесса, во многом зависит эффективность обучения.

Результаты исследования представлений студентов об образе современного преподавателя в Алтайском государственном университете показали то, как студенты видят современного преподавателя.

Социально-демографические качества современного преподавателя для студентов в основном не имеют значения. Это можно объяснить влиянием Запада и постепенным ростом толерантности в студенческой среде.

Внешний вид современного преподавателя представляется таким для большинства студентов: соответствует своим внешним видом возрасту, является опрятным, имеет приятный аромат. Следующие критерии не являются обязательными: соответствие моде, индивидуальность и физическое совершенство.

Личные и профессиональные качества очень важны для студентов. Особенно, умение увлечь студентов, чувство юмора, объективность в оценивании. Все эти критерии очень важны для образовательного процесса, построения хороших отношений между преподавателем и студентом. Нежелательными являются такие качества как наличие судимости, использование ненормативной лексики и использование в речи слов паразитов.

Из дисциплины очень важна своевременная проверка заданий и доступность консультаций. Это очень важно для студента. Такие качества как возможность выпить кофе или чай во время пары или возможность пользоваться телефоном во время пары являются нормальными для студентов.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы и рекомендации:

В представлениях большинства студентов современный преподаватель 36–45 лет. Остальные критерии не имеют значения, такие как национальность, религиозность, сексуальная ориентация, пол, ученое звание и ученая степень.

Говоря про внешний вид современного преподавателя, можно сделать следующие выводы. Для большинства студентов внешний вид преподавателя соответствует возрасту, опрятен. Преподаватель может как иметь собственный стиль, так и не иметь. Для студентов это не сильно важно. От современного преподавателя должен исходить приятный аромат. По мнению опрошенных, современный преподаватель не обязательно должен соответствовать моде, но в целом внешний вид имеет большое значение для студентов.

По результатам исследования, современный преподаватель должен своевременно проверять задания, может пить чай или кофе во время лекции или семинара, у него должны быть доступны консультации, соблюдает субординацию и не может иметь роман со студентом (-кой).

Исходя из данных исследования можно сказать, что современный преподаватель должен уметь завлечь студента, иметь широкий кругозор, уметь найти подход к студенту, иметь чувство юмора, использовать методы поощрения или наказания,

иметь опыт работы, объективно оценивать и обладать грамотной речью. Также, у современного преподавателя не может быть судимости, вредных привычек, и он не должен использовать в речи слова паразиты.

Литература

1. *Бабаев Б. Д., Кисель А. А.* Высшее профессиональное образование как общегосударственный приоритет // Экономика образования, 2010. № 2. С. 55–61.

2. *Бондырева И. Б.* Взаимодействие субъектов образовательного пространства // Экономика и экологический менеджмент. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-subektov-obrazovatel'nogo-prostranstva> (дата обращения: 14.06.2020).

3. *Гужва И. В., Побокин П. А.* Образ преподавателя в представлении современных студентов в условиях учебно-воспитательного процесса // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117).

4. *Дюркгейм Э.* Социология образования. М.: ИНТОР, 1996. 80 с.

5. *Зими́на М. А.* Образ успешного преподавателя в представлении студентов старших курсов вуза // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 9. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/09/72309>

6. *Ларина Е. Н.* Изучение представлений студентов о профессионально важных качествах «Современного» и «Реального» преподавателя // Концепт. 2013. № 11 (27).

7. *Лымарь А. Н.* Профессиональная культура педагогов высшей школы: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2008. 165 с.

8. *Нечаев В. Я.* Общество и образование. М.: ИНФРА-М, 2003. 381 с.

9. *Прохода В. А.* Представления студентов и преподавателей вуза об идеальном педагоге // Социальные явления. 2015. № 3.

ЭЛЕМЕНТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ, ВЫЯСНЯЕМЫХ В ПРОЦЕССЕ ЕГО ДИАГНОСТИКИ

Солонина М. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В статье представлены основные элементы диагностики межнациональных конфликтов. Рассмотрена характеристика элементов межэтнических конфликтов. Охарактеризованы основные факторы, оказывающие влияние на межэтнические конфликты.

Ключевые слова: межнациональные конфликты, диагностика межнациональных конфликтов, элементы межнациональных конфликтов, факторы межнациональных конфликтов.

ELEMENTS OF INTERETHNIC CONFLICTS THAT ARE CLARIFIED IN THE PROCESS OF ITS DIAGNOSIS

Solonina M. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: The article presents the main elements of the diagnosis of interethnic conflicts. The characteristics of the elements of interethnic conflicts are considered. The main factors influencing interethnic conflicts are described.

Keywords: interethnic conflicts, diagnostics of interethnic conflicts, elements of interethnic conflicts, factors of interethnic conflicts.

Изучение различных межнациональных конфликтов является областью интереса многих исследователей социально-гуманитарного знания, так как межэтнические конфликты являются сегодня актуальной темой для представителей различных наук [3]. Одним из ключевых элементов в теории межнациональных конфликтов выступают элементы, выясняемые в процессе его диагностики.

Основными элементами диагностики межнациональных конфликтов являются:

- наличие причины – противоречия, которые порождают конфликт и выступают в роли предмета конфликта;
- конфликтующие стороны;
- наличие определенных отношений между участниками конфликта, которые можно определить как конфликтные.

В основе конфликта, в том числе и межэтнического, лежат конфликтующие стороны и предмет противоборства. Предмет конфликта включает в себя действие конфликта, сознание, которое им руководит, средства и методы действия, поле конфликта.

В зависимости от уровня конфликта его субъектами могут выступать индивиды различной национальной принадлежности, этнические группы, этнические общности, общественные и политические объединения, государства, международные сообщества которые являются участниками конфликта и осуществляют действия по достижению целей конфликта [2].

Для правильной диагностики конфликта необходимо различать субъект, который начинает конфликт, и того, кто в нём доминирует, и не всегда это одно и то же лицо.

Предмет конфликта представляет собой материальный или духовный объект, который становится причиной расхождения во взглядах. Им могут быть экономическое и социальное благополучие, материальные и духовные ценности, политика, религия, права и свободы человека, нравственные и эстетические идеалы, различные традиции и обычаи и многое другое, что может составлять элементы социальной жизни.

Для диагностики конфликта важную роль играет конфликтная ситуация на фоне которой проходит жизненный цикл конфликта и являющаяся неотъемлемой стороной конфликта. Она включает в себя острую форму разногласий, при которой стороны (либо сторона) уже не могут сосуществовать как прежде.

Конфликтная ситуация чаще всего складывается как результат комплекса причин и условий, которые вызывают конфликт. Конфликт возникает тогда, когда появляются межнациональные сравнения, когда народ считает себя в чем-то ущемленным, обиженным, обойденным, угнетенным, и решение многих проблем видится лишь в национальном самоутверждении.

Существует ряд факторов, определяющих возникновение этнических конфликтов:

а) наличие разнообразных этнических групп или конфессий имеющих достаточно четкое административное деление, которое основано на принципе этнических территорий;

б) значительная региональная дифференциация при одновременно высоком уровне централизации страны;

в) действие этно-психологического фактора при появлении существенных социальных, политических и экономических изменений и новых политических или экономических элит;

г) слабо развитые институты и механизмы, которые созданы для обеспечения предупреждения конфликтных ситуаций;

д) слабое развитие культуры согласия в обществе, то есть система ценностей и традиций, ориентированных на предупреждение этноконфликтов [4].

При наличии конфликтной ситуации всегда появляется лидер, который, пользуясь стихийным недовольством, ловко использует его (часто в собственных целях) и подогревает его, вследствие чего его готовы поддержать другие субъекты.

Национализм алогичен, бесперспективен и разрушителен, но возмущенному народу он таким не кажется. Напротив, именно национализм кажется самой правильной и верной идеологией.

Среди основных факторов, оказывающих влияние на межэтнические конфликты, можно выделить:

1) национальный состав региона конфликта (вероятность возникновения выше в многонациональных регионах);

2) тип поселения;

3) социальное положение;

4) уровень образования;

5) политические взгляды.

Основной причиной возникновения национальных конфликтов выступает расхождение и столкновение интересов субъектов межнациональных отношений (национально-государственных образований, наций, народностей, национальных групп).

Ещё одной причиной межэтнических конфликтов является плохое воспитание. Агрессивность, нетерпимость, жестокость по отношению к людям другой национальности, убеждений, вероисповедания чаще всего является недостатком воспитания.

Для того, чтобы предупредить риск возникновения межэтнического конфликта, необходима его профилактика. Я считаю, что для этого необходимо воспитывать толерантность, уважение к другим народам и культурам. Осуществлять сближение представлений разных этносов и конфессий и принятие того, что другие могут иметь свои представления [1].

Литература

1. *Васина В. В., Халитов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р.* Диагностика риска возникновения и предупреждения межконфессиональных и межэтнических конфликтов на основе модели психосоциального диссонанса // *Современные проблемы науки и образования.* 2014. № 6.

2. *Крысько В. Г., Фельдштейн Д. И.* (ред.) Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с.

3. *Пустовалова Е. В.* Толерантность как угроза социальной безопасности в современном полиэтничном пространстве: к постановке проблемы // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. Вып. 5. Ч. 1. Барнаул: «Новый формат», 2017 С. 207–210.

ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ К МИГРАНТАМ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Спирина А. С. (Барнаул, Россия)

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России» (2020–2021 гг.).

Аннотация: Миграция представляет сложный социально-демографический процесс территориального перемещения населения, связанный с изменением места постоянного проживания, экономической структуры и размещения производительных сил с повышением социальной и трудовой мобильности населения. Данный процесс может вызывать неоднозначную реакцию со стороны принимающего общества. Складывающиеся в процессе такого взаимодействия отношения имеют свою специфику и зависят как от особенностей миграционных потоков, так и принимающего сообщества. В данной работе представлены результаты исследования отношения жителей Новосибирской области к мигрантам. Основным источником эмпирических данных выступил социологический опрос населения Новосибирской области. Приведены оценки местным населением миграционной обстановки в регионе и установки жителей по отношению к мигрантам. Описаны представления жителей области относительно объема миграционных потоков, дана оценка изменения межнациональных отношений в регионе.

Ключевые слова: отношение к мигрантам, принимающее сообщество, приграничный регион.

Миграция сегодня представляет собой неотъемлемую часть развития современного российского социума. Исследования миграции проводятся в теоретической и методологической среде, направленной на то, чтобы охватить индивидуальный опыт миграции, а также межнациональные и межкультурные социальные отношения в глобальном, национальном и местном масштабе [6]. Миграционные потоки оказывают значительное влияние на структуру и систему государственных и общемировых общественных отношений. Имеет место быть положительное и

негативное двухстороннее влияние миграции на обстановку как внутри государства-реципиента так и непосредственно на страну исхода мигрантов [3]. Миграция и взаимодействие местного населения с мигрантами могут быть как выгодными, так и убыточными, в зависимости от параметров миграционного потока, а также от индивидуальных социально-демографических профилей населения и мигрантов [7]. Характер взаимоотношений с мигрантами часто определяется направленностью ожиданий местного населения. Большой интерес для исследований представляют возможные ситуации восприятия мигрантов как возможной угрозы [2]. Считается, что чем больше мигранты воспринимаются как отдельные члены другой культурной группы, тем больше формируется культурная дистанция между мигрантами и населением. Более высокий уровень дистанции в свою очередь связан с более негативным отношением к мигрантам [5].

Уже значительное время Новосибирская область является миграционным центром как для межрегиональной, так и для международной миграции, принимая порой в год до трети всего миграционного потока из-за рубежа. Основные зарубежные миграционные потоки связаны, прежде всего, с такими странами ближнего зарубежья, как Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан и Азербайджан [4].

Отношение местного населения Новосибирской области к мигрантам оценивалось с помощью таких показателей, как: общее отношение населения к мигрантам, представление населения о присутствии/отсутствии мигрантов в регионе и мнения населения относительно национальности мигрантов. Эмпирической основой для анализа выступили результаты социологического опроса населения Новосибирской области в возрасте 18–90 лет (2020, n = 450). При ответе на вопрос: «Как Вы относитесь к мигрантам в Вашем регионе?», населению предлагалось выбрать один из пяти вариантов ответа: отношусь «резко отрицательно», «скорее отрицательно, чем положительно», «равнодушно», «скорее положительно, чем отрицательно» и «дружелюбно». Полученные ответы позволяют отметить то, что отношение к мигрантам в регионе может быть охарактеризовано как положительное: дружелюбно относятся к мигрантам 26 %, скорее положительно 14,4 %, равнодушно 34,7 %, скорее отрицательно 20,9 % и резко отрицательно только 4 %.

Для того, чтобы понять, как выглядит объем миграционных потоков в глазах местного населения, задавался вопрос: «В Вашем

городе (селе) есть мигранты, то есть люди, недавно приехавшие из других регионов России или зарубежных стран?». Присутствие мигрантов в регионе отмечает подавляющее большинство населения 94,9 %. Из них высокая доля людей, которые отмечают значительное количество мигрантов в регионе: 44,8 % населения отметили, что мигрантов в регионе «очень много», и 42,2 % отметили, что мигрантов «довольно много». Только 7,9 % отметили, что мигрантов в регионе «довольно мало», и 5,1 % населения отметили, что «таких людей практически нет». Представление местного населения о высокой доли мигрантов в регионе сопоставимо со статистическими данными о миграционной ситуации. Согласно данным Новосибирскстата, несмотря на общее снижение потоков, миграционный прирост в Новосибирской области в 2019 году был положительным и составил 10,4 тыс. человек. Положительное сальдо миграции в области в 2019 году на 69,8 % обеспечивалось за счет международного обмена и на 30,2 % – за счет внутрirosсийского [1].

В первую очередь миграционный прирост в регион в 2019 году был обеспечен за счет обмена населением со странами СНГ. Национальный состав стран СНГ, не считая Россию, в большинстве, является иноэтничным по отношению к национальному составу Новосибирской области. Однако, независимо от вида миграции, мигранты могут быть как иноэтничными, так и могут быть представлены нацией «русских». Для того чтобы определить, кем в представлениях населения региона являются мигранты, населению был задан вопрос о том, преимущественно какой национальностью представлены мигранты в регионе. Больше половины населения (56,5 %) считают, что мигранты в Новосибирской области, в первую очередь, – это представители другой национальности. Почти треть населения (32,2 %) отмечают, что мигрантами являются как представители другой национальности, так и русские. И только 8,2 % населения отметили, что мигранты – это преимущественно представителей той же национальности, что и местное население.

Несмотря на то, что высокий процент населения отмечает, что мигранты представлены преимущественно представителями отличных национальностей от местного населения региона, подавляющее большинство населения (77,1 %) отмечают отсутствие для себя риска утратить свою национальную идентичность. Отсутствие риска может быть объяснено статистическими данными о национальном составе Новосибирской

области. Согласно данным последней переписи населения, национальный состав региона в большинстве (92,8 %) представлен русскими. Остальные нации представлены менее 1 %: украинцы, узбеки, татары, немцы, таджики, армяне, киргизы, азербайджанцы, белорусы, казахи, корейцы, езиды, евреи, китайцы, цыгане, тувинцы, буряты, чувашаи, грузины, турки, мордва, якуты, башкиры, поляки, алтайцы и молдаване.

Также населению был задан вопрос относительно изменения характера межнациональных отношений в регионе. Больше половины населения (56,2 %) отмечают улучшение отношений между людьми разных национальностей в своем регионе за последние 5 лет. При этом мужчины и женщины на одном уровне оценивают улучшение отношений между людьми разных национальностей (52,6 % и 57,7 % соответственно). Было выявлено статистическое различие между оценкой ситуации и уровнем материального положения (χ^2 , $p < 0,01$). Улучшение по данной ситуации чаще отмечает население с высоким (69,1 %) и со средним (52,6 %) уровнем материального положения. Ухудшение ситуации отмечает население с низким уровнем материального положения (60 %).

Таким образом, можно отметить, что местное население декларирует положительное отношение к мигрантам. Население отмечает, что объем мигрантов в регионе очень большой. Сами мигранты определяются населением в своем большинстве как представители других национальностей. При этом увеличение числа иноэтничного населения для местного населения в настоящее время не рассматривается как возможность утраты своей национальной идентичности и отмечается улучшение межнациональных отношений в регионе.

Литература

1. Итоги миграции населения Новосибирской области за 2019 год: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по новосибирской области (Новосибирскстат) URL: https://novosibstat.gks.ru/storage/mediabank/p54_PRESS92_2020.pdf

2. Лапшина Т. В., Константинов В. В. Отношение к мигрантам представителей принимающего сообщества в зависимости от типа проживания мигрантов // Мир науки. Педагогика и психология. 2016. № 4 (4). С. 44–49.

3. Черевичко Т. В. Управление миграционными рисками в условиях трансформации глобальных миграционных процессов //

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. № 21(2). С. 126–130.

4. *Шевцова Е. В., Абдрахманова В. Б., Герман К. В.* Местные жители и мигранты в Новосибирской области: восприятие и механизмы адаптации // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 67–73.

5. *Albada K., Hansen N., Otten S.* When cultures clash: Links between perceived cultural distance in values and attitudes towards migrants // British Journal of Social Psychology. 2021. P. 1–29.

6. *Eichsteller M.* Migration as a Capability: Discussing Sen's Capability Approach in the Context of International Migration // Social Inclusion. 2021. 9(1). P. 174–181.

7. *Schahbasi A., Huber S., Fieder M.* Factors affecting attitudes toward migrants – A evolutionary approach // American Journal of Human Biology published by Wiley Periodicals LLC. 2020. № 6. P. 1–13.

«ВЕКТОР ОБРАЗОВАНИЯ»

Старовойт А. Н., Маркина П. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: Проект нацелен на создание сообщества среди студентов педагогического вуза с привлечением к системе общих дел иностранных студентов для взаимодействия со школьниками. Анализ научной литературы по современному состоянию исследований в данной области показывает, что остро актуальным является вопрос профориентации школьников, включенности их в проектную деятельность, формированию мотивации не только к обучению, но и к реализации себя в поликультурном и многонациональном социуме. Кроме того, острыми остаются проблемы ориентированности студента педагогического вуза на свою профессию и адаптации иностранных студентов в российском вузе.

Ключевые слова: тьюторство, профориентация, многонациональность, иностранные студенты, обмен знаниями.

«VECTOR OF EDUCATION»

Starovoit A. N., Markina P. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: The project aims to create a community among students of a pedagogical university with the involvement of foreign students in the system of common affairs for interaction with schoolchildren. The analysis of the scientific literature on the current state of research in this area shows that the issue of vocational guidance of schoolchildren, their involvement in project activities, and the formation of motivation not only for learning, but also for realizing oneself in a multicultural and multinational society is extremely relevant. In addition, the problems of orientation of a student of a pedagogical university to their profession and the adaptation of foreign students in a Russian university remain acute.

Keywords: tutoring, career guidance, multiculturalism, international students, knowledge sharing.

Цель проекта: создать в Барнауле систему обучения и работы иностранных студентов в рамках сообщества студентов педагогического вуза для обмена знаниями и прохождения практики в школах для развития интереса к профориентации у школьников и

повышения качества образования. Воспитательная составляющая базируется на формировании у обучающихся толерантного отношения к иной культуре, понимания и уважительного отношения к традициям родной страны, возвращении желания изучать поликультурный и многонациональный социум и, осознавая собственную уникальность, саморазвиваться в нем.

Задачи проекта:

1) определить актив студентов педагогического вуза, мотивированных к взаимодействию со школьниками, пригласить в состав сообщества иностранных студентов, выработать план мероприятий – общих дел – актуальных в современном мире (экологические действия, информационная безопасность, знакомство с культурой другой страны и пр.);

2) выбрать школы для реализации проекта и обсудить работу с руководителями образовательных учреждений в выбранных школах. Представить курс лекций «Толерантное общество XXI века» и провести игры с изучением разных культур, а также провести мозговой штурм с носителями языка, организовать реализацию определенных ранее общих дел;

3) создать условия для развития профессиональных способностей у иностранных студентов педагогического университета, организовать возможность знакомства и общения школьников с представителями разных культур;

4) повысить уровень информированности учащихся о других странах, создать необходимость использования иностранного языка для общения, работать на расширение кругозора школьников;

5) повысить популярность профессии учителя путем взаимодействия школьников и иностранных студентов как в учебных занятиях, так и творческих мероприятиях, общественно полезных акциях;

Актуальность, новизна, оригинальность исследования.

Согласно «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» охват высшим и средним профессиональным образованием населения должен составить 60–70 процентов, для этого необходима активная работа с учащимися, слабо заинтересованными в получении профессии. Точкой активного взаимодействия может стать знакомство с иной культурой и осмысление уникальности собственной личности.

Таким образом может быть осуществлен переход от системы массового образования, характерной для индустриальной

экономики, к необходимому для создания инновационной социально ориентированной экономики непрерывному индивидуализированному образованию для всех, развитию образования, неразрывно связанному с мировой фундаментальной наукой, ориентированному на формирование творческой социально ответственной личности.

Тьюторская работа студентов педагогических вузов с привлечением иностранных студентов в школе позволяет индивидуализировать процесс обучения, простимулировать интересы каждого учащегося к изучению языков, создать возможность обмена знаниями. Усилия направлены на стимулирование исследовательской деятельности и инновационного развития в высшем образовании, популяризацию обучения в педагогическом вузе, знакомство иностранных студентов с российской жизнью изнутри, адаптации иностранцев, а также формированию дружеских связей и позитивного поля для общения вне занятий. В системе образования выделяется проблема нехватки кадров.

Результаты деятельности активных студентов способны привлечь других участников из числа однокурсников, а также способствовать формированию у школьников жизненных установок и моделей поведения, мобильности, желания обучаться в течение долгого времени, искать свои интересы, занять активную жизненную позицию.

На своем примере иностранные студенты могут показать важность непрерывного образования и помочь детям сформировать ценностные ориентиры. Также одной из задач стратегии инновационного развития России до 2020 года является необходимость усовершенствовать профессиональную ориентацию будущих учителей. Подготовка и успешное проведение занятий в рамках проекта, самообразование способны решить поставленную задачу усовершенствования профессиональной ориентации будущих учителей.

Предлагаемые методы и подходы:

1. Поиск партнеров среди учебных заведений и набор команды проекта.
2. Проведение тренингов и круглых столов с тьюторами-студентами и иностранцами.
3. Обсуждение проблем и разработка образовательной программы, нацеленной на решение языковых и прочих трудностей.

4. Проведение серии мероприятий, обозначенных в плане общих дел. Разработка и распространение печатной продукции. Привлечение спонсоров и поиск партнеров.

5. Проведение образовательных мероприятий и творческих мастер классов согласно обозначенным проблемам и разработанному плану.

6. Анализ результатов и подведение итогов. Планирование дальнейшего взаимодействия и расширения количества школ. Увеличение количества иностранных студентов и тьюторов (их поиск в других вузах). Взаимодействие, в том числе и дистанционное, с другими университетами России и зарубежья.

Мы предполагаем следующие результаты: Дети больше узнают о других странах, познакомятся с особенностями жизни, традициями, фольклором студентов из англоязычных и др. стран. Повысится уровень заинтересованности в получении высшего образования, в результате повысится уровень качества знаний в школе. Данный проект сможет увеличить информированность школьников об образовательных учреждениях, расширить кругозор учащихся познакомиться с носителями языка, повысить уровень толерантности.

Литература

1. *Беляева Т. К., Никишина О. А.* Тьюторство как ресурс повышения качества образования иностранных студентов в вузе // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 6.

2. *Боровкова Т. И., Лавриненко Т. Д., Жи Чу Хэн, Чжу Цзяу.* Организация сотрудничества в области индивидуализации и тьюторства между китайским и российским университетами // *Наука и образование сегодня.* 2017 № 1 (12). С. 53–58.

3. *Боровкова Т. И., Чжу Цзяу* Современные модели индивидуализации и тьюторства в образовании // *Современные проблемы науки и образования.* 2018. № 6.

4. *Гриншпун С. С.* организация профориентации школьников в Великобритании // *Педагогика.* № 7. 2005. С. 100–105.

5. *Гурелина Н. В., Лавриненко Т. Д.* Анализ факторов выбора вуза иностранными студентами (на примере Дальневосточного федерального университета) // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал).* Т. 9. № 9–2. 2018. С. 22–33.

6. *Зинковский А. В.* Адаптация иностранных студентов к обучению в университетах России // Обучение иностранных студентов: состояние и перспективы. СПб. 1997. С. 37–43.

7. *Казаков Д. В., Даничев А. А., Машанов А. А.* Основные проблемы профориентации школьников на современном этапе развития общества // Вестник КрасГАУ. № 9 (72). 2012. С. 242–245.

8. *Клычков А. П.* Информационная система поддержки и мотивации проектной деятельности школьников с разграничением прав школьников и руководителей проектной деятельностью // Информационные технологии в работе с одаренной молодежью. 2015. С. 446–447.

9. *Львова А. С., Любченко О. А.* Критерии оценки эффективности педагогических технологий тьюторской деятельности в современной образовательной организации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: педагогика и психология. 2016. № 1 (35). С. 89–96.

10. *Степанов В. Г.* Психологические особенности школьников и взрослых, обусловленные функциональной асимметрией мозга: возраст, обучение, профориентация. Москва, 2009. 240 с.

УГРОЗЫ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Суртаева О. В., Черепанова М. И. (Барнаул, Россия)

Публикация подготовлена в рамках выполнения Гранта РФФИ № 19–011–00417 Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России (2019–2021 гг.).

Аннотация: Социальная безопасность в настоящее время выступает предметом исследования большого количества областей научного знания. В рамках большинства теоретических подходов социальная безопасность рассматривается в контексте анализа явлений и процессов, возникновение и развитие которых порождает негативные изменения в жизни общества, государства, региона, влекущих за собой тяжелые последствия. Эти явления и процессы называют угрозами социальной безопасности, и особенно сильно они затрагивают незащищенные слои населения, поэтому их исследование становится актуальным в контексте решения проблем социальной защиты. В связи с этим авторы предприняли попытку проанализировать угрозы социальной безопасности в оценках населения шести приграничных регионов России ($n = 3339$). В результате анализа было выявлено, что военные и политические угрозы для населения приграничных регионов не являются актуальными, в то время как экономические, правовые, демографические и экологические угрозы представляются населению достаточно реальными.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальная трансформация, социальные риски, угрозы социальной безопасности, приграничные регионы, азиатское приграничье.

THREATS TO SOCIAL SECURITY IN THE ASSESSMENTS OF THE POPULATION OF THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Surtaeva O. V., Cherepanova M. I. (Barnaul, Russia)

Abstract: Social security is currently the subject of research in a large number of areas of scientific knowledge. Within the framework of most theoretical approaches, social security is considered in the context of

the analysis of phenomena and processes, the emergence and development of which gives rise to negative changes in the life of society, state, region, entailing grave consequences. These phenomena and processes are called threats to social security, and they especially strongly affect the unprotected segments of the population, therefore their study becomes relevant in the context of solving the problems of social protection. In this regard, the authors made an attempt to analyze the threats to social security in the assessments of the population of six border regions of Russia (n = 3339). As a result of the analysis, it was revealed that military and political threats to the population of border regions are not relevant, while economic, legal, demographic and environmental threats seem to the population quite real.

Keywords: *social security, social transformation, social risks, threats to social security, border regions, Asian borderlands.*

В настоящее время вопросы, связанные с социальной безопасностью, являются предметом широких научных [1; 2; 3; 6] и публичных дискуссий. Как отмечает Э. Гидденс [5], одной из главных тенденций, проявляющейся практически во всех современных социумах, является трансформация восприятия процессов социального развития таким образом, что в общественном сознании ключевой характеристикой социальной жизни становится понятие «риска», в отличие от понятия «судьбы». Общество открывается будущему, которое все сильнее проблематизируется вследствие появления все новых рисков, опасностей и угроз, связанных с техническим прогрессом, социальным развитием, экологической ситуацией, политическими процессами и многими другими последствиями цивилизационных процессов. Если попытаться определить соотношение понятий «опасность» и «угроза», в первом приближении можно сказать, что угроза – это конкретное проявление опасности. Другими словами, опасность заключает в себе возможность причинения какого-либо вреда, возможность угрозы.

Под угрозами можно понимать те процессы, условия или факторы, которые отражают противоречия, заключенные в социуме, государстве, а также отношениях между ними, выражающиеся в столкновениях разных социальных групп, политических сил, государств и их ассоциаций. В качестве источников угроз могут выступать, во-первых, социальные противоречия, игнорирование которых может привести к причинению ущерба жизненно-важным интересам объекта безопасности; во-

вторых, техногенные противоречия, выражающиеся в том, что постоянно увеличивающиеся потребности людей требуют усложнения технологических процессов, поиск и использование мощных источников энергии, а это, в свою очередь, увеличивает риск ширококомасштабных аварий и катастроф; в-третьих, природные явления, связанные с негативным влиянием человека на окружающую среду либо неконтролируемые человеком природные явления: наводнения, землетрясения и т.п. Таким образом, угрозы безопасности в целом – это явления и процессы, возникновение и развитие которых порождает негативные изменения в жизни общества, государства, региона, влекущие за собой тяжелые последствия.

По мнению Ю.В. Фененко [4], необходимо анализировать угрозы социальной безопасности в зависимости от сферы социальной жизни, в которой они проявляются. В связи с этим автор выделяет несколько типов социальных угроз (социально-информационную, социально-политическую, социально-духовную, военную, экологическую, социально-экономическую и другие), которые взаимообусловлены и дополняют друг друга. И действительно, источников угроз социальной безопасности существует очень много, и постоянно появляются всё новые. Под источниками угроз социальной безопасности мы будем понимать совокупность факторов и условий, создающих опасность, угрожающую как интересам общества и государства, так и отдельной личности. Особенно серьезно угрозы социальной безопасности затрагивают социально незащищенные слои населения, поэтому их исследование становится актуальным в контексте решения проблем социальной защиты.

В связи с этим в 2020 году было проведено исследование, одной из задач которого выступал анализ угроз социальной безопасности в оценках населения России. В исследовании принимало участие население шести приграничных регионов России: Алтайского края, Амурской области, Хабаровского края, Республики Алтай, Омской области и Оренбургской области (n = 3339).

Респондентам было предложено оценить выраженность наступления в нашей стране двадцати семи угроз по пятибалльной шкале, где 1 – угроза отсутствует, 2 – угроза слабо выражена, ее наступление маловероятно, 3 – угроза скорее выражена, ее наступление возможно, 4 – угроза выражена и 5 – угроза очень выражена. Кроме этого, населению приграничных

регионов России было предложено оценить, усиливает ли опасности, стоящие перед жителями приграничных регионов, их близость к границам страны по четырехбалльной шкале, где 1 – определенно усиливает, 2 – скорее усиливает, 3 скорее не усиливает, 4 – определенно не усиливает.

Обратимся к анализу результатов исследования, полученных на общей выборке по всем шести приграничным регионам, охваченным исследованием.

Так, по мнению 3,3 % населения приграничных регионов России угроза массовой безработицы, роста цен и обнищания населения полностью отсутствует, однако 13,5 % считают ее слабо выраженной, 33,8 % скорее выраженной, 27,8 % выраженной, а 21,5 % – очень выраженной.

Коррупция, произвол властей и беззаконие совсем не угрожают нашей стране по мнению 2,6 % населения, 13,8 % считают эту угрозу слабо выраженной, 29,8 % склоняются ко мнению, что она скорее выражена, 26,7 % говорят о выраженности этой угрозы, а 27,1 % об очень сильной выраженности.

По мнению 5,6 % населения приграничных регионов России, стране совсем не угрожают экологические катастрофы, химическое и радиационное загрязнение воздуха, воды, 20,3 % считают эту угрозу выраженной слабо, 30,1 % скорее выраженной, 26,4 % достаточно выраженной, а 17,5 % очень выраженной.

Интересно, что 11,1 % населения приграничных регионов не считает выраженной угрозу массовых эпидемий и распространения смертельных заболеваний несмотря на то, что исследование проводилось в период пандемии COVID-19. Для 26,7 % населения эта угроза представляется слабо выраженной, для 29,7 % – скорее выраженной, для 21,1 % – выраженной, а для 11,3 % – очень выраженной.

Природные катаклизмы, землетрясения, наводнения не считают актуальной угрозой 13,3 % респондентов, 33,9 % оценивают ее как маловероятную, 30,2 % как возможную, 15,3 % как выраженную, а 7,3 % как очень выраженную и актуальную в настоящее время.

Крупные аварии на транспорте, производстве, пожары, обрушение зданий не считают угрозой 8,5 % респондентов, 35,5 % полагают, что эта угроза выражена слабо, 31,4 % говорят о том, что она скорее выражена, 16,6 % – о том, что угроза выражена, а 8,0 % полагают, что эта угроза очень выражена и актуальна в настоящий момент.

Угрозу распространения терроризма и осуществления крупных террористических актов 20,7 % респондентов считают абсолютно не актуальной, отсутствующей, еще 40,1 % считает такую угрозу выраженной слабо, для 23,3 % респондентов она скорее выражена, для 10,7 % – достаточно выражена, а для 5,1 % – очень выражена.

Угроза техногенных катастроф, длительного отключения тепла, водо- и энергоснабжения абсолютно не актуальна для 14,9 % респондентов, слабо выражена для 41,1 % респондентов, скорее выражена для 25,4 % респондентов, выражена для 13,0 %, а сильно выражена для 5,5 % населения приграничных регионов России.

Распад экономики и разорение страны совсем не угрожают России по мнению 11,1 % респондентов, слабо угрожают – по мнению 26,0 %, скорее угрожают – по мнению 28,6 %, достаточно сильно угрожают – по мнению 17,5 %, и очень сильно угрожают – по мнению 16,8 %.

По мнению 10,9 % населения приграничных регионов России угроза сокращения населения страны, депопуляции, вырождения нации полностью отсутствует, однако 22,8 % считают ее слабо выраженной, 28,5 % скорее выраженной, 20,5 % выраженной, а 17,3 % очень выраженной.

Ограничение демократических прав и свобод не кажется актуальной угрозой для 12,3 % респондентов, для 24,6 % эта угроза выражена слабо, для 25,3 % она выгладит возможной, для 20,8 % – выраженной, а для 17,0 % – очень выраженной.

По мнению 10,6 % населения приграничных регионов России, стране совсем не угрожают банковский кризис, дефолт, потеря вкладов и сбережений, 25,1 % считают эту угрозу выраженной слабо, 35,5 % скорее выраженной, 18,0 % достаточно выраженной, а 10,8 % очень выраженной.

Политические беспорядки, насильственные попытки смены власти, революцию не считают угрозой 22,5 % респондентов, 34,5 % полагают, что эта угроза выражена слабо, 22,5 % говорят о том, что она скорее выражена, 12,5 % – о том, что угроза выражена, а 8,0 % полагают, что эта угроза очень выражена и актуальна в настоящий момент.

Межэтнические конфликты и межнациональные войны не считают актуальной угрозой для страны в настоящее время 24,8 % респондентов, 42,6 % оценивают ее как маловероятную, 20,4 % как

возможную, 8,6 % как выраженную, а 3,6 % как очень выраженную и актуальную в настоящее время.

Вероятность военного нападения со стороны других государств 30,2 % респондентов оценивают как отсутствующую, 40,1 % отмечают, что это маловероятно, 20,6 % считают, что такая угроза возможна, 6,1 % – что она выражена и лишь 3,1 % убеждены, что указанная угроза сильно выражена.

Угроза безвластия и анархии в стране абсолютно не актуальна для 40,9 % респондентов, еще для 34,2 % она выражена слабо, однако для 13,5 % такая угроза представляется возможной, для 7,0 % – выраженной, а для 4,4 % – высоко выраженной.

По мнению 52,7 % населения приграничных регионов России угроза утраты страной суверенитета и присоединения ее к другому государству или союзу государств полностью отсутствует, в то же время 28,4 % считают ее слабо выраженной, 10,6 % скорее выраженной, 5,4 % выраженной, и лишь 2,9 % очень выраженной.

Угроза наступления в России гражданской войны оценивается 38,5 % респондентов как отсутствующая, 31,5 % как маловероятная, 16,9 % как возможная, 8,9 % как выраженная, а 4,1 % как сильно выраженная.

По мнению 34,7 % населения приграничных регионов России, стране совсем не угрожают диктатура и массовые репрессии, 27,5 % считают эту угрозу выраженной слабо, 17,9 % скорее выраженной, 11,1 % достаточно выраженной, а 8,8 % очень выраженной.

Угроза ядерной войны оценивается 46,7 % респондентов как отсутствующая, 31,6 % как маловероятная, 13,4 % как возможная, 6,1 % как выраженная, а 2,2 % как сильно выраженная.

Превращение приграничных стран во враждебные государства не кажется актуальной угрозой для 25,2 % респондентов, для 32,9 % эта угроза выражена слабо, для 24,5 % она выгладит возможной, для 11,3 % – выраженной, а для 6,2 % – очень выраженной.

Угрозу постепенной экспансии приграничных государств и наращивания их экономического, политического и культурного влияния на российское приграничье 24,2 % населения приграничных российских регионов считают абсолютно не актуальной, отсутствующей, еще 38,5 % считает такую угрозу выраженной слабо, для 22,7 % респондентов она скорее выражена, для 8,9 % – достаточно выражена, а для 5,7 % – очень выражена.

По мнению 16,3 % населения приграничных регионов России, стране совсем не угрожает замещение населения российского

приграничья иностранными мигрантами, 30,8 % считают эту угрозу выраженной слабо, 28,0 % скорее выраженной, 14,8 % достаточно выраженной, а 10,1 % очень выраженной.

Слабость защиты границ России и вследствие этого наплыв нелегальных мигрантов не воспринимается как угроза 26,8 % респондентов, по мнению 35,5 % эта угроза выражена слабо, по мнению 21,7 % – скорее выражена, по мнению 9,5 % – выражена, а по мнению 6,5 % – сильно выражена.

Истощение природных ресурсов совсем не угрожает нашей стране по мнению 8,9 % населения, 17,5 % считают эту угрозу слабо выраженной, 28,9 % склоняются ко мнению, что она скорее выражена, 21,5 % говорят о выраженности этой угрозы, а 23,3 % об очень сильной выраженности.

По мнению 32,1 % населения приграничных регионов России угроза исламизации страны полностью отсутствует, 33,2 % респондентов считают ее слабо выраженной, 19,5 % скорее выраженной, 9,2 % выраженной, и лишь 6,0 % – очень выраженной.

И, наконец, опасное перенаселение городов и вымирание сел не воспринимают как угрозу 12,3 % респондентов, воспринимают как слабую угрозу 18,0 %, как скорее выраженную угрозу – 28,7 %, как выраженную угрозу – 20,3 %, а как очень выраженную угрозу – 20,7 % населения охваченных исследованием регионов.

Проанализируем мнения респондентов о том, усиливает ли близость к границам угрозы, стоящие перед жителями приграничных регионов. Следует отметить, что мнения респондентов не отличаются единодушием, хотя в целом видна склонность к восприятию приграничного положения региона как еще одного фактора риска. Так, 18,1 % респондентов считает, что приграничное положение определенно усиливает угрозы, стоящие перед жителями приграничных регионов, 35,4 % считают такое положение скорее усиливающим остальные угрозы. При этом противоположного мнения придерживаются 8,4 % населения приграничных регионов, считающих, что приграничное положение совсем не усиливает существующих угроз, а 28,1 % полагают, что скорее не усиливает. Каждый десятый респондент (10,0 %) испытал затруднения при оценке приграничного положения региона как фактора усиления уже существующих в регионе угроз. В целом, 36,5 % респондентов придерживаются позиции, что приграничное положение – это фактор, не усиливающий существующих социальных угроз, в то время как чуть более половины опрошенных (53,5 %) придерживаются

противоположной позиции, согласно которой приграничное положение – это фактор, усиливающий риски для региона.

Таким образом, население приграничных регионов сильнее всего опасается экономических, правовых, демографических и экологических угроз, в то время как угрозы военные и политические беспокоят его в наименьшей степени. При этом, по мнению респондентов, приграничное положение региона является важным фактором, который усиливает выраженность сформировавшихся в регионе угроз.

В результате региональных сравнений (χ^2 , $p \leq 0,05$) в исследовании были установлены некоторые региональные особенности восприятия социальных угроз. Так, по сравнению с населением других регионов, население *Алтайского края* скорее ощущает себя в безопасности, поскольку в результате сравнительного анализа не было зафиксировано угроз, которые были бы очень выраженными. Однако среди актуальных для населения Алтайского края угроз можно назвать массовую безработицу, рост цен и обнищание населения; коррупцию, произвол властей и беззаконие; распад экономики, разорение страны; ограничение демократических прав и свобод; безвластие, анархию; утрату страной суверенитета, угрозу присоединения к другому государству или союзу государств; гражданскую войну; диктатуру и массовые репрессии в стране и ядерную войну. В то же время, население Алтайского края считает, что такие угрозы как экологические катастрофы, химическое и радиационное загрязнение воздуха, воды; постепенная экспансия приграничных государств и наращивание их экономического, политического и культурного влияния на российское приграничье; замещение населения российского приграничья иностранными мигрантами; слабость защиты границ России, угроза наплыва нелегальных мигрантов; экспансия ислама; перенаселение городов и вымирание сел не являются актуальными для России.

Население *Амурской области*, в отличие от населения других обследованных приграничных регионов, среди наиболее актуальных угроз стране называет следующие: природные катаклизмы, землетрясения, наводнения; сокращение населения страны, депопуляция, вырождение нации; замещение населения российского приграничья иностранными мигрантами; слабость защиты границ России, угроза наплыва нелегальных мигрантов; истощение природных ресурсов; экспансия ислама. Вместе с тем, при сравнительном анализе не было зафиксировано таких угроз,

которые казались бы совсем неактуальными для жителей Амурской области.

Население *Хабаровского края* среди угроз, которые являются для него очень актуальными, перечисляет следующие: коррупция, произвол властей и беззаконие; крупные аварии на транспорте, производстве, пожары, обрушение зданий; распространение терроризма, крупные террористические акты (взрывы, захват заложников); техногенные катастрофы, длительное отключение тепла, водо- и энергоснабжения; политические беспорядки, насильственные попытки смены власти, революция; межэтнические конфликты, межнациональные войны; превращение приграничных стран во враждебные государства; постепенная экспансия приграничных государств и наращивание их экономического, политического и культурного влияния на российское приграничье; замещение населения российского приграничья иностранными мигрантами; слабость защиты границ России, угроза наплыва нелегальных мигрантов; истощение природных ресурсов; экспансия ислама; Опасное перенаселение городов, вымирание сел. При этом население Хабаровского края считает неактуальными такие угрозы как массовые эпидемии, распространение смертельных заболеваний, а также диктатуру и массовые репрессии в стране. В этом регионе складывается наиболее «острая» и конфликтная обстановка, что подтверждается и выраженным отношением населения этого региона к своему приграничному положению как к очередной угрозе.

При анализе ответов населения *Республики Алтай* не выявлено угроз, которые бы, в сравнении с населением других регионов, воспринимались как сильно выраженные. Немного опаснее, чем все остальное, воспринимаются природные катаклизмы, землетрясения, наводнения (вероятно, вследствие влияния географического положения республики); сокращение населения страны, депопуляция, вырождение нации; угроза безвластия и анархии; угроза диктатуры и массовых репрессий в стране; перенаселение городов и вымирание сел. Абсолютно не угрожающими воспринимаются коррупция, произвол властей и беззаконие, а также истощение природных ресурсов. В этом регионе складывается наиболее благоприятная обстановка с точки зрения восприятия населением окружающего мира не как полного угроз и опасностей, а, скорее, как наполненного возможностями. Это подтверждается и выраженным отношением населения этого региона к своему приграничному положению не

как к очередной угрозе, а как к возможности или нейтральному фактору.

В *Омской области* население, острее, чем в других регионах, опасается экологических катастроф, химического и радиационного загрязнения воздуха, воды; массовых эпидемий, распространения смертельных заболеваний; банковского кризиса, дефолта, потери вкладов и сбережений; диктатуры и массовых репрессий в стране. При этом население Омской области, в сравнении с населением других обследованных регионов, считает неактуальными такие угрозы как природные катаклизмы, землетрясения, наводнения.

Население *Оренбургской области* среди наиболее актуальных для себя угроз перечисляет военное нападение со стороны других государств и опасное перенаселение городов, вымирание сел, а в несколько меньшей степени – замещение населения российского приграничья иностранными мигрантами и слабость защиты границ России, угрозу наплыва нелегальных мигрантов. Наименее актуальные для населения Оренбургской области угрозы – это природные катаклизмы, землетрясения, наводнения; распространение терроризма, крупные террористические акты (взрывы, захват заложников); техногенные катастрофы, длительное отключение тепла, водо- и энергоснабжения; политические беспорядки, насильственные попытки смены власти, революция; межэтнические конфликты, межнациональные войны; безвластие, анархия; диктатура и массовые репрессии в стране; ядерная война; превращение приграничных стран во враждебные государства; постепенная экспансия приграничных государств и наращивание их экономического, политического и культурного влияния на российское приграничие; экспансия ислама.

Литература

1. Горбунова А. А., Борисова О. В., Максимова С. Г. Социальная безопасность приграничных регионов России // Политика и общество. 2019. № 1. С. 36–45.

2. Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Восприятие социальной безопасности населением регионов азиатского приграничья России (на примере Алтайского края) // Society and Security Insights. 2020. Т.3. № 1. С. 13–36.

3. Спирина А. С., Максимова С. Г. Состояние безопасности и доверия в приграничных регионах России: по результатам

социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. № 2. С. 53–62.

4. *Фененко Ю. В.* Правовое обеспечение социальной безопасности личности в России и за рубежом на этапе глобализации рынка: информационно-управленческий подход. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 577 с.

5. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford University Press, 1990.

6. *Maksimova S., Surtaeva O., Cherepanova M.* Migration policy as a factor in ensuring social security: expert opinion in cross-border regions of Russia // Proceedings of the international conference on sustainable development of cross-border regions: economic, social and security challenges (ICSDCBR 2019). 2019. Т. 364. Р. 737.

ПРОЦЕССЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Урманбетова Ж. К. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: Проблемы идентичности в ракурсе современного бытия выступают на передний план государственного строительства и вызовов истории. Культурная составляющая обнаруживает себя во всех видах идентичности. К концу XX столетия на повестку дня вышел вопрос «кто?» с акцентом на контекстность понимания. Регион Центральной Азии до настоящего времени не воспользовался историческим шансом актуализации своей идентичности. Ответ цивилизаций связан с проблемой сохранения культурной идентичности. В этом смысле регион Центральной Азии проецирует проблемы человеческой судьбы в соответствии со своеобразием истории и культуры определенного географического пространства.

Что надо иметь в виду, когда речь идет о региональной идентичности Центральной Азии? Во-первых, способность сформировать единство внутри региона проявит уровень культуры и понимания каждого государства. Несмотря на общность исторических истоков, территориальной близости, общей социальной памяти и культурных ценностей, есть масса отличий, которые специфицируют побочные факторы региональной идентичности. Во-вторых, региональная идентичность Центральной Азии не может быть сформирована извне. Внешний взгляд на единство и территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется внутри региона. В-третьих, в настоящем евразийский контекст в определении идентичности актуализируется с новой силой и в новом понимании.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, регион Центральной Азии, исторические истоки, ценности, евразийский контекст.

IDENTIFICATION PROCESSES IN THE CENTRAL ASIAN REGION

Urmanbetova Zh. K. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: Identity problems from the perspective of modern life come to the forefront of state building and challenges of history. The cultural component reveals itself in all types of identity.

By the end of the twentieth century, the question «who?» with an emphasis on contextual understanding.

Until now, the Central Asian region has not taken advantage of the historical chance to actualize its identity. The answer of civilizations is connected with the problem of preserving cultural identity. In this sense, the Central Asian region projects the problems of human destiny in accordance with the originality of the history and culture of a particular geographic space. What should be borne in mind when it comes to the regional identity of Central Asia? Firstly, the ability to form unity within the region will show the level of culture and understanding of each state. Despite the commonality of historical origins, territorial proximity, common social memory and cultural values, there are many differences that specify the side factors of regional identity. Secondly, the regional identity of Central Asia cannot be formed from outside. The external view of the unity and territorial boundaries of the region does not always coincide with the internal position that is formed within the region. Thirdly, in the present, the Eurasian context in the definition of identity is actualized with renewed vigor and in a new understanding.

Keywords: *ethnocultural identity, Central Asia region, historical origins, values, Eurasian context.*

Введение

Волна пандемии с необходимостью усилила интерес к обозначению тенденций развития мирового сообщества. Провозглашение глобализации объективной тенденцией бытия, исчисляющейся несколькими десятками лет, породило ответную реакцию в виде усиления процессов идентификации, в совокупности определяющих эпоху постглобализации. Пандемия, охватившая все человечество, вывела на арену политического бытия понятие деглобализации, по существу совпадающее с феноменом постглобализации, тем самым выдвинув процессы сложной идентификации на передовую как социального, так и политического, культурного, национального бытия. Именно поэтому закрутились споры относительно существующей наполненности феномена идентичности в проекции «я» и «мы».

Контекст идентичности

XX век был ознаменован многочисленными катаклизмами, войнами и разрушениями. Вместе с этим именно в XX веке появилось громкое заявление о вступлении человечества в новую фазу исторического развития, именуемую глобализацией. Тем

самым по-новому встал вопрос о глобальном единстве мира, начиная от приоритета рыночной системы хозяйства, победного шествия либеральной демократии и до универсальных ценностей, детерминирующих формирование глобальной культуры, а, значит, единых стандартов мышления и норм бытия. Вместе с тем основой представления глобализации объективной тенденцией развития бытия стала идеологическая раскрутка философии космополитизма. При этом национальное государство в контексте глобализации должно было уступить место транснациональным корпорациям. Однако по истечении не более чем тридцати лет глобализация перешла в новую фазу своего развития, именуемую постглобализацией. И вновь понятие национального государства стало актуальной единицей мирового сообщества, перед которым возникли новые риски и угрозы.

Основным контекстом постглобализации выступили процессы идентификации, в особенной степени реализующиеся в национальных государствах. В методологическом отношении возникло разночтение трактовки идентичности в преломлении к индивидуальному «я» человека и коллективному «мы» в контексте нации и государства. Такое разночтение проявило себя и в рамках радетелей глобализации – Соединенных Штатов. Ф. Фукуяма в своей «Идентичности» настаивает на том, что «идентичность вырастает из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я»» [1]. При этом он утверждает, что «люди – существа, сознательно стремящиеся к максимальной выгоде, основанной на индивидуальных предпочтениях» [2]. Тем самым Фукуяма придерживается классического определения идентичности как атрибута личности. Вместе с тем, по его мнению, чувство идентичности перетекло в политику идентичности, когда «национальная идентичность имеет большее значение для качества управления» [3].

С. Хантингтон же в своей работе «Кто мы?» делает ставку на проявление коллективной идентичности, именно поэтому вопрос: «Кто мы?» ставится в отношении самого государства. При этом акцент ставится на гражданство, поскольку «гражданство связывает идентичность конкретного человека с идентичностью нации» [4]. В этом отношении книга Хантингтона стратегична в хорошем смысле этого слова, верно определяя вызовы, риски и угрозы для американской идентичности. Сама постановка вопроса

направлена на вопрошание сути национального государства. Это означает, что мыслитель признает, что историческое время национального государства не исчерпано, напротив, оно претерпевает момент исключительной востребованности.

Смешанное представление о существовании идентичности можно найти в трудах российских исследователей. К примеру, В. Малахов подчеркивает тот факт, что идентичность индивидуальна, но вместе с тем она есть продукт социального взаимодействия: «членом этнической группы – и тем самым носителем определенной этнической идентичности – индивидов делает не происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии. Идентичность есть не свойство, а отношение. Отсюда следует ее открытость и подвижность» [5].

Тем самым акцент в преподнесении контекста идентичности очень важен, поскольку детерминирует значимость индивидуального или коллективного. При этом также важно понимать, что в современности приоритет либерального или индивидуального означает крен в сторону космополитизма; выдвигание же на передний план коллективного в контексте нации проецирует предпочтительность национального государства в мировом политическом бытии.

Региональная идентичность Центральной Азии

Регион символизирует собой то самое звено в мировом развитии, которое сглаживает противостояние двух тенденций бытия в виде глобализации и процессов национально-культурной идентификации и тем самым как бы сглаживает острые углы вызовов истории. Причем так было всегда, поскольку то или иное региональное объединение, с одной стороны, включалось в общемировую процесс развития, а с другой – обозначало определенную специфику конкретного геополитического пространства. В этом отношении регионы играли своего рода роль триггеров, которые могли застолбить существенные и долговременные бытие сохраненными интересами конкретного сообщества. И в этом их значительная роль.

Если обратиться к истории существования человечества, то еще истари такие объединения имели место быть, и особую роль играла Европа как старый свет, обусловивший начало западного образа жизни и ценностей. Именно поэтому философы уделяли значительное внимание обоснованию особенной целостности

Европы в духовном смысле. К примеру, если обратиться к Э. Гуссерлю, то он утверждал, что старому свету присуще особое родство духа, когда под духовным обликом Европы понимается «явленность философской идеи, которая имманентна истории духовной Европы» [6]. Многие значительные философские умы Европы так или иначе формировали ценностную значимость этого региона, обосновывая прямую зависимость развития мира от развития Европы. И, если взглянуть на политическую историю человечества, то Европа всегда играла ключевую роль в определении тенденций развития мира. При этом надо отметить, что и в новейшей истории именно Европа первой сформировала свое обновленное объединение – Евросоюз. Вместе с этим необходимо признать, что в настоящем Евросоюз переживает глубокий кризис, и тому есть причины, но данная статья не об этом регионе конкретно.

Помимо Европы в мире раскрывают свое существо и другие региональные объединения, стремящиеся обозначить свое единство и выказывающие экономические и политические интересы. В некоторых случаях такие претензии бывают успешными, в других – не совсем. Однако сам принцип обозначения такого существования и в определенной степени борьбы на мировой арене позволяет говорить о важности и значимости самого понятия «регион» в диалектике мира и государства.

Регион Центральной Азии до настоящего времени не воспользовался историческим шансом актуализации своей идентичности. Ответ цивилизаций связан с проблемой сохранения культурной идентичности. В этом смысле регион Центральной Азии проецирует проблемы человеческой судьбы в соответствии со своеобразием истории и культуры определенного географического пространства.

Что надо иметь в виду, когда речь идет о региональной идентичности Центральной Азии?

Во-первых, способность сформировать единство внутри региона проявит уровень культуры и понимания каждого государства. Несмотря на общность исторических истоков, территориальной близости, общей социальной памяти и культурных ценностей, есть масса отличий, которые специфицируют побочные факторы региональной идентичности.

Во-вторых, региональная идентичность Центральной Азии не может быть сформирована извне. Внешний взгляд на единство и

территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется внутри региона.

В-третьих, в настоящем евразийский контекст в определении идентичности актуализируется с новой силой и в новом понимании.

Единство исторических истоков обосновывается тем, что Центр Азии в свое время явился родиной кочевой цивилизации, которая, впервые обусловив диалог Востока и Запада, тем самым отдав силу своего влияния этим феноменам, сама ушла в тень истории. Мировая история, возникшая в эпоху осевого времени, испытала на себе влияние кочевников в качестве первотолчка для понимания и познания друг друга. Этим самым кочевники внесли судьбоносный вклад в развитие человеческой цивилизации. Второй раз всплеск кочевого архетипа произошел вследствие разрушения одной из мировых империй – Советского Союза. Этот всплеск с течением времени дополнился феноменом цифрового кочевья как порождения глобальных тенденций развития, т.е. модернизированной формы кочевья на основе технологического прогресса. Тем самым, когда возник глубочайший кризис западного рационализма, кочевье выступило тем ответом на вызов исторического времени, который проецирует один из путей, чтобы выжить и не потерять гармонию с этим миром. Цифровое кочевье – детище Запада, но исконно исторически, ментально кочевье раскрыло себя в лоне Центральной Азии. Это означает, что в этом регионе заложены ментальные ключи иного взгляда на мир, все более востребованного в катаклизмах техногенной цивилизации. Существующая возможность обозначения центральноазиатского региона в современном мире при удачном стечении обстоятельств может стать основой экстраполяции этого иного взгляда на мир. В этом заключается особенность интуитивного восприятия реальности, способного актуализировать столь важные в современности принципы существования.

У государств Центральной Азии есть культурно-историческое наследие, которое ментально перекликается друг с другом. По этим основным точкам соприкосновения можно составить так называемую связность жизни. Неслучайно В.Дильтей утверждал, что связность жизни свою первую интерпретацию получает как переживание времени [7]. Это означает, что определенные триггеры регионального развития Центральной Азии должны будут выражаться в целой системе взаимодействия региона, начиная с экономического и заканчивая духовным развитием.

Конструктивное переживание нынешней ситуации, отягощенной самыми отрицательными прогнозами, напротив может породить что-то востребованное и достойное.

Все это говорит о том, что подоплека единства региона в философско-теоретическом, культурно-цивилизационном смысле есть, необходимо только ее развить. Ну и, самое главное, – это понимание этого мощного наследия со стороны руководства республик; осознание необходимости регионального объединения в существующей политической и в целом исторической ситуации; обоснование значимости такого шага и определение основных стратегических направлений.

Принципиальным отличием государств центральноазиатского региона в настоящий момент является своеобразие политического контекста развития, в связи с чем актуализируется политическая воля руководителей для осознанного формирования региональной идентичности. Все существовавшие попытки определения идентичности Центральной Азии, осуществлявшиеся внешними игроками, показывают, что это практически безуспешно. Это происходит потому, что инициации извне несут с собой другой, внешний взгляд на то, что должно сформироваться изнутри. Внешний взгляд на единство и территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется из реальной жизни, изнутри региона. Отличие образа мышления как следствие проецирует различные механизмы формирования единства региона.

Четверть века после обретения суверенитета – приличный срок, период, реализовавший основную идею своего развития – независимость. Одновременно, это срок, когда получены определенные выводы от первых лет вожденной, но достаточно сложной независимости, которые могут послужить толчком в отсчете нового этапа, по логике вещей более осознанного в действиях и осмысленного в необходимости не просто провоцирования идеи региональной идентичности, но и ее реализации.

В этой связи муссируемый временами феномен обновленного евразийства может оказаться плодотворным. Неслучайно Зб. Бжежинский в своей знаменитой «Великой шахматной доске» привел мысль Х. Маккиндера о том, что «тот, кто правит Сердцем Земли, владеет Мировым островом (Евразией); тот, кто правит Мировым островом, владеет миром» [8]. Все это подтверждает, что Евразия представляет собой особенный интерес для всех политических сил, стремящихся играть важную роль в мировой

политике. Интересы многих политических сил пересекаются в Евразии, вместе с тем сама она представляет собой сплав народов, культур, государств и сообществ. Почему евразийский выбор – это веяние времени для Центральной Азии? Евразия – это тот географический ареал, который был озаглавлен историческими движениями кочевников. Именно благодаря кочевникам Центральной Азии стал возможен диалог между Востоком и Западом, соответственно в превращении истории во всемирный процесс развития большая роль отводится кочевникам, вовлекшим в общий круговорот истории все страны, культуры и цивилизации. Кочевники Евразии некогда определяли движение на всем пространстве этого огромного континента. В истории человечества так складывается, что кочевники играют особую роль в переломные моменты, давая толчок к развитию. Центральная Азия, шире – Евразия, является нашей обителью, именно поэтому все, что связано с Евразией, не может быть нам безразлично, это наша судьба. Поэтому развитие Евразии одновременно означает и наше развитие. Жизнь в добрососедстве с другими народами и государствами Евразии – это возможность для государств Центральной Азии быть и продолжать свой путь суверенного развития. Ответ на вызов истории в контексте глобализации сложнее дать отдельному государству и системе культуры, нежели региональной общности.

Множественная идентичность в контексте Кыргызстана как одного из государств региона

В контексте региональной идентичности Центральной Азии не меньший интерес вызывают процессы идентификации, проходящие в каждом отдельном государстве. В этой связи интерес вызывает наша республика, точнее – народ, ее населяющий. Какой ответ на актуальный вопрос современности предполагаем дать мы? Коллективное проявление идентичности в проекции государства или народа, или все же приоритет индивидуальной идентичности в разрезе: «Я» и остальной мир? При этом надо отметить, что определение идентичности и есть проявление самосознания в контексте конкретного человека или народа, нации в целом. В этом случае раньше употреблялось понятие национального самосознания.

С вхождением в период суверенитета изначально вопрос «мы» стал наиболее определяющим суть и народа, и государства, и только с течением времени, с проникновением универсальных

ценностей, понятие индивидуального «я» стало ассоциироваться с уровнем свободы. Говорить о свободе можно бесконечно, также бесконечно можно спорить о том, что важнее – «я» как проявление личностного волеизъявления или «мы» в контексте государства. Однако не надо забывать, что на мировой арене мы представлены Кыргызстаном – независимым государством, соответственно, сколько бы мы ни говорили об индивидуальной свободе, во всех договорах, пактах, встречах на высшем уровне, международных организациях основополагающей геополитической единицей выступает Кыргызстан. Соответственно, есть необходимость задуматься о том, кто мы – народ Кыргызстана?!

В этой связи необходимо отметить, что именно с вхождением в эпоху независимости процессы идентификации стали углубляться, расслаивая общество на различные сообщества и слои, тем самым создавая некоторую угрозу для определения целостности народа и государства, его представляющего. В контексте этих вызовов вполне закономерен вопрос – какова эта наша расслаивающаяся или множественная идентичность?!

В период девяностых, когда Союз разрушился, и мы вверглись в пучину суверенизации, хаос объял не только наши экономику, политику и социальную действительность с ее протестами и бунтами, но, что немаловажно, а может быть и более важно, поскольку это определяет наше существо, хаос охватил процессы социального расслоения, доходящие до психологически депрессивного определения самих себя. Какие проявления идентификации у нас выходят на первый план в попытке создания единого образа народа?

В первую очередь, это всплеск архетипа – кочевого самосознания. Мы, в некоторой своей массе, стали ассоциировать себя с кочевниками, вернее, потомками кочевников, сохранивших элементы кочевой культуры мышления, что недалеко от истины. Если раньше эта сторона нашей истории была подернута дымкой некоторой неизвестности, недостаточной изученности, то с обретением суверенитета, напротив, вышла на передний план и обусловила такой критерий идентификации. Этому сопутствовали теоретические исследования относительно инвариантности культуры мышления кочевников. В настоящем можно утверждать, что это стало толчком в обновленном самоопределении себя как народа, как нации. В этой связи уместно вспомнить слова К. Г. Юнга о значимости архетипов: «...нет возможности объявить архетипы несуществующими, поскольку каждая заново

завоеванная ступень культурного усложнения сознания оказывается перед задачей: отыскать новое и отвечающее своему уровню истолкование архетипов, чтобы связать все еще присутствующую в нас жизнь прошедшего с современной жизнью, которая угрожает оторваться от первой» [9]. Юнгу вторит К. Ясперс, говоря о том, что именно в кризисные периоды народ обращается к своим историко-культурным истокам для получения мотивации в движении вперед. Это происходит, поскольку возникает «ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если ей не будет дано удовлетворение, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека» [10]. Естественно, были и перекосы как ответная реакция на идеологический прессинг предшествующего этапа развития.

Во-вторых, это процессы вестернизации в попытках провести в республике модернизацию: увлеченность либеральной демократией Запада была сопряжена с восприятием стандартов мышления и норм поведения продвинутого западного общества. Неслучайно западные теоретики начали прогнозировать развитие центрально-азиатских государств. К примеру Зб. Бжежинский считает, что «распад Советского Союза породил поразительный исторический обратный ход вещей; вследствие различного этнического состава они (страны Центральной Азии) уязвимы для внешних и внутренних конфликтов, что делает их привлекательными для вмешательства со стороны» [11], когда влияние России сменилось стратегическим влиянием Запада. Одновременно с этим Бжежинский предложил теорию переходного периода для стран Центральной Азии, согласно которой переход в состояние демократических государств займет 15–20 лет, учитывая, что «в Центральной Азии, недавно получившие независимость государства – экспортеры энергоресурсов – все еще пребывают на ранних стадиях политической консолидации. Системы управления в этих странах остаются слабыми, политические процессы отмечены печатью деспотического произвола, государственность отличается непрочностью» [12]. Универсальные ценности, преподносимые как необходимое сопровождение демократизации, внесли свои коррективы в усложнение идентификационных процессов в республике. Это выразилось в увлечении выяснением идентичности личности, с

течением времени «обогатившейся» различными трансформациями собственного «я» в виде определения ориентации и много другого.

В-третьих, это всплеск религиозной идентичности, начиная от абсолютизации канонов ислама до приверженности некоторым конфессиям, в том числе агрессивного толка. Это не преминуло сказаться на образе нашего народа, в особенности наиболее подверженной влиянию молодой ее части, ассоциирующих себя приверженцами более жесткого ислама. И если раньше мы «поголовно» были атеистами, то с вхождением в новейший период истории идентификация по религиозному критерию обнаружила движение от хаоса к более иерархичному проявлению религиозной убежденности, временами доходящей до абсолютизированного варианта.

Наряду со всеми тремя, наиболее ярко выраженными процессами множественной идентификации, свое место нашли и продолжают находить следующие параметры самосознания. Итак, в-четвертых, это, несомненно, ностальгия по Союзу как реакция на хаос, рост безработицы и безграмотности, дошедшей до верхних ступеней властной структуры, дискретности общества. Тем самым усиление процессов консолидации на почве идеологического единства за неимением, вернее неспособностью, сформулировать стратегическую систему действий в проекции сегодняшнего дня. В этой связи все больше людей приветствуют возрождение так называемого нового союза. Поэтому феномен «советского человека» в восприятии достаточно большой части населения также претерпел удивительные преобразования – от ненависти через терпимое отношение к определенной идеализации.

В-пятых, начали оформлять своеобразную идентичность, особенно в разрезе молодежи и тинейджеров, ориенталистские наклонности. Это нашло реализацию в тюркизации, кореизации, китаизации не только в своем внешнем проявлении, но именно ментальном. А, как известно, ментальные основания – базовые для формирования и определения идентичности, тем более слой молодежи и тинейджеров представляет основу для выстраивания идентичности в проекции на будущее. При этом различные варианты увлечения восточным направлением в самоопределении постепенно и постоянно увеличиваются. Это означает, что дискретность общественного сознания все более углубляется.

В-шестых, это рост гендерных критериев идентификации личности, не зря же мы на протяжении четверти века впитывали

космополитические умонастроения и универалистские тенденции глобального мышления. Причем надо отметить несколько противоположную со-направленность в рамках одного пласта: гендерное в смысле феминизации общества в его западном прообразе; и сугубо кыргызский контекст гендерного развития в смысле формирования и разрастания в одно время нарядов ОБОН (отряд баб особого назначения – новоявленный сленг), способных использовать воинственные начала героического характера кыргызского народа, правда в несколько другом ракурсе. Свободолюбие кыргызского народа, в том числе и женщин, и феминистские умонастроения в обществе – по сути совершенно разные интерпретации отношения к женщине, однако в нашей реальной ситуации все смешалось. Что из этого выйдет, сказать сложно, поскольку все очень непредсказуемо.

Но и на этом не исчерпывается множественная идентичность народа Кыргызстана. Что есть еще? Еще очень много разного.

В-седьмых, это появление нового формата кыргызского, по своей идентичности лишь внешне напоминающего настоящих кыргызов, по существу же внутреннее наполнение зависит от страны временного проживания. Благо процессы миграции отозвались в Кыргызстане всей душой, как на внутреннем, так и внешнем направлении. По некоторым статистическим данным около миллиона кыргызов проживает в России, естественно, как все мигранты, они впитывают все проявления окружающего их пространства во всех его вариациях – национальном, психологическом, гражданственном, государственном. В настоящем кыргызы-мигранты проявляют противоречивую идентичность, осложняющуюся многими факторами. В данном случае этническая принадлежность ни в коем случае не выступает доминантой в определении своего «я», тем самым внутри этнокультурной самоидентификации происходит некоторое расслоение.

В-восьмых, по мнению некоторых членов экспертного сообщества, особый пласт кыргызского общества составляют «тенирчилер» (проповедники этнической религии тюрко-монгольских кочевников евразийских степей и Центральной Азии, где Тенгри – это обожествленное небо), которые не совсем вписываются в общую картину рекультивации кочевого менталитета. Это находит свое проявление в различии политических, социальных, культурных взглядов. При этом надо отметить, что существо этого слоя в своей приверженности

ценностям Тенгри и их воспроизведением в обществе варьируется от лояльных до абсолютистских.

В-девятых, с момента получения независимости начал формироваться отдельный слой населения, осуществляющий свою деятельность в разрезе неправительственных организаций. При этом такого рода деятельность с течением времени сказывается не только на гражданской позиции, но и культуре мышления, что способствует образованию еще более углубленной идентификации личности.

В-десятых, наибольшую сложность проявляет гражданский аспект идентичности, наиболее востребованный в контексте консолидации народа и представлении кыргызстанской идентичности. Можно ли говорить о существовании общекрыргызской (в смысле кыргызстанской) идентичности?! Не так давно в республике разрабатывали концепцию «Кыргыз жараны», однако она так и повисла в воздухе, как и многие другие инициации. Одним из негативных проявлений нашей суверенной истории выступает отсутствие преемственности в начинаниях и действиях исполнительной власти.

И все же какова она, наша национальная идентичность в контексте независимого государства Кыргызстан? Однозначного определения нет, и пока быть не может. Кризис национальной идентичности налицо, однако без ее формирования не приходится говорить о действительно суверенном государстве, поэтому и любой мало-мальский кризис в любой сфере нашего общества будет переживаться как практически глобальный. Чем больше критериальных делений в определении своей идентичности, тем более сложно определять стратегии консолидации народа и интеграции общества.

Заключение

В случае с государствами Центральной Азии налицо явные вызовы, угрозы и риски. Одним из веяний времени выступают новые начинания со стороны внешних игроков, каждый из которых стремится, в первую очередь, упрочить позиции через призму своих национальных интересов. Но вызовы исторического времени вынуждают их работать еще более стратегически, с прицелом на формирование обновленных супер-игроков мирового сообщества. Это означает, что способность государств Центральной Азии застолбить в новом формате региональное объединение пойдет на пользу каждому отдельному государству

региона. И, несмотря на различия в образах государственности, а также экономического, политического, социального и культурного пространства, неспособность воспользоваться предоставленной временем возможностью нанесет урон каждому из членов региона. Именно в контексте региона будет более плодотворным определять приоритет внешнеполитических кластеров.

В настоящем видится тенденция выработки идеологии каждого из государств региона, базирующейся на историческом наследии. В определении стратегии развития региона имеет смысл соотнести основные точки соприкосновения, основополагающие ценностные триггеры, которые и станут базой для координированной работы региональных структур.

Литература

1. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Гл.1. Политика достоинства. М., 2019. С. 6.
2. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Гл.2. Третья часть души. М., 2019. С. 7.
3. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Гл.12. Мы, народ. М., 2019. С. 35.
4. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности. – М.: Транзиткнига, 2004. С. 338.
5. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Идентичность: поиск, производство и воспроизводство. Б., 2005. С. 12.
6. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 300.
7. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–140.
8. Бжежинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1997. С. 71.
9. Юнг К. Г. К пониманию архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 123.
10. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Мир философии. Ч. II. М., 1991. С. 578.
11. Бжежинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1997. С. 74.
12. Бжежинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 22.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ БИБЛЕЙСКОГО НАРОДА ФИЛИСТИМЛЯН – ПЕЛАСГОВ

Харитонов А. М. (Владивосток, Россия)

Аннотация: Библейский народ филистимлян давно сопоставляется учеными с загадочным народом пеласгов. Известно об этом народе немного, но мы попытаемся расширить эти знания, привлекая сохранившиеся слова современных языков, которые, возможно, вышли еще из библейской древности. Нарисованная нами картина быта данного народа вряд ли сильно отличается от действительной, что делает наши методы вполне приемлемыми для проведения подобных этнографических исследований. А вот библейские комментарии в современных изданиях столетней давности давно устарели и явно нуждаются не только в доработке, но чаще в полной переработке. Не исключено, что необходимо тщательней продумать хронологию исторических событий, которая в ряде случаев не совпадает с библейской.

Ключевые слова: филистимляне, пеласги, Библия, феллах, фелука.

TO THE ORIGIN OF THE BIBLICAL PEOPLE OF THE PELASGIANS-PHILISTINES

Kharitonov A. M. (Vladivostok, Russia)

Abstract: The biblical people of the Philistines have long been compared by scientists with the mysterious people of the Pelasgians. Little is known about this people, but we will try to expand this knowledge by drawing on the preserved words of modern languages that may have come from biblical antiquity. The picture we have drawn of the life of this people is hardly very different from the actual one, which makes our methods quite acceptable for conducting such ethnographic research. But the Biblical commentaries in modern publications of a century ago have long been outdated and clearly need not only to be improved, but more often to be completely reworked. It is possible that it is necessary to carefully consider the chronology of historical events, which in some cases does not coincide with the biblical one.

Keywords: Philistines, Pelasgians, Bible, fellah, feluka.

Библейские предания, к сожалению, записаны в лучшем случае лишь через 400–500 лет после описываемых в них событий. Англо-американские и израильские историки стоят на позициях доверия к основным известиям библейской традиции. Впрочем, крайностей в вопросах толкования Библии немало не только в среде богословов [3, с. 269]. Отечественные историки весьма сдержанно относятся к содержанию Библии, признавая ее именно как предание. Однако, если предание подкреплено иными источниками, прежде всего археологическими данными, то оно вполне признается за историческую основу.

В этой связи хорошо известно, что филистимляне, чьим именем и названа современная Палестина, появились в Ханаане как покоренные египтянами захватчики, получившие разрешение на организацию своих поселений на египетской земле. Именно по этой причине считается, что они никак не могли долго и упорно воевать с древними евреями – **коренными обитателями этой земли**. В «Библейской энциклопедии» [1, с. 287] даже высказано предположение о том, что, возможно, переписчик назвал филистимлянами другой, исчезнувший к его времени, народ.

О самих же филистимлянах известно совсем немного: наиболее частым является их отождествление с греческими пеласгами. Пророк Амос утверждал, что филистимляне явились с Кафтора (с ним обычно отождествляют остров Крит): Амос: 9:17, Втор. 2:23. Их керамика близка керамике греческих Микен на территории современной Греции и датируется примерно 1200–1100 гг. до н. э. Натиск филистимлян стимулировал развитие царской власти у евреев: 1 Цар. 8:19–20. Ветхий Завет дает богам филистимлян семитские имена. Их национальным ремеслом было, судя по всему, железное дело.

Язык их был, возможно, близок древнееврейскому. Во всяком случае, израильяне объяснялись с ними без переводчиков, тогда как для разговора с египтянами толмачи, наоборот, требовались. Называли филистимлян и необрезанными, тогда как египтяне обрезались. Возможно, они дали имя городу Пелузию и Пелузийскому рукаву реки Нила в Египте. По Бытие 10:14 филистимляне и вовсе вышли из Каслухима в Египте [6, с. 466]. Согласно Библии у филистимлян уже при Аврааме были цари и города (Бытие 20:2, 21:32). Через их земли не повел евреев Моисей (Исход 13:17). При Сауле они до того разорили евреев, что те ходили к ним даже точить топоры. Впрочем, так думают

некоторые оседлые комментаторы, забывая, что в условиях постоянных перекочевков заниматься кузнечным ремеслом не самая лучшая забава.

Следует отметить, что не следует смешивать язык филистимлян-пеласгов и пеласгский язык у В. И. Георгиева. Хотя он сам определял пеласгский как язык средний между армянским и албанским, но всегда подчеркивал, что название пеласгский – условное [2, с. 91].

Вероятно, впрочем, что имя пеласгов сохранили современные феллахи – арабские крестьяне-земледельцы, тогда как исконные арабы и евреи были кочевниками. К тому же хорошо известно, что современное самоназвание «арабы» перенято этим народом у своих соседей и не является исконным. Скорее всего этот Араб – сын Гермеса и Фронии (ср. фараон) сходен с мифическим угаритским Хириби (Харгабби).

Сами *феллахи* в настоящее время – арабоязычные оседлые земледельцы, еще недавно жившие в домах из обожженной глины или тростника. Предводитель племени у современных арабов зовется к тому же *филарх*. К этому же типу слов можно отнести арабскую *фелюгу* (*фелука*) – беспалубное судно, небольшой парусник на Средиземном, Черном или Каспийском море. Упомянув подземные галереи типа кяризов, называемых *феледж*, мы тоже возможно возвращаемся к тому же ряду пеласгов. Отнесем, пожалуй, с некоторой натяжкой сюда же и плуг. Даже современное слово «*палас*», ведущее начало от персидского «*пелас*» и обозначающее безворсовый ковер, может быть включено в эту же категорию.

Можно попытаться расширить наши познания, применяя несколько неожиданный метод. Так, учитывая, что каждый народ называл соседей, приравливая их племенное имя к роду занятий, похоже звучащему на родном для данного народа языке, можно составить и занятный портрет исчезнувших пеласгов.

Нечто подобное можно найти даже в наше время. Так, болгарка, канадка, венгерка не только представительницы прекрасного пола в русском языке, также как и чешки и даже румынки (последние – устаревшие названия разновидности обуви). Да и многие изобретения носят сегодня имена изобретателей (дизель, макинтош и др.). Почему бы этому не быть и в глубокой древности?

Получается, что жили пеласги на морских побережьях или вблизи них, плавали на небольших кораблях, занимаясь рыбной

ловлей, ткачеством, торговлей и пиратством. Жили они преимущественно в *палатках*, которые и сейчас мастерски делают современные ближневосточные арабы, либо в дворцовых *палатах* (латинское *palatium* означает «дворец», ср. также палаццо) городов-*полисов* (ср. Троя-*Вилуса*). Главным занятием их на берегу, видимо, стоит считать земледелие, возможно, орошаемое. Разумным выглядит в этих условиях приравнять к пеласгам и *феаков* Гомера, тем более что в греческом придыхание часто опускалось. Выходили в бой пеласги, вероятно, *фалангой*. Здесь следует учесть, что в греческом сочетании «гг» может перейти в произношении в «нг».

Возможно, что-то здесь выглядит натяжкой и «сиреной созвучия», но картина быта исчезнувшего народа получается довольно прозрачная. Филологам, возможно, следует внимательнее приглядеться к данным «сиренам созвучия».

Впрочем, родиной филистимлян современные ученые признают, не особенно доверяя Библии, скорее Балканы, как и всех других «народов моря». Так, в Эпире была гавань называемая Палайстэ или Палайстине. Нижнее течение реки Стримон тоже именовалось в древности Палайстинос. Крит же обычно признается только перевалочным пунктом в движении «народов моря» с запада на восток. По Аппиану пеласги жили на северо-востоке Сицилии и последние из них были уничтожены при Юлии Цезаре [4, с. 117].

Упоминания о пеласгах часты в греческой истории, но почти не содержат каких-либо значащих сведений, за которые можно было бы уцепиться, чтобы распутать достаточно запутанный клубок связанных с ними проблем. Впрочем, сами эллины были тогда еще достаточно «зелеными», чтобы что-то помнить [см. 9], хотя пеласги у них были союзниками легендарных троянцев.

В «Одиссее» (XIX, 177–178) о пеласгах сказано лишь следующее:

«... племя пеласгов,
в городе Кноссе живущих».

В «Илиаде» (II, 840–843):

Гиппофой предводил племена копьеборных пеласгов,
тех, что в Лариссе бугристой, по тучным полям обитали;
Гиппофой предводил их и Пилей, Ареева отрасль,
Оба сыны пеласгийского Лефа, Тевталова сына».

Скупы значимые сведения о пеласагах у Геродота. Они всего лишь были ассимилированы афинянами, наряду с другими народами (лелегами и кавконами). До сих пор, кстати, один из районов современных Афин носит их имя. Впрочем, как и название второго из холмов Рима – Палатин. Многие сведения и просто противоречивы, что отмечает, например, «Словарь античности» [7]. Страбон предлагает поместить их рядом с киликийцами (XIII, III, 2). Здесь же в Киликии греческие авторы часто размещают место спора мифических Мопса и Калханта. Соответствующая надпись начала I тыс. до н. э. о наличии здесь позднее потомков дома Мопса (Муксас по-лувийски, Мопша по-финикийски) открыта историками уже сравнительно давно [2, с. 190]. Павсаний же считает Пеласга культурным героем (VIII, I, 2).

Любопытно еще одно обстоятельство: в библейских родословиях среди предков Авраама упомянут ... Пеласг. Именно так мы трактуем непонятого Пелега! Даже в послекоранической традиции Аарон (Харун) именуется Абул-Фарадж – «отец утешения» [5, с. 585], т. е. возможно, феллах – пеласг!

В математике есть прием доказательства, называемого «от противного». Этим методом вначале принимается некое предположение, которое пытаются опровергнуть всеми доступными научными методами. Если это не удастся, то положение считается доказанным. Вот и давайте встанем на позиции доверия к сведениям Библии. Где бы могли пересечься пути древних евреев и филистимлян? Можно смело утверждать, что древние евреи не были дальше Северной Месопотамии и Северной Сирии и никогда не обитали в Европе, где ищут родину пеласгов. Но, может быть, пеласги обитали в Азии? Тогда где?

Ближние филистимлянам племена среди «народов моря», например, лукка (ликийцы) жили на побережье Малой Азии. Это уже значительно ближе к месту жительства евреев, но все же еще далеко. Но ведь и лукка могли появиться на своей родине откуда-то еще. Достаточно при этом вспомнить Фукидида (I, 2, 1–2), который утверждал, что в древности греческие племена легко покидали места прежнего обитания и переселялись на новые.

Границы же Египта, часто упоминаемого в Библии, также проходили порой по южным, а то и северным районам современной Сирии. В конце существования Хеттского царства границы Египта и хеттов соприкасались между собой. Иногда буфером им служило сирийское же государство Амурру.

Египетское войско доходило до Евфрата и даже плавало по последнему во времена Тутмоса III.

Если Библия знает предков греков под именем Йаванов, Египет, хеттов, то, может быть, и следует искать их всех в одном месте, где-нибудь на севере Сирии, учитывая узкий кругозор древних? Ведь даже у И. Ш. Шифмана содержится предположение о контакте Эгеиды с Угаритом во II тыс. до н.э. В Угарите же по предположениям археологов жили минойцы и киприоты [11, с. 125–127]. Вернемся к лукка. Известно, что государство Нухашше на среднем Оронте имело семитское имя Лу'аш [3, с.247]. Может быть, это и есть искомые ликийцы? Да и известные во времена народа хеттов палайцы (индоевропейцы по языку!) очень похожи своим этнонимом на тех же пеласгов. Может быть, стоит обратить на это больше внимания. Не отсюда ли взялась путаница с близкими им хеттами в некоторых библейских текстах?

Во всяком случае, современный комментарий к текстам Библии до сих пор оставляет желать лучшего с точки зрения даже современной истории, что мы отмечали еще 15 лет назад [10]. С тех пор это положение мало изменилось. Более того, некоторые явные несоответствия текста Библии и современной исторической хронологии, связанные в т.ч. и с филистимлянами, позволяют сравнительно безнаказанно создавать альтернативные версии истории библейских времен [см. 8].

На наш взгляд это может быть связано с тем, что историки и археологи изучают историю Ближнего Востока в древности по отдельным кусочкам, а специалистов, способных свести эти отдельные части исторической мозаики вместе, явно не хватает. Ведь каждый из них обязан быть знатоком одного направления, а на изучение остальных у него просто не хватает времени жизни.

В тоже время попытки осмысления сложившегося положения со стороны сторонних наблюдателей историками порой игнорируются даже в том случае, когда к ним просто необходимо прислушиваться, пусть они и содержат порой явные ошибки. Только в этом случае будет возможен прогресс в изучении как всеобщей истории Древнего Востока, так и его религиозной истории.

Литература

1. Библейская энциклопедия. М.: Российское Библейское общество, 1996. 352 с.

2. *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Изд-во иностранной лит., 1958. 318 с.

3. История Древнего Востока. Ч. П. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. 623 с.

4. *Кондратов А. М.* Атлантиды моря Тетис. Л.: Гидрометеоиздат, 1986. 168 с.

5. Мифология / Гл. ред. Е. М. Мелетинский 4е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 736с.

6. *Ньюстрем Э.* Библейский словарь. Спб.: Библия для всех, 1998. 523 с.

7. Словарь античности. Пер. с нем. М.: Эллис Лак, Прогресс, 1993. 704 с.

8. *Харитонов А. М.* Библейская «манна небесная» с точки зрения географии и мифы «новой хронологии» // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 211–212.

9. *Харитонов А. М.* О некоторых религиозно-мифологических истоках происхождения выражений, связанных с зеленым цветом // Религия и общество – 11: сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 259–261.

10. *Харитонов А. М.* О необходимости современного комментария к текстам Ветхого Завета // Восток в исторических судьбах народов России. Материалы V Всероссийского съезда востоковедов. Кн. 2. Уфа: ООО Вилли Окслер, 2006. С. 210–212.

11. *Шифман И. Ш.* Угаритское общество (XIV–XIII вв. до н. э.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1982. 393 с.

ВАРИАНТЫ ГИДРОНИМА ЯНЦЗЫ НА РУССКИХ И КИТАЙСКИХ КАРТАХ

Чжан Юньфэй (Барнаул, Россия – Китай)

Аннотация: Река Янцзы – крупнейшая река Китая. Китайцы её называют Чанцзян. В данной статье с этимологической точки зрения объясняется разница в названиях реки Янцзы на китайском и русском языках. Исходя из различия названий реки Янцзы в России и Китая, с помощью гидронима картографии проанализируются различие в названии реки Янцзы на русском и китайском языках.

Ключевые слова: Янцзы, Чанцзян, Топоним, Этимология, гидроним, картография.

VERSIONS OF THE HYDRONYM YANGTZE ON RUSSIAN AND CHINESE MAPS

Zhang Yunfei (Barnaul, Russia – China)

Abstract: The Yangtze River is the largest river in China. The Chinese call it Changjiang. This article explains from an etymological point of view the difference in the names of the Yangtze River in Chinese and Russian. Based on the difference in the names of the Yangtze River in Russia and China, the difference in the name of the Yangtze River in Russian and Chinese is analyzed using the hydronym of cartography.

Keywords: Yangtze, Changjiang, Place name, Etymology, hydronym, cartography.

Чанцзян – самая длинная река в Китае и третья по длине в мире [1, с. 6360], привлекает внимание ученых со всего мира. Необходимо пояснить разницу между названием этой реки в русском и китайском языках.

«Чанцзян» означает «длинная река» на древнем китайском языке называлась «江» (русская транслитерация «Цзян» означает «Река») или «大江» (русская транслитерация «Дацзян», означает «Большая река»). Название «Цзян» впервые появилось в «Книге песен»⁷ (кит: «诗经») династии Чжоу, в книге стихотворная строка

⁷«Книга песен», один из древнейших памятников китайской литературы; содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н.э.; отбор и редакция произведений приписывается Конфуцию; входит в конфуцианское.

«江之永矣，不可方思», означает, что Цзян такая длинная, я не могу переплыть даже на плоту. В книге «Цзо чжуань»⁸ (кит. «左传») записывалась «江汉沮漳·楚之望也», что означает «стоя на берегу реки Цзян, мы можем увидеть Царство Чу». В этих древних ранних китайских документах они называли реку Чанцзян словом «Цзян». В книге «Записи о Трёх царствах»⁹ (кит: «三国志») записывалась «魏文帝出广陵，望大江», означает император Вэй Вэнь выехал в уезд Гуанлин, чтобы полюбоваться рекой Дацзян». Стихотворная строка в стихах поэта Су Ши¹⁰ династии Сун «大江东去», означает «на восток течет река Дацзян». Начиная с периода Троецарствия, люди использовали слово «Дацзян» исключительно для обозначения нынешней Чанцзян. Название «Чанцзян» началось во времена Шести династий (229–589 гг.) и было записано в «Вэй шу»¹¹ (кит: «魏书»). В нем есть фраза: «Когда император Вэнь сражался на юге, он увидел бурные волны на берегу реки и вздохнул: «Река Чанцзян отделяла землю от севера и юга» (кит: 文帝南征临江见波涛汹涌·叹曰: 长江天堑天之所以限南北也).

Здесь необходимо объяснить значение китайского иероглифа 江 («Цзян»). Первоначальное значение иероглифа относится исключительно к реке Чанцзян, а сейчас используется как общий термин для крупных рек [2].

В китайском языке «Янцзы» – это старое название нижнего течения реки Чанцзян от города Нанкина до устья Восточно-Китайского моря [3], протекает через провинцию Цзянсу и город Шанхай, река Янцзы названа в честь перевоза на берег реки в древние времена [4].

⁸ «Цзо чжуань», «Комментарии Цзо», комментарии к хронике «Чуньцю», написанные Цзо Цюмином; около IV в. до н. э.

⁹ Записи о Трёх царствах, официальные исторические хроники периода Троецарствия, автор Чэнь Шоу.

¹⁰ Су Ши, 1037–1101 гг., поэт, эссеист, художник, каллиграф и государственный деятель эпохи Сун; также известен как Су Дунпо.

¹¹ «Вэй шу», «История Вэй», историческая хроника династий Северная Вэй (386–535) и Восточная Вэй (534–550) в Китае. Входит в число 24 книг Династийных историй императорского Китая. Составлена в 551–554 гг. историком Вэй Шоу по приказу императора династии Вэнь Сюань-ди.

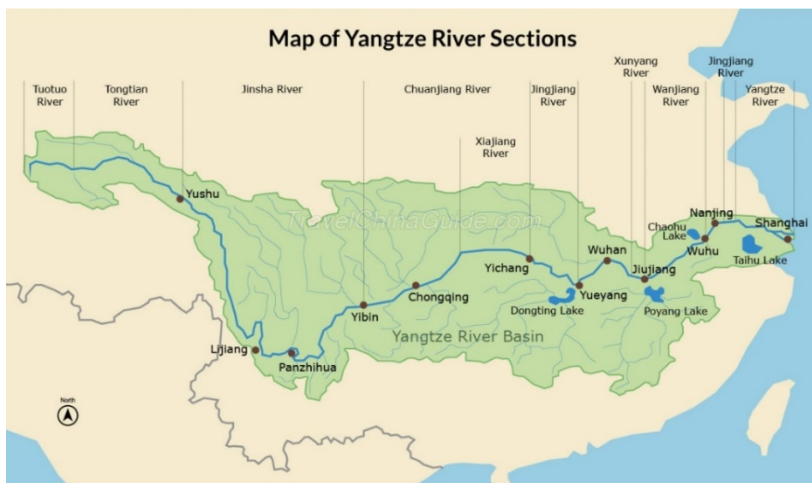

Рис. 1. Названия различных участков реки Янцзы на китайском языке

Река Чанцзян имеет несколько частей. В Википедии [5] они обозначены по-разному (рисунок 1):

- река Тотохэ (Улан-Морон) [1, с. 6525]. Основной исток Чанцзян называют Тотохэ, и он является началом реки Чанцзян. Общая протяженность участка реки 374 километра, и расположена она в горном городке Тангула в провинции Цинхай. Талая вода с нескольких ледников сливается во множество небольших ручьев. После слияния небольших ручьев образовался западный исток реки Чанцзян;
- участок от истока до Батанхэкоу называют Тунтяньхэ (Муруй-Ус, Джи-Чу) [1, с. 6526] – участок главного течения истока реки Чанцзян, общей протяженностью 815 километров. Расположен в Тибетском автономном округе Юйшу в провинции Цинхай;
- участок реки от Батанхэкоу до Ибиня называют Цзиньшацзян [1, с. 6361], общей протяженностью 2308 километров, находится в верховьях реки Чанцзян в Китае;
- начиная с Ибиня, где в реку впадает Миньцзян до Ичана, она называется Чуаньцзян [1, с. 6470], общей протяженностью 1030 километров. Среди них верховья города Чунцин называются рекой Шанчуань (Верхняя Чуаньцзян), а нижнее

течение города Чунцин – рекой Сячуань (Нижняя Чуаньцзян);

- от Ичана до Чэнлинджи в провинции Хунань общей протяженностью 340 километров, и называется Цзинцзян [1, с. 6362]. Река Цзинцзян делится на верхнюю и нижнюю Цзинцзян, как Чуаньцзян;
- длина реки Янцзы [1, с. 6396] составляет около 300 километров. Это старое название участка реки Чанцзян от города Нанкина до устья Восточно-Китайского моря.

Мы видим, что река Янцзы в китайском названии относится только к участку реки от города Нанкина в провинции Цзянсу до устья Восточно-Китайского моря.

Стоит отметить, что, когда китайские ученые встречаются название реки Янцзы в иностранной литературе, все они очень хорошо знают, что река Янцзы относится к реке Чанцзян в Китае, но в китайской литературе река Янцзы и река Чанцзян представляют собой два разных географических названия. Река Чанцзян относится к названию всей реки, а река Янцзы – только к части реки Чанцзян.

В переводе название Янцзы обозначает «длинная река». Официальное китайское название водоема – Чанцзян, но европейцы привыкли называть её именно Янцзы. Также имеются и другие названия: Янцзы Кианг, Янцы. Перевод «длинная река» является оригинальным переводом слова «Чанцзян», а слово «Янцзы» пришло из династий Суй и Тан, на юге от города Янчжоу был небольшой городок Янцзы [4]. На китайском языке слово «Янцзы» происходит от названия небольшого города Янцзы, название реки Янцзы относится только к низовьям реки и только к местному диалекту, используемому в этом районе. Часть «Ян» в названии происходит от города Янчжоу провинции Цзянсу, который был важным портом недалеко от устья, когда европейские исследователи заинтересовались Китаем. Разница между названиями «Янцзы» и «Чанцзян» в том, что Янцзы не является описанием всей реки. По сути, ранние европейские исследователи ошибочно использовали название, данное реке на местном диалекте, как название всей реки (рисунок 2).

Рис. 2. Река Янцзы на российской карте

В русской картографии также обозначена Янцзы, которая впадает в Восточно-Китайское море [6]. При поиске слова «Чанцзян» в сети Интернет дается объяснение: Чанцзян – другое название китайской реки Янцзы [7]. Согласно традиции, эти два китайских иероглифа 长江 переводятся как «Chang Jiang» и обозначают «длинная река». Название относится ко всей реке и широко известно в Китае. По-русски эту реку часто называют Янцзы. В современном обиходе на русском и даже английском языках это название также широко используется по отношению ко всей реке.

Таким образом, в русском языке названия рек Янцзы и Чанцзян относятся к названию всей реки, и между ними нет никакой разницы. Оба названия представляют собой целую реку, на русских картах чаще используется гидроним Янцзы.

В китайском языке название Янцзы относится только к части реки Чанцзян, которое является неполным, в то время как название «Чанцзян» полностью выражает природу этой реки в целом. Судя по значению названия реки, мы считаем, что гидроним Чанцзян наиболее приемлем, а название Янцзы не

подходит для всей реки. Судя по изменениям названий рек в китайском языке, три названия: Цзян (река), Дацзян (Большая река) и Чанцзян (Длинная река) никогда не отклонялись от протяженности реки и больше подходят для широкого употребления.

Литература

1. 崔乃夫, 中华人民共和国地名大辞典·北京:商务印书馆·第四卷·2002:7305页.
2. Цуй Найфу, Большой словарь географических названий Китайской Народной Республики. Пекин: Коммерческая пресса. Том 4, 2002. 7305 с.
3. Значения слова «Река» (кит: «Цзян») на китайском языке. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%B1%9F/34144?fr=aladdin> (дата обращения: 28.05.2021).
4. Где находится река Янцзы на карте мира и Китая. [Электронный ресурс]. URL: <https://mykitai.ru/strana/reka-yanzsy.html> (дата обращения: 28.05.2021).
5. 陶农, 曾令甫. 长江名称及其别称的渊源和演变探讨[J]. 湖北大学学报:哲学社会科学版, 1982(01):99-103.
6. *Тао Нонг, Цзэн Линфу*. Происхождение и эволюция названия реки Чанцзян и ее прозвищ [J]. Журнал Университета Хубэй: издание философии и социальных наук, 1982, -С. 99-103.
7. Термин «Чанцзян» в китайской википедии. [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%95%BF%E6%B1%9F/388?fr=aladdin#2> (дата обращения: 28.05.2021).
8. *Комков А. М.* Словарь географических названий зарубежных стран / отв. ред. А. М. Комков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Недра, 1986. С. 458.
9. Слово «Чанцзян» на русском языке. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Янцзы> (дата обращения: 28.05.2021).

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ИТОГИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Шарапов О. М., Ульмасов Р. У. (Душанбе, Таджикистан)

Аннотация: В статье исследуются основные проблемы, влияющие на интеграционные и дезинтеграционные процессы в формате современных региональных объединений постсоветского пространства. Автором дан анализ основных тенденций данных процессов. В статье приведены и главные факторы, влияющие на интеграционные и дезинтеграционные процессы в регионе.

Ключевые слова: перспективы, национальный интерес, проблема, интеграция, процесс, организация.

THE MAIN FACTORS, TRENDS AND RESULTS OF INTEGRATION AND DISINTEGRATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE AT THE PRESENT STAGE

Sharapov O. M., Ulmasov R. U. (Dushanbe, Tajikistan)

Abstract: This article explores the main problems affecting on the integration and disintegration processes in the frame of the modern regional associations of the post-Soviet space. The author analyzes the main trends of these processes. The article also describes the main factors affecting on the integration and disintegration processes in the region.

Keywords: prospects, national interest, problem, integration, process, organization.

В 2021 году интеграционным процессам на пространстве Содружества Независимых Государств исполняется 30 лет. С исторической точки зрения это относительно короткий срок, но для проведения анализа, выявления ряда тенденций и подведения некоторых итогов, интеграционных и дезинтеграционных процессов в регионе этот срок является вполне достаточным.

Содружество Независимых Государств как международная региональная организация, созданная в результате распада СССР и объединившая в своем составе 11 бывших союзных республик, нещадно и часто критикуется. В то же время часто забывается та историческая миссия, которую выполнило это объединение – по

мирному и цивилизованному разъединению вновь возникших государств на огромном пространстве, по урегулированию очень многих и достаточно сложных проблем, не имевших аналогов в истории и связанных с распадом крупнейшего и одного из мощнейших государств мира. СНГ способствовало становлению и развитию новых независимых государств, проведению значительных реформ в них, внесло определенный вклад в разрешение внутригосударственных конфликтов в ряде стран-участниц. Содружество стало институциональной и правовой формой установления и развития взаимоотношений между бывшими союзными республиками.

После распада СССР именно благодаря СНГ между государствами региона не возникло официальных военных конфликтов, а абсолютному большинству стран удалось сохранить безвизовый режим во взаимоотношениях друг с другом. На пространстве Содружества сформирована зона свободной торговли, а отдельные страны, наиболее готовые к еще более высоким уровням интеграции, создали таможенный союз и единое экономическое пространство в формате Евразийского экономического союза, военно-политический блок в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве способствовали также накоплению богатой правовой основы и формированию комплексной системы различных органов отраслевого сотрудничества в формате Содружества.

Однако, несмотря на определенные успехи, проблемы в интеграционных процессах на постсоветском пространстве сохраняются. Многие направления интеграции либо буксуют, либо вообще не развиваются. Особенно характерно это для самого СНГ как международной региональной организации. И это весьма удивительно, учитывая, что страны региона имеют общие границы, тесные исторические и культурные связи, взаимосвязаны в транспортно-коммуникационных путях, инфраструктуре, производстве, торговле, энергетике и т. д. Более того, странам СНГ угрожает в целом один набор современных вызовов безопасности, противостоять которым можно только совместными усилиями. Эти страны, по сути, сталкиваются и с одинаковыми проблемами, связанными с современным развитием мировой экономики, политики, культуры. Несмотря на все это, интеграционные и дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве развиваются параллельно друг другу.

Серьезным препятствием развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве являются национальные интересы государств, вернее, их несовпадение. На наш взгляд, национальные интересы отдельных стран СНГ либо не всегда отражают интересы их народов, либо подменяются интересами узкой группы лиц, находящейся у власти в той или иной стране и влияющей на процесс принятия политических решений. В то же время, странам Содружества необходимо осознать, что главным приоритетом эволюции их внешнеполитических и внешнеэкономических связей может стать, прежде всего, постсоветское пространство, учитывая связующие их факторы, а только потом – другие регионы современного мира. Как показала практика, стремление отдельных новых независимых государств действовать, опираясь на приоритетность других вне региональных объединений для себя, имело плачевный результат. СНГ и другие интеграционные структуры постсоветского пространства по-прежнему остаются важным потенциалом развития государств – участников Содружества, который реализуется далеко не в полной мере. В то же время необходимо особо подчеркнуть, что сотрудничество и интеграция на постсоветском пространстве должны развиваться на подлинно равной и взаимовыгодной основе, без нанесения ущерба интересам стран-участниц. Современная экономическая интеграция в ряде регионов мира скорее еще более способствует демонстрации неравенства государств, так как более мощные государства, используя более слабые, заботятся, прежде всего, о своих выгодах в интеграционных процессах.

На развитии интеграционных и дезинтеграционных процессов весьма существенно сказывается и недостаточная проработанность механизма реализации принятых решений в рамках различных объединений постсоветского пространства. В результате, в СНГ, а порой и в других организациях региона, государства-участники могут не соблюдать принятые на себя обязательства. Кроме того, ряд разделов Устава СНГ уже давно потеряли свою актуальность и требуют переработки в соответствии с современными реалиями. В то же время нельзя забывать, в какой обстановке происходило становление интеграционных процессов. В тот период новые независимые государства, а точнее, их лидеры и политические элиты стремились к самостоятельному управлению своими республиками, к разрыву сложившихся связей с целью укрепления собственного положения в своих странах. Естественным является также и то, что если бы в учредительных документах СНГ и других

объединений постсоветского пространства в момент их становления были прописаны положения о над национальности их полномочий и структур, то создать эти организации и включить в их состав бывшие союзные республики не удалось бы. Лидеры государств исходили из принципа, что путем самостоятельного и независимого развития и использования возможностей и потенциала своих стран можно достичь больших успехов в развитии своих государств. Практика же показала совершенно обратное. Только вместе, объединив совместные усилия, мы можем противостоять современным угрозам и вызовам безопасности, выбираться из финансово-экономического кризиса и т. д. Однако и сейчас государства – участники интеграционных процессов на постсоветском пространстве по-разному видят их развитие, имеют разное отношение к региональным объединениям, к делегированию части своих суверенных полномочий в пользу наднациональных структур, по-разному готовы к углублению сотрудничества. Если Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан демонстрируют наиболее высокий уровень готовности к интеграции, то остальные страны СНГ, наоборот, стремятся взаимодействовать лишь в отдельных областях сотрудничества, часто игнорируя реализацию и этих направлений.

Несмотря на то, что после распада СССР государства-участники СНГ договорились о признании границ друг друга, тем не менее, неделимитированные границы и связанные с ними пограничные и этнические противоречия серьезно сказываются на межгосударственных отношениях постсоветских государств. В то же время главы постсоветских республик могли бы, несмотря на дезинтеграционную обстановку и атмосферу спешки первых лет становления интеграционных процессов, найти лучшее разрешение тех проблем в межгосударственных отношениях, которые были унаследованы нашими странами с распадом СССР и не решены и по сей день. Кроме того, мы можем наблюдать как лидеры стран Содружества, разделив общесоюзное имущество, используют его для оказания давления в межгосударственных отношениях вместо того, чтобы использовать это наследство совместно и получать от этого взаимную выгоду.

К сожалению, в период независимого развития постсоветских республик не только обострились давние конфликты, но и, более того, – появились новые противоречия в межгосударственных отношениях. Уровень и степень развития межгосударственных отношений на современном этапе, в свою очередь, влияют на

интеграционные и дезинтеграционные процессы. Как показывает опыт, при наличии взаимной заинтересованности, политической воли и желания сохранить устоявшиеся связи, решить даже самые серьезные проблемы межгосударственного сотрудничества на пространстве СНГ вполне возможно.

Таким образом, можно отметить, что в интеграционных процессах на постсоветском пространстве Содружество Независимых Государств остается единственной в своем роде политической площадкой, где 11 бывших союзных республик могут свободно обмениваться мнениями, согласовывать свои позиции по тем или иным вопросам регионального и глобального характера. Для повышения эффективности Содружества необходимо его дальнейшее реформирование, которое в то же время не должно продолжаться постоянно, как это происходит почти с первых лет функционирования объединения и по сегодняшний день. В то же время в отношении интеграционных процессов в СНГ необходимы время и терпение. В отношении организации сохраняются весьма завышенные изначально ожидания, чего быть не должно. По нашему мнению, Содружество имеет определенные перспективы и еще далеко не полностью реализовало свой потенциал.

Другая организация постсоветского пространства – Организация Договора о коллективной безопасности остается весьма важным фактором обеспечения безопасности в регионе. Однако главной проблемой военно-политической интеграции в рамках ОДКБ, на наш взгляд, является разное понимание приоритетности основных угроз и вызовов безопасности государств-участников, то есть если для одних членов ОДКБ наиболее актуальна проблема расширения НАТО, для других – конфликты и сепаратизм, а для третьих – терроризм, наркотрафик и экстремизм. С другой стороны, современная ситуация на Среднем и Ближнем Востоке, по нашему мнению, будет способствовать углублению сотрудничества в рамках данной организации. Государства-участники ОДКБ действительно добились многого в рамках данной организации, сумев сформировать целый ряд различных видов совместных коллективных сил, проводя достаточно эффективные превентивные операции по борьбе с преступностью («Канал», «Нелегал» и другие), договорившись о льготных поставках вооружений, оказании взаимопомощи в случае реальных угроз безопасности друг друга. Однако и далее странам-участницам

ОДКБ предстоит сделать еще многое для совершенствования работы организации, укрепления совместной безопасности.

Весьма успешным и перспективным примером развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве является евразийская экономическая интеграция. Евразийский экономический союз, сохранив преемственность Евразийского экономического сообщества, достиг главных его целей по формированию таможенного союза и единого экономического пространства. Однако в Евразийском экономическом союзе должны быть реализованы и другие направления сотрудничества, которые не нашли своего развития в рамках ЕврАзЭС. По нашему мнению, ЕАЭС медленно, но верно будет расширяться за счет присоединения новых государств – участников, прежде всего, из числа постсоветских республик. Этот процесс может еще более ускориться, если интеграционные процессы в области экономики будут развиваться на равноправной основе и не станут преследовать прежде всего геополитические задачи, а будут направлены на повышение уровня жизни наших граждан, обеспечение устойчивого развития новых независимых государств.

Литература

1. *Косимова Ф.* Взаимодействие Таджикистана и России в процессах евразийской интеграции на современном этапе // *Внешняя политика.* 2013. № 1. С. 78.
2. *Сайидзода З.* Внешняя политика Таджикистана в период его становления как суверенного независимого государства (1992–2004 гг.). Душанбе: «Контраст», 2010. С. 63.
3. *Шарипов С. И.* Стратегия развития Республики Таджикистан в новых геополитических реалиях // *Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и России в новых геополитических реалиях: Материалы Международной научной конференции.* Душанбе, 2011. С. 15.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ СТРАН СНГ В РОССИЮ

Шахова Е. В. (Барнаул, Россия)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Аннотация: *Тема миграции населения на сегодняшний день во всем мире, в том числе в нашей стране, является актуальной, является предметом изучения ученых из различных научных сфер – демографии, социологии, этнографии, психологии, экономики, политологии и других. Миграционный процесс – сложное явление, оказывающее неоднозначное воздействие на все сферы общественной жизни. В статье описаны особенности миграции населения в Россию из стран Содружества Независимых Государств, названы ее основные проблемы. Представлены основные характеристики мигрантов из стран СНГ в Россию, рассмотрены их преимущества с точки зрения аккультурации и интеграции. Показана современная ситуация, связанная с влиянием эпидемии Covid-19.*

Ключевые слова: *миграция населения, интеграция мигрантов, страны СНГ, межэтнические отношения, Российская Федерация.*

PECULIARITIES OF POPULATION MIGRATION PROCESSES FROM THE CIS COUNTRIES TO RUSSIA

Shahova E. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The topic of population migration is currently relevant all over the world, including in our country, and is the subject of study by scientists from various scientific fields – demography, sociology, ethnography, psychology, economics, political science and others. The migration process is a complex phenomenon that has an ambiguous impact on all spheres of public life. The article describes the features of migration of the population to Russia from the countries of the Commonwealth of Independent States, its main problems are named. The main characteristics of migrants from the CIS countries to Russia are*

presented, their advantages from the point of view of acculturation and integration are considered. The current situation related to the impact of the Covid-19 epidemic is shown.

Keywords: *population migration, integration of migrants, CIS countries, interethnic relations, the Russian Federation.*

Миграционный процесс представляет собой достаточно сложное и многогранное явление, оказывающее неоднозначное воздействие на политическую, экономическую, социальную и духовную сферы общественной жизни. Сегодня в сфере политики интеграции в России имеется ряд определенных социокультурных ограничений: особенности и стереотипы общественного сознания жителей России; негативный опыт взаимодействия мигрантов и коренного населения; очень низкие возможности адаптации мигрантов; низкий интеграционный потенциал принимающей среды и другие. Все это свидетельствует о необходимости особых подходов и методов для способствования более полной адаптации и интеграции мигрантов как в стране в целом, так и в регионах [1].

Согласно данным «Рейтинга стран по количеству мигрантов» в 2017 году Российская Федерация занимала четвертое место в мире (численность иммигрантов составляла 11 651 509 человек), 8,1 % от населения страны [8]. Внешняя (межгосударственная) миграция в России проявляется в двух формах: миграция со странами СНГ, миграция с другими государствами. Основные потоки международных мигрантов в Россию формируют именно мигранты из стран бывших советских республик. В 2019 году из 701 234 прибывших из-за границы, 617 997 человек приехали из стран СНГ [7].

Трудовая миграция – это «реальный фактор устойчивости развития всего постсоветского пространства», рынок труда России – «ключевой рынок труда в рамках постсоветского пространства», а денежные переводы мигрантов из России в страны СНГ оказывают большое влияние на сохранение социальной стабильности в их родных странах [9]. Рынок труда в России характеризуется нехваткой работников высокой квалификации, что приводит к необходимости привлекать труд иностранных высококвалифицированных специалистов. Авторы работы «Современные социальные проблемы трудовой миграции в Россию» подробно изучают проблемы, связанные с трудовой миграцией в стране, под трудовой миграцией понимают самый динамичный и самый крупный миграционный поток из стран СНГ

[11]. Они считают, что трудовая миграция порождает определенные конфликты в обществе. Появление конфликтов во многом связано с характерным для страны высоким уровнем безработицы и в то же время дефицитом рабочей силы. Важной проблемой для России является и уменьшение численности населения. Если решение проблемы дефицита трудовых ресурсов возможно за счет временных трудовых мигрантов, то при решении вопросов депопуляции необходимо учитывать приток иммигрантов в страну на постоянное место жительства. Не смотря на огромную значимость и важность миграционных процессов, они могут приводить и к отрицательным последствиям, среди которых межэтнические конфликты. По отношению к другим этническим группам жители страны зачастую испытывают раздражение, вражду, недоверие, страх [9]. В то же время может сработать эффект бумеранга в отношении мигрантов к населению страны. Необходимо развивать готовность к конструктивному взаимодействию как у мигрантов, так и у коренных жителей.

Миграция между Россией и странами СНГ имеет свои определенные особенности, которые в основном связаны с историей бывшего СССР [13]. Российская Федерация имеет стартовое преимущество в аспекте аккультурации и интеграции для мигрантов из стран СНГ:

- общая история языковой и культурной среды, которая в нашей стране для мигрантов СНГ наиболее комфортная (в сравнении со странами дальнего зарубежья);
- не такое значительное различие в диалектах [3].

Миграция в Россию из государств-участников Содружества Независимых государств имеет три ракурса проблемы:

1) социально-экономический (который связан с теневым рынком труда);

2) макроэкономический (миграционные потоки из некоторых стран СНГ, которые слабо контролируются, являясь значимым фактором развития российской рыночной экономики, способствуют формированию структурного дисбаланса в рамках экономической модели, сложившейся в стране);

3) правовой (связан с нелегальной миграцией) [10].

Среди отрицательных последствий миграции населения из стран СНГ в Россию Меркулов А. А. называет влияние:

- на эпидемиологическую ситуацию (отрицательное влияние на здоровье как мигрантов, так и населения

- принимающего сообщества, рост инфекционных заболеваний и т. д.);
- на социально-культурную сферу жизнедеятельности общества (в том числе на межэтнические и межрелигиозные отношения);
 - на криминогенную обстановку.

Автор связывает это с низким уровнем образования, «из стран Содружества в Россию мигрируют лица, которые зачастую не имеют даже среднего или среднего специального образования, что влечет за собой определенные негативные социально-экономические и геополитические проблемы для страны» [4].

На основе анализа работ руководителя сектора изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН В. И. Мукомель (в которых приведены результаты крупного исследования, проведенного Центром этнополитических и региональных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2011 и в 2017 гг.) рассмотрены особенности мигрантов из стран СНГ [5; 6]. Типичным мигрантом в России из стран Содружества Независимых государств является молодой мужчина, обладающий средним образованием, состоящий в браке. Большая часть мигрантов приезжают в Россию из крупных городов и столиц. Почти половина из них имеют общее среднее образование, однако уровень образования, квалификация мигранта как работника, его знания и навыки, важные на Родине, в России становятся невостребованными. При переезде мигрантам приходится менять вид экономической деятельности. При первом трудоустройстве мигранты соглашаются на любую работу, но, по мере адаптации, часть из них трудоустраиваются на лучшие места (соответствующие их квалификации и подготовке). Основными сферами деятельности мигрантов являются торговля, ремонт автотранспорта и бытовых изделий, строительство, коммунальные, социальные и персональные услуги, домашние хозяйства, гостиницы и общественное питание, транспорт и связь. Среди трудовых мигрантов из стран СНГ распространена неформальная занятость.

При выборе региона миграции из стран СНГ в Россию мигранты ориентируются на различные факторы: экономические, политические, социальные и культурные связи. Важную роль играет территориальное расположение региона для переезда, его приграничный характер. Большая часть иностранных граждан, приехавших в Россию, стараются придерживаться социальных

норм, ценностей, правил поведения как своей этнической группы, так и местного населения.

В современных условиях эпидемия Covid-19 внесла коррективы во все сферы жизнедеятельности общества, в том числе в миграционные процессы в стране и в мире. Объявление Всемирной Организацией Здравоохранения пандемии коронавируса привело к ограничениям на передвижение людей через государственные границы, которые были введены многими странами. Были закрыты консульства, приостановлена выдача виз, практически прекратилось транспортное сообщение между странами. Мигранты, являясь одной из наиболее уязвимых социальных групп, столкнулись со множеством проблем: принудительное лишение работы и заработка, ограничения на передвижение, зачастую невозможность соблюдения противозидемических правил.

Ивахнюк И. В. в научной работе «Пандемия коронавируса бросает вызов мигрантам в мире и в России» классифицирует проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в связи с пандемией, на несколько групп:

1. Экономические проблемы (увольнение мигрантов, потеря доходов).

2. Медицинские или санитарно-эпидемиологические проблемы (ограничение доступа мигрантов (или его отсутствие) к медицинскому обслуживанию, неудовлетворительные санитарно-гигиенические и жилищные условия, плохая гигиена и питание).

3. Социально-психологические проблемы (увеличение стрессовых факторов у мигрантов и, в тоже время, ограниченные возможности социально-психологической поддержки со стороны объединений мигрантов, правозащитных организаций в связи с условиями вынужденного дистанцирования людей).

4. Политические (закрытие границ, ужесточение режима въезда лишает мигрантов заработка, в связи с отчаянным положением людей повышается вероятность социальных всплесков. Обострение внутривосточной ситуации на фоне экономического кризиса является угрозой для развития государств) [12].

Кроме того, «в условиях антикоронавирусных мер накапливается высокий потенциал для миграции в Россию. Данный факт связан с кризисом из-за пандемии в странах происхождения мигрантов, сжатием рынка труда, уменьшением доходов населения» [2].

Важно понимать, что последствия пандемии отложат определенный отпечаток на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и на процессы миграции.

Миграция в Российскую Федерацию из государств-участников Содружества Независимых государств должна рассматриваться как многомерный процесс, который серьезно влияет на развитие общества в нашей стране, на все сферы общественной жизни.

Литература

1. *Бабинцев В. П., Сапрыка В. А.* Вопросы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины в социальном хронотопе // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 13. С. 200–208.

2. *Денисенко М. Б., Мукомель В. И.* Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Том 7. № 3. С. 84–107.

3. *Капицын В. М.* Жизнесферный подход в формировании и реализации миграционной политики // Социальное пространство. 2019. № 1(18). С. 1–15.

4. *Меркулов А. А.* Некоторые демографические показатели Содружества независимых государств и перспективы создания условий для роста населения // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 40–48.

5. *Мукомель В. И.* Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 2, С. 31–59.

6. *Мукомель В. И.* Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.

7. Общие итоги миграции населения Российской Федерации. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 15.08.2020).

8. Рейтинг стран по количеству мигрантов. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/immigrant-population> (дата обращения: 10.03.2020).

9. *Сулягина Ю. О.* Современные миграционные процессы на постсоветском пространстве // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 1(14). С. 239–242.

10. *Тумов В. В.* Миграция в Россию из стран СНГ: основные ракурсы проблемы // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 10 (75). С. 16–19.

11. *Baynova M. S., Evstratova T. A., Petrov A. V., Sulyagina Y. O., Zhaoxia Ye* Modern social problems of labor migration in Russia // ESPACIOS, 2017. Vol. 38 (46), P. 7.

12. *Ivakhnyuk I.* Coronavirus pandemic challenges migrants worldwide and in Russia // Population and Economics. 2020, Vol. 4(2). P. 49–55.

13. *Tarashev A., Cao G., Rovenskaya E.* Migration Flows and Effects in the CIS Countries – Dynamic Modelling // Modern Economy. 2016, Vol. 7. P. 799–814.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Шевнина Т. Э. (Барнаул, Россия)

Аннотация: На современном этапе социально-политического и социально-экономического развития России усиливается потребность в формировании эффективной системы социальной и правовой защиты военнослужащих, что обусловлено повышением престижа военной службы и оптимизацией процесса социального воспроизводства военнослужащих. Проанализировав нормативно-правовые акты, мы пришли к выводу, что военнослужащие национальной гвардии имеют право на получение жилых помещений, медицинское обеспечение и на ряд других социальных льгот, как для себя, так и для членов своих семей. Этот вопрос рассмотрен в статье на примере Новосибирского военного института войск национальной гвардии.

Ключевые слова: социальная защита, правовая защита, военнослужащие, военная служба, защищенность.

SOCIAL AND LEGAL PROTECTION OF SERVICEMEN AND MEMBERS OF THEIR FAMILIES ON THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK MILITARY INSTITUTE OF NATIONAL GUARD TROOPS

Shevnina T. E. (Barnaul, Russia)

Abstract: At the present stage of Russia's socio-political and socio-economic development, there is an increasing need to create an effective system of social and legal protection for military personnel, which is due to the increased prestige of military service and the optimization of the process of social reproduction of military personnel. After analyzing the legal acts, we came to the conclusion that the national guard soldiers have the right to receive housing, medical care and a number of other social benefits, both for themselves and for their family members. This issue is considered in the article on the example of the Novosibirsk military Institute of the national guard troops.

Key words: social protection, legal protection, military personnel, military service, security.

Социальная и правовая защита военнослужащих реализуется в форме разработки правовых норм и обеспечения социальных льгот и гарантий для них как специфичной социально-профессиональной группы, выполняющей важные государственные функции по обеспечению безопасности.

Правовую основу взаимодействия органов военного управления с Войсками Национальной Гвардии (далее ВНГ) по пропаганде здорового образа жизни среди военнослужащих ВНГ составляют: Конституция Российской Федерации, а также ряд законов федерального уровня и общевоинские уставы. Но не только в нормах Конституции и федеральных законов можно встретить регламентирование прав военнослужащих, а также членов их семей по социальной и правовой защите.

Как справедливо отмечает А. В. Кудаев, сегодня «социальная защита военнослужащих может рассматриваться как на уровне промежуточных (официально юридически установленная совокупность льгот и гарантий), так и конечных (степень обеспечения либо необеспечения, во-первых, гражданских прав, во-вторых, социальных гарантий военнослужащего) показателей» [5, с. 11].

В научной литературе система социальной защиты военнослужащих определяется как система социально-экономических отношений по обеспечению достойного социального положения и материального благосостояния военнослужащих, а также членов их семей [4, с. 9].

По действующему законодательству (Федеральный закон «О статусе военнослужащих») социальная защита военнослужащих предусматривает следующие направления:

- во-первых, реализация прав, гарантий и компенсаций военнослужащих;
- во-вторых, совершенствование институтов и механизмов защиты;
- в-третьих, охрана здоровья и жизни военнослужащих;
- в-четвертых, иные меры, которые направлены на создание условий, соответствующих общественной роли и характеру военной службы [4, с. 10].

В указанном законе определяется структура системы социальной защиты военнослужащих, состоящая из правовых (меры правовой защиты) и социальных гарантий (материальное и иные виды обеспечения) военнослужащим.

Следует подчеркнуть, что для них устанавливается единая система социальной защиты, но она является

дифференцированной в зависимости от воинских должностей, званий, продолжительности военной службы, выполняемых служебных обязанностей и задач, а также условий и порядка прохождения военной службы.

Теоретический анализ системы социальной защиты военнослужащих позволяет выделить ряд ее особенностей и выделить основные социальные гарантии военнослужащих (рисунок 1).

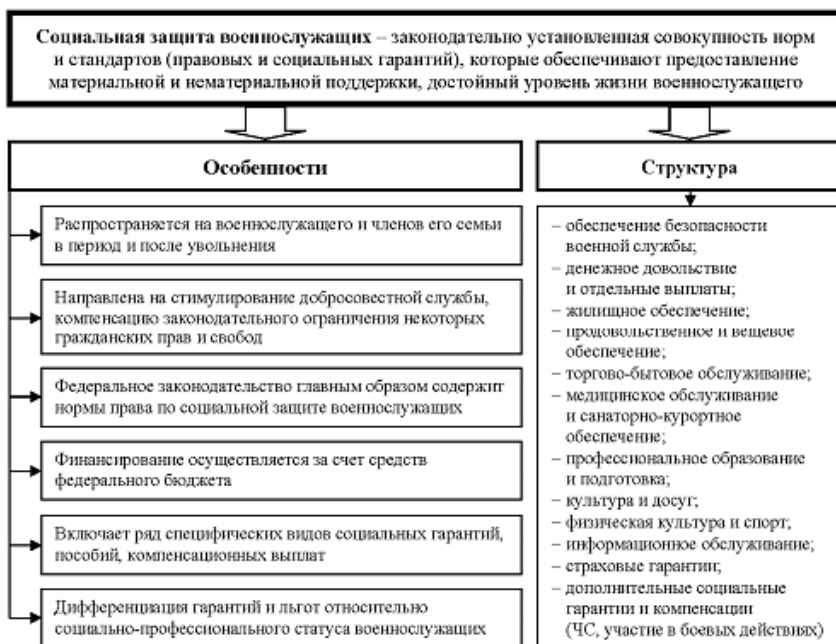

Рис. 1. Социальная защита военнослужащих: особенности и структура [3, с. 143]

Удовлетворенность системой социальной защиты военнослужащих является частью системы общей удовлетворенности воинским трудом, представляющей собой интегративный показатель меры или степени реализации социальных ожиданий военнослужащего от практической деятельности в сфере воинского труда [3, с. 143].

В качестве социальной защищенности сотрудников Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковле-

ва войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – НВИ ВНГ РФ) и их семей определены следующие задачи [2, с. 93]:

- формирование психологической готовности, поддержание психологической устойчивости личного состава НВИ ВНГ;
- развитие личности военнослужащих, формирование моральных качеств;
- реализация гарантий социальной и правовой защиты военнослужащих НВИ ВНГ и их семей;
- удовлетворение культурных потребностей, организация досуга военнослужащих и их семей.

Эти задачи решаются как руководством НВИ ВНГ РФ, так и Главнокомандующим ВНГ РФ, путем правовой защищенности и социально-бытового обеспечения. Так, Новосибирский военный институт расквартирован в 2-х военных городках (в г. Новосибирск – ядро и г. Искитим – учебный центр), и размещен на 8 земельных участках общей площадью 180,04 га. В военном институте с учетом учебного центра имеются 43 объекта недвижимости. Перечень основных объектов недвижимости включает (рисунок 2):

1. Казармы – 4 ед.
2. Столовые – 3 ед.
3. Общежитие – 1 ед.
4. Банно-прачечный комбинат – 1 ед.
5. Склады – 8 ед.
6. Поликлиника с лазаретом – 1 ед.
7. Котельные – 1 ед. и др. [7].

Рис. 2. Территория Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева ВНГ РФ в Новосибирске и Искитиме [7]

Утвержденный директором ФСВНГ – Главнокомандующим ВНГ РФ на 2020 год план капитального строительства Новосибирского военного института войск национальной гвардии, предусматривает дальнейшее развитие инфраструктуры военного института.

Необходимо отметить, что социальная защита в институте регламентируется целым рядом нормативно-правовых актов. Особый блок представляют собой законы и подзаконные акты, принятые в отношении военнослужащих, в том числе военнослужащих национальной гвардии. К ним относятся:

- Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»;
- Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 21.06.2002 № 451 «Об усилении социальной защиты членов семей погибших (умерших) военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти» и др. [2, с. 94].

Также важным документом, закрепляющим правовые положения по охране здоровья военнослужащих, является общевоинский устав, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 09.08.2018) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». Глава 8 Устава внутренней службы ВС РФ полностью посвящена вопросам охраны здоровья военнослужащих. В ней говорится об оздоровлении условий службы и быта военнослужащих, занятиях физической подготовкой и спортом, профилактических мероприятиях по охране здоровья военнослужащих, проведении лечебно-профилактических мероприятий, а также о банно-прачечном обслуживании [5, с. 9].

Большая важность военной службы по обеспечению национальных интересов требует повышенного внимания к профессии военнослужащего, выявлению проблем в реализации их прав и гарантий, их удовлетворенности системой социальной защиты. Актуальность повышения удовлетворенности военнослужащих системой социальной защиты также подтверждается и «Стратегией социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – Стратегия) [9, с. 145]. Следует подчеркнуть, что в Стратегии устанавливаются уровни

достижения ключевых показателей социальной защиты военнослужащих до уровня 90 % и более.

В Федеральном законе «О статусе военнослужащих» предусмотрены льготы для военнослужащих в области культурно-досугового обслуживания, в частности бесплатное пользование библиотеками и читальными залами, кинотеатрами, льготы при посещении платных мероприятий, которые организуют учреждения культуры и спорта, а также пользование спортивными сооружениями, имуществом культурно-просветительного назначения, спортивным инвентарем, находящимся в расположении воинских частей [5, с. 10].

Следует отметить, что решение жилищных проблем военнослужащих сегодня ведется достаточно активно, реализуется в рамках государственных жилищных сертификатов и накопительно-ипотечной системы (НИС).

Как отмечается на сайте Минобороны России, за последние шесть лет выполнены социальные обязательства по жилищному обеспечению более 574,5 тыс. военнослужащих, что с учетом численного состава их семей составляет около 2 млн российских граждан. В отношении реализации права военнослужащих на обеспечение жильем по месту службы цифры показывают, что более 184,6 тыс. военнослужащих предоставлено специализированное жилье, 161,2 тыс. военнослужащих обеспечены денежной компенсацией за наем жилья [8, с. 60]. Обращаясь к современному состоянию материальной обеспеченности военнослужащих, следует подчеркнуть, что за последние пять лет оклады военнослужащих повышались дважды: в 2012 г. – в два-три раза и в 2018 г. – на 4 %. В 2019 г. зарплата военнослужащих увеличилась на 4,3 %, что позволило довести средний доход до 45 370 руб. [3].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что взаимодействие системы органов управления с военнослужащими ВНГ в вопросах пропаганды здорового образа жизни строится на нормах федеральных законов и подзаконных правовых актах – начиная от Основного закона нашего государства (Конституции), и заканчивая локальными нормативными документами – уставами внутренней службы. Рассмотренные нами нормативные правовые акты содержат разделы об охране здоровья военнослужащих и их семей, причем такая охрана выражается не только в физическом аспекте (хотя подавляющее большинство норм всех перечисленных выше нормативных актов содержат положения по охране именно физического здоровья), но

также и в психологическом, поскольку для военнослужащих ВНГ морально-психологический комфорт является наиважнейшей составляющей при несении воинской службы.

Деятельность по пропаганде здорового образа жизни среди личного состава Федеральной службы ВНГ не должна сводиться только лишь к физической подготовке и занятиям спортом, но также и должна включать морально-нравственную сторону их жизни и психологическую гигиену. Так, к примеру, регулярные посещения культурно-досуговых мероприятий военнослужащими и их семьями, безусловно, окажут еще большее положительное влияние на развитие полноценной и гармоничной личности, позволив военнослужащим максимально эффективно выполнять поставленные перед ним задачи.

В целом, анализ литературы по теме исследования позволяет прийти к выводу о проводимой у нас в стране комплексной и систематической деятельности по пропаганде и воплощению социальной и правовой защищенности военнослужащих и членов их семей.

Литература

1. *Галкина Д. О., Масликов В. А.* Технологии государственного регулирования в сфере охраны здоровья // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 2–1 (12). С. 121–128.

2. *Долотов А. А.* Теоретико-правовые основы социальной защиты военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 12–2. С. 93–95.

3. Индексация денежного довольствия военнослужащим в 2019 году // Современный предприниматель. URL: <https://spmag.ru/articles/indeksaciya-denezhnogo-dovolst-viya-voennosluzhashchim-v-2019-godu> (дата обращения: 15.02.2020).

4. *Калинин М. А.* Факторы удовлетворенности системой социальной защиты военнослужащих // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2 (50). С. 141–151.

5. *Козырев Д. В., Масликов В. А.* Направления совершенствования деятельности по пропаганде здорового образа жизни среди личного состава Федеральной службы войск национальной гвардии России и членов их семей // Материалы Афанасьевских чтений. 2019. № 2 (27). С. 5–16.

6. *Кудаев А. В.* Социальная защита военнослужащих в условиях социально-экономического развития России: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03. Саратов, 2017. 18 с.

7. Официальный сайт Новосибирского военного института войск национальной гвардии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvi.rosgvard.ru/archiv/sots-byt_obespechenie.pdf (дата обращения: 15.02.2020).

8. *Соколова О. Л.* Накопительно-ипотечная система как форма реализации механизма социально-экономической защиты военнослужащих // Морской сборник. 2018. Т. 2056. № 7. С. 59–64.

9. *Швачкин А. В.* Проблема защиты социальных прав военнослужащих в РФ // Вестник магистратуры. 2016. Т. IV, № 5 (56). С. 144–145.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Щеглова Д. К. (Барнаул, Россия)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Актуальность: *Процессы, происходящие в молодежной среде, вызывают интерес не только политиков, государственных органов, но и всего научного сообщества. Молодежь как отдельная социально-демографическая группа имеет ряд отличительных, уникальных признаков, которые характеризуют ее определенным образом и определяют человеческий капитал государства. Пристальное внимание и ориентир на данную категорию населения позволит с учетом имеющихся знаний скорректировать проводимую государством политику, направленную на улучшение положения молодежи в обществе, на раскрытие ее потенциала, что скажется и на повышении качества жизни всего общества в целом. Для этого необходимо знать мнение молодежи и о самой себе, и об обществе, об отдельных элементах социальной жизни и окружающей среды.*

Ключевые слова: *молодежь, социальная активность, гражданское общество.*

SOCIAL ACTIVITY OF THE YOUTH AS A FACTOR OF CIVIL SOCIETY FORMATION

Scheglova D. K. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The processes taking place in the youth environment arouse the interest of not only politicians, government agencies, but also the entire scientific community. Youth, as a separate socio-demographic group, has a number of distinctive, unique features that characterize it in a certain way and determine the human capital of the state. Close attention and focus on this category of the population will allow, taking into account the available knowledge, to adjust the government's policy aimed at improving the position of young people in society, at unlocking*

their potential, which will also affect the improvement of the quality of life of the whole society as a whole. To do this, it is necessary to know the opinion of young people about themselves and about society, about individual elements of social life and the environment.

Keywords: *youth, social activity, civil society.*

Молодежь является наиболее динамичной социальной группой. В первую очередь это вызвано естественными процессами социализации и интеграции в новые группы, так как молодые люди продолжают получать образование, устраиваются на работу, осваивают новые социальные роли, вливаются в новые группы.

Под молодежью понимается «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств [1]. Возрастной диапазон молодежи варьируется в пределах 16–30 лет. Однако в зависимости от социально-экономических и других факторов нижняя и верхняя границы могут быть сдвинуты. В научной среде для удобства исследований молодежь принято подразделять на ряд возрастных категорий: 14–17 лет, от 18–24 лет и 25–30 лет. Такая периодизация создана для удобства восприятия возраста и имеет под собой основу в виде определенных социальных позиций, характерных для молодежи в рамках каждой возрастной категории, будь то приобретение прав, образования и прочего [2].

В последнее время в обществе достаточно активно обсуждался вопрос об увеличении возрастных рамок для причисления к молодежи. Согласно Федеральному закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г., молодежь – это социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 35 лет [5]. Это влечет за собой изменения возрастных категорий и в научной среде путем сдвига предельного возраста для молодежи до 35 лет.

Включенность молодежи в новые виды деятельности, в дальнейшее получение образования, в освоение профессиональной деятельности, формирование семьи и прочее, предполагает от нее высокую социальную активность. Одним из наиболее полных и развернутых определений социальной активности в современной научной литературе является ее понимание в виде «сознательной и целенаправленной деятельностью личности и ее целостно-

социально-психологических качеств, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности» [3], т.е. социальная активность выступает в данном случае как «социально-психологическая, ценностная, профессиональная установка субъекта, реализуемая в его деятельности» [3]. Социальная активность молодежи в разных сферах деятельности может служить основой для становления и развития гражданского общества в современном мире.

Оганесян дает следующее определение гражданского общества: «Это формирующаяся и развивающаяся в демократических государствах человеческая общность, представленная сетью добровольно образованных негосударственных структур (объединения, организации, союзы, центры, клубы, фонды) во всех сферах жизнедеятельности общества и совокупностью негосударственных отношений – экономических, политических, социальных, духовных, религиозных и других» [4]. Из данного определения следует, что гражданское общество – это достаточно сложная, но слаженная система общественных связей, которые соединяют интересы граждан общественного и частного характера, при этом саморегулируя социальные отношения без обращения для этого за помощью к государственным институтам. Поэтому социальная активность молодежи крайне важна для поддержания развития гражданского общества и решения острых социальных проблем, улучшения качества жизни не только современной молодежи, но и всего общества.

В связи с этим, в рамках данной работы была определена цель – изучение потенциала социальной активности молодежи. Для этого было уделено внимание молодым людям в возрасте от 18 до 35 лет, при этом молодые люди были поделены на две группы: 18–24 года и 25–35 лет. Это обусловлено тем, что в данные возрастные периоды молодые люди обретают полную правовую самостоятельность, получают дальнейшее образования в ссузах, вузах, или имеют возможность трудоустройства и все еще восприимчивы, податливы к любым видам новшеств и изменений, в этом возрасте происходит знакомство и включение в новые значимые социальные группы, усвоение новых норм, прав и правил, а также ролей.

Изучая тему социальной активности молодежи, важно посмотреть, как она формируется и какие тенденции имеет. Для этого были использованы результаты социологического

исследования, направленного на изучение гражданской идентичности и социальной активности населения в разных по социально-экономическому развитию регионах Российской Федерации. В ходе данного исследования было опрошено население трех приграничных регионов России: Алтайский край, Республика Алтай, Новосибирская область. Отбор респондентов производился на основе многоступенчатой выборки с использованием квотного отбора и составил $n = 1200$ респондентов, по 400 респондентов в возрасте 18–70 лет в каждом регионе. В работе использовались такие методы обработки данных, как теоретические: индуктивный метод, операционализация понятий, типология; математико-статистические, включающие частотный, метод описательных статистик.

В результате исследования были выявлены и описаны следующие данные, характеризующие тенденции социальной активности молодых людей.

Подавляющее большинство молодежи ассоциируют себя с гражданами Российской Федерации – 92 % из общего числа опрошенных молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Оставшиеся 8 % респондентов из числа опрошенных, соответственно, не идентифицируют себя с гражданами России.

Для определения потенциала социальной активности молодежи был задан вопрос о том, могут ли они себя назвать общественно активными людьми. Чуть более половины молодых людей как в возрасте 18–24 лет (54,4 %), так и в возрасте 25–35 лет (52 %) отметили, что не могут назвать себя общественно активными людьми.

Также в большинстве своем молодые люди считают, что в России не сформировано эффективное реально действующее гражданское общество: так ответили 57,2 % из числа молодых людей в возрасте 18–24 года и 64,7 % в возрасте 25–35 лет.

При этом в большинстве своем молодые люди вне зависимости от возраста считают, что в нашей стране к общественно-активным людям относятся одобрительно: так ответили 67,9 % из числа молодежи первой возрастной группы (18–24 года) и 70,3 % из числа второй возрастной группы (25–30 лет).

При анализе ответов респондентов были выявлены следующие значимые характеристики, которые описывают социально-активную значимую деятельность. Для молодых людей, относящихся к первой возрастной группе (18–24 года) можно

построить следующее распределение ответов: чаще всего молодые люди ходят на выборы (52,8 %), следят за политическими событиями в регионе, стране, мире (46,1 %), смотрят аналитические передачи на политические темы, читают посты, аналитические материалы (36,6 %), помогают бездомным животным (31,1 %), сдают кровь в рамках участия в программе донорства (23 %), комментируют новости на сайтах средств массовой информации (22,8 %).

Среди ответов молодых людей возрастной категории 25–30 лет были получены аналогичные данные при описании характеристик социально-активной деятельности: ходят на выборы (63 %), следят за политическими событиями в регионе, стране, мире (54,4 %), смотрят аналитические передачи на политические темы, читают посты, аналитические материалы (43,8 %), помогают бездомным животным (покупаю корм, помогаю в работе приюта бродячих животных и т. д.) (29 %), сдают кровь в рамках участия в программе донорства (23,2 %), комментируют новости на сайтах средств массовой информации (20 %), что свидетельствует о том, что молодые люди в рамках описанных возрастных категорий проявляют активность в одинаковых направлениях деятельности.

Для решения своих проблем молодые люди чаще готовы проявлять инициативу (40,2 % из числа молодежи 18–24 лет и 43,3 % из числа молодежи 25–30 лет), чем для решения проблем других людей (35,7 % из числа молодежи 18–24 лет, и 32,8 % из числа 25–35 лет).

Также молодые люди считают, что готовых помочь друг другу людей можно встретить чаще (так считают 36,4 % из числа молодежи первой возрастной категории и 40,1 % из числа молодежи второй возрастной категории), чем людей, которые объединяются для решения общественных проблем (такого мнения придерживаются 21,8 % из числа молодежи 18–24 лет и 25,2 % из числа молодежи 25–35 лет).

Таким образом, на основании данных можно отметить, что современные молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет идентифицируют себя с гражданами страны. Интересным представляется тот факт, что молодые люди вне зависимости от возрастной категории, отмечают, что они являются недостаточно общественно активными, однако при анализе ответов было выяснено, что все-таки в молодежной среде существует достаточно высокий потенциал социальной активности. Помимо

этого, молодые люди отмечают как по отношению к себе, так и по отношению к обществу, что готовы проявлять социальную активность, выступать инициаторами чаще в тех случаях, когда проблема касается их самих. Такие данные говорят о существующем потенциале становления гражданского общества посредством возрастающей социальной активности молодежи при решении общественно значимых проблем.

Литература

1. Акмалова А., Капицын В. М., Миронов А. В., Мокшин В. К. Словарь-справочник по социологии. Учебное издание: [сайт]. [2011]. URL: <http://ponjatija.ru/node/14749> (дата обращения: 23.06.2021).

2. Белый О. И. Определение понятия «Молодежь» // Теория и практика общественного развития № 12, 2012. С 156–158. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-molodezh> (дата обращения: 23.06.2021).

3. Кожевников С. Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России [2020]. URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West-gravo_2002_1\(5\)/B_4.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West-gravo_2002_1(5)/B_4.pdf) (дата обращения: 23.06.2021).

4. Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Показатели развития гражданского общества в приграничных регионах Российской Федерации // Социодинамика. 2017. № 4. С. 25–37. DOI: 10.7256/2409–7144.2017.4.19854 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19854 (дата обращения: 23.06.2021).

5. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Консультант Плюс: [сайт]. [2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 23.06.2021).

КЫРГЫЗСКИЕ И АЛТАЙСКИЕ ЭПОСЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
З. МАМЫТБЕКОВА И Э. АБДЫЛДАЕВА

Эралиева Ы. С. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: В исследованиях литературоведов есть попытки найти общность зарождения и эпическую основу кыргызских и алтайских эпосов с опорой на историю, на родство языка и на творчество сказителей. Представленные в статье исследования З. Мамытбекова и Э. Абдылдаева раскрыли художественную ценность, эпический размах, сюжетную близость и галерею героев эпоса «Манас» и алтайских эпосов. Также в статье обозначены различия в исполнении эпосов сказителями двух народов.

Ключевые слова: эпос, история, сказитель, герой, подвиг, народ, исследование, оценка, сравнение, информация, анализ.

KYRGYZ AND ALTAI EPOSES IN THE STUDIES OF Z. MAMYTBEKOV
AND E. ABDYLDAEV

Eralieva Y. S. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: In the studies of literary scholars there are attempts to find a common origin and an epic basis for Kyrgyz and Altai epics based on history, on the kinship of language and on the work of storytellers. The studies of Z. Mamytbekov and E. Abdyl daev presented in the article revealed the artistic value, epic scope, plot proximity and the gallery of the heroes of the Manas epic and Altai epics. The article also highlights the differences in the performance of epics by the narrators of the two peoples.

Keywords: epos, history, storyteller, hero, feat, people, research, assessment, comparison, information, analysis.

В дописьменные времена в азиатских просторах из уст в уста, от предков потомкам передавались великие Сказания о баатырах, жизнь и деяния которых посвящены борьбе за независимость, за светлое будущее своего народа. Слагались о них песни, сказки, легенды, сказания, вобравшие в себя духовный опыт и выразительное слово создателей. На длинных путях перекочевки, у костра во время выпаса скота, перед боями или просто в переносных жилищах кочевников перед сном сказывались

народные предания о баатырах, о их силе и подвигах в назидание детям и воинам. Эти культурные элементы устного творчества являлись кладезем богатства языка, омутом народной памяти и носили воспитательный характер. Дошли бы они до наших дней в своей колоритной красе и силе, если бы этнографы, миссионеры не записывали из уст сказителей – это спорный вопрос. Потому что устные произведения подвергались изменениям со стороны сказителей или терялись из творческого сознания народа, но благодаря сбору и записям они дошли до современного слушателя и стали объектом научных исследований.

В данной статье мы попытаемся дать научную картину исследований эпосов кыргызского и алтайского народов литературоведами З. Мамытбековым и Э. Абдылдаевым, посвятившими данной проблеме монографию «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери» опубликованную в 1966 году во Фрунзе. Монография посвящена истории первых записей и переводов кыргызской эпопеи о народном герое Манасе и сопоставительно-типологическому анализу эпоса с алтайскими эпосами. Сказание (баян) о Манасе от героической сказки дорос до масштаба эпопеи – крупного произведения эпического жанра, повествующего о значительных исторических событиях [7, с.847].

В историю манасоведения вошли имена таких ученых, как В. В. Радлов, Ч. Ч. Валиханов, М. И. Богданова, С. М. Абрамзон, М. О. Ауэзов, А. Н. Бернштам, И. А. Батманов, В. М. Жирмунский, П. Н. Берков, Е. Мелетинский, П. Фалев, А. Т. Хатто, Г. Франель, Лан Ыин, Реми Дор, Камил Тойгар и др. В исследование эпоса большой вклад внесли отечественные ученые, такие как К. Рахматуллин, С. Мусаев, И. Молдобаев, Р. Сарыпбеков, Э. Абдылдаев, З. Ч. Мамытбеков, Р. З. Кыдырбаева, А. Жайнакова, С. Бегалиев, А. А. Акматалиев, А. Ш. Акмолдоева, Ж. К. Орозобекова, К. Абакиров, Т. Бакчиев, Г. Жамгырчиева, К. Калчакеев и др.

Исследовательская работа З. Мамытбекова «История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции», состоит из трех частей. Первая часть главы называется «Маджмуатут-таварих», вторая часть – «Ч. Ч. Валихановдун “Манастан” жазып алган эпизоду» (Эпизод из эпоса «Манас», записанный Ч. Ч. Валихановым), третья – «В. В. Радлов жазып алган “Манастын” варианты» (Вариант «Манаса», записанный В. В. Радловым).

В первой части своего исследования З. Мамытбеков рассматривает литературно-историческое наследие первой половины XVI века «Маджму – ат – таварих» (Тарыхтар жыйнагы)

Сайф-ад-дин ибн дамулла шах Аббас Ахсиканти и Нур Мухаммад ибн Сайф-ад-дин Ахсиканти. З. Мамытбеков сравнивает события эпоса «Манас», описанные в «Маджму – ат – таварих» с классическими вариантами великих сказителей – манасчи С. Каралаева и С. Орозбакова. По Мамытбекову, события, связанные с Манасом в «Маджму – ат – таварих» более реалистичны, «почти отсутствуют гиперболоизация и мифы» [6, с. 15]. В «Маджму – ат – таварих» образ Манаса представлен как образ реального человека, вся жизнь которого посвящена борьбе с внешними и внутренними врагами. «Манас – талантливый военачальник и предусмотрительный политик, стремящийся к объединению киргизских племён. Не щадя своих сил, не останавливаясь перед трудностями, борется он за единство и независимость киргизов» [8, с. 9] – писали Е. Мозольков и У. Джакишев во вступительной статье к переводу эпоса «Манас».

II часть монографии З. Мамытбекова «История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции» посвящена научным трудам Ч. Ч. Валиханова о кыргызах и об эпосе «Манас». Данный труд называется «Эпизод «Манаса», записанный Ч. Ч. Валихановым». З. Мамытбеков детально изучал «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о кыргызах» и «Очерки Джунгарии», которые являлись научным и этнографическим результатом трех поездок Ч. Валиханова в страну кыргызов. По утверждению З. Мамытбекова: «Ч. Валиханов первым записал эпос «Манас» и ознакомил научную общественность, пытался дать оценку с научной точки зрения» [6, с. 26].

О духовном богатстве и разнообразии кыргызов Ч. Валиханов в «Очерках Джунгарии» написал такие удивительные слова: «Занимаясь давно собиранием киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд, я был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян» [4, с. 333]. Ч. Валиханов дал такую характеристику эпосу: «Манас» – это энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенные к одному времени и сгруппированные около одного лица – богатыря Манаса. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения нашли себе выражение в этой огромной эпопее» [4, с. 350]. З. Мамытбеков через сравнения эпизода, записанного Чоканом Валихановым, и современных вариантов, нашел расхождения в описании событий, также в некоторых местах не согласился с казахским ученым и

этнографом. Тем не менее, он дал положительную оценку трудам Ч. Ч. Валиханова, отметив, что именно он создал первый письменный образец народного варианта эпоса.

В третьей части своей монографии «Октябрь революциясына чейинки «Манас» эпосун жыйноонун жана изилдөөнүн тарыхы» (История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции) З. Мамытбеков провел сопоставительный анализ варианта «Манаса», записанного В. В. Радловым, и вариантов великих сказителей С. Орозбакова и С. Каралаева. Выявил отличия и сюжетную близость в описании героев, событий. В. Радлов опубликовал и перевел на русский и немецкий языки записанные фрагменты эпоса, тем самым ознакомив научное сообщество XIX века с неизвестным произведением фольклора кочевого народа. «Значение вклада В. В. Радлова в исследование мало известных науке тюркоязычных народов велико» [1, с.400], и для кыргызов, создавших энциклопедическое эпическое произведение и передававших через века и поколения в устном виде его записи стали глашатаем в большой мир, который открыл для себя мир кыргызов через труды В. Радлова.

Вторая глава монографии, написанная литературоведом Э. Абдылдаевым «Эпическое соотношение алтайских героических эпосов и эпоса «Манас» содержит историко-типологическое сравнение древних пластов эпоса «Манас» с алтайскими эпосами. Также в работе рассмотрена историческая общность кыргызов и алтайцев, дана подробная аналитическая информация об алтайских сказителях – кайчи.

Тематика, идейное содержание, художественные задачи, жанровые признаки, стихотворная и исполнительская особенности алтайских эпосов нашли отражение в трудах В. В. Радлова, В. И. Вербицкого, Г. Н. Потанина, А. Л. Коптелова, В. М. Жирмунского, Н. А. Баскакова, Л. П. Потапова С. С. Суразакова, З. С. Казагачевой, С. М. Каташева, М. П. Грязнова, Н. А. Кострова, Н. Я. Никифорова, В. Хвостова, А. В. Анохина и других ученых.

Сравнение сюжетов, галереи героев кыргызских эпосов с алтайскими эпосами имеет давнюю историю, которое продолжается по сей день. Это объясняется общностью геополитических, культурных, исторических, языковых пластов. События в эпосе «Манас» тоже начинаются с Алтая – прародины современных кыргызов, предки которых кочевали в азиатских просторах с Ала-Тоо на Алтай, Енисей, и обратно, оставляя след в истории, в культуре.

В. М. Жирмунский отмечал, что «сравнение эпоса «Манас» с эпическими произведениями тюркских народов Сибири дает возможность получить достоверную информацию об изначальном эпическом положении эпоса» [5, с. 130]. Он характеризует размер стиха эпоса «Манас» как короткий силлабический стих, семи или восьмисложный, с метрическим ударением на последнем слоге [5, с. 6] и предполагает, что это древнейшая форма тюркского эпического стиха. Здесь уместно будет провести параллель между кыргызским и алтайским языками в акцентологическом ракурсе. И в кыргызском и в алтайском языке ударение падает на последний слог (это характерно для всех тюркских языков). Такой сопоставительный подход в изучении эпоса В. М. Жирмунский объясняет общностью исторической судьбы двух народов, которая «с неизбежностью приводит к наличию у них общего культурного наследия и к более или менее активным культурным и литературным взаимодействиям между ними» [5, с.105].

Зеркальное мнение выражено в труде «Алтайский фольклор и литература» Н. А. Баскакова, где он пишет: «К сравнительному героическим сказаниям алтайского народа необходимо привлечь также эпос монгольских племен и соседних народов и, в частности, киргизский эпос «Манас», который, по-видимому, имеет некоторые общие черты, не только в этимологии собственных имен героев, но и в сюжетах с алтайским героическим сказанием «Алып – Манаш» [2, с. 5].

Также П. Н. Берков в труде «Алтайский эпос и «Манас» поднимает вопрос о наличии связи кыргызской эпической традиции с алтайско-енисейской культурной средой. Сравнив эпические признаки алтайского эпоса «Алып – Манаш» и кыргызский эпос «Манас» приходит к мнению, что «Алып – Манаш» является алтайской версией кыргызского «Манаса» [3, с.131].

В. И. Вербицкий в книге «Алтайские инородцы» отмечает, что в алтайских сказках замечаются черты, принадлежащие индоевропейскому эпосу [10, с.260] и выделяет 11 классификаций общей картины богатырей в алтайских сказках: 1) происхождение богатырей; 2) предсказание и рождение богатырей; 3) опасности, которым подверглись богатыри во чреве матерей; 4) богатыри большей частью рождаются от престарелых родителей; 5) рост богатырей и детская сила; 6) богатырское седло; 7) богатырское вооружение; 8) наречение имени; 9) богатырская езда; 10) богатырская сила; 11) богатырская битва [10, с.284]. Под эту

классификацию попадают и кыргызские эпосы, олицетворяя единые мотивы и идеи в создании сказаний о народных героях-освободителях.

Сопоставительно-типологическая работа эпосов двух народов продолжилась в монографии Э. Абдылдаева. Литературовед в первой части своей монографии «Эпическое соотношение алтайских героических эпосов и эпоса «Манас» дает характеристику методологических основ для дальнейшего изучения эпоса и краткую информацию об исторической связи кыргызского и алтайского народов. Во второй части исследования рассматривается история сбора, записей и публикаций алтайских устно-поэтических произведений, их общая характеристика, также специфические особенности исполнительской традиции манасчи и кайчи. Система образов и основные эпизоды в традиционной сюжетной линии эпоса «Манас» сопоставляются с сюжетными особенностями и эпическими признаками алтайских героических поэм в историческом аспекте.

Э. Абдылдаев, анализируя эпическую связь кыргызского эпоса с алтайскими героическими поэмами, отмечает неоценимую заслугу академика В. В. Радлова, этнографа Г. Н. Потанина, алтайского миссионера М. Чевалкова в сборе, записях и переводе алтайских эпосов. В. И. Вербицкий и Г. Н. Потанин записали содержание алтайских эпосов прозой, а не стихотворной формой из уст сказителей – кайчи, и, этим невольно снизили качество восприятия читателями и исказили уникальную прелесть алтайского горлового исполнения в сопровождении топшуура или комыса. Кыргызский ученый далее пишет, что в дореволюционных переводах алтайских эпосов встречаются противоречия в идейном содержании, а именно, идеализирован дух бурханизма и феодальных зайсанов. Э. Абдылдаев объяснил это тем, что эпосы записаны из уст кайчи, которые защищали интересы феодальных зайсанов [6, с. 140]. Такой подход или идейное несогласие наблюдается и в оценке кыргызских эпосов в советскую эпоху, когда ученые – литературоведы были под влиянием господствующей идеологии марксизма-ленинизма.

В третьей части сопоставительного исследования Э. Абдылдаевым дается краткая характеристика этапам формирования и развития эпоса, прошедшим эволюционный путь от героической сказки до эпопеи. С учетом этапов развития кыргызского эпоса, поставленных В. М. Жирмунским, и дополняя их, критик предлагает следующие четыре этапа, которые в

дальнейшем помогут глубокому исследованию: 1) состояние героического эпоса по типу борьбы с мифическими силами восходит к VI–X векам; 2) состояние героического эпоса в борьбе с иноземными захватчиками и внутренними врагами и героического свадебного типа X–XIV вв.; 3) реконструкция эпоса «Манас» в историческом аспекте, локализация эпоса на основе исторических преданий и формирование эпизодов в традиционной сюжетной линии относятся к XIV–XVII векам; 4) более глубокое развитие внутренних художественных особенностей эпоса и внедрение некоторых нетрадиционных пластов XVIII–XIX и начала XX веков [6, с. 242].

По мнению критика Э. Абдылдаева, недостаточно сопоставительное исследование эпоса «Манас» с алтайскими эпосами для решения проблем уточнения времени зарождения и эволюции кыргызского эпоса. Он предлагает продолжить историческое сопоставление с устным творчеством тувинцев, хакас, монголов, бурят, калмаков для более точного определения начального эпического положения эпоса «Манас». И это вполне обоснованно, так как именно эти народы были тесно связаны на геополитической арене времен зарождения сказаний о баатырах, в образе которых воплощены представления, миропонимания и чаяния многострадальных народов Центральной Азии и Сибири.

Кроме общностей, конечно, есть и различия, поскольку пути развития и ареал проживания двух народов получили новый вектор, вобрав в себя диктат времени и величие духа сказителей – манасчи и кайчи. Еще одно различие алтайских эпосов – это условность мест рождений героев. Они рождаются на берегу рек и озер или на предгорьях. Зачастую просто называется местом рождения вечнозеленый Алтай – Вселенная и Млечный путь для каждого алтайца. Манера сказывания манасчи и кайчи тоже различается. Сказители манасчи рассказывают особой мелодией и речитативом без музыкального сопровождения. Они уходят от реальности в мир своих героев до трансa, направляя энергию словесной передаче событий и подвигов, сражений и побед, предательства и крепкой дружбы, смерти и рождения. Активно используется невербальная речь, сопровождая энергию слова и силу голоса.

А кайчи, по описанию А. М. Сагалаева, берет в руки комыс и начинает петь героическое сказание. Он преображается. Сказитель обращается к героям своего сказания, просит у них прощения за беспокойство: ведь через несколько минут ему предстоит вызвать

к жизни персонажей того или иного произведения. Как считали алтайцы, герои эпических поэм живут в каком-то далеком мире. Заручившись их поддержкой и согласием, сказитель начинает рассказ. И вот из горла сказителя рождаются странные звуки: низкое гудение или ворчание. Описать их невозможно, их надо слышать [9, с.126]. Потому что устами кайчи говорят герои древних эпосов талантливого народа Алтая.

Труды З.Мамытбекова и Э.Абдылдаева по изучению и исследованию эпосов являются составным звеном в эпосоведении двух народов и имеют большой вес в современной фольклористике. С другой стороны, их изыскания являются отражением эволюционного процесса в исследованиях элементов устного народного творчества. И не теряют свою актуальность, так как до сих пор мы слышим сказания о подвигах великих героев в живом исполнении. Благодаря исполнительному мастерству манасчи и кайчи продолжается жизнь эпосов и их героев, и кажется, что Манас и Алып – Манаш до сих пор стоят на страже и оберегают своих потомков.

Литература

1. *Акмолдоева Ш. Б.* Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). Бишкек: Илим, 1996. 220 с.
2. *Баскаков Н. А.* Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1948. - 24с.
3. *Берков П. Н.* Алтайский эпос и «Манас». Киргизский героический эпос «Манас». М: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 377с.
4. *Валиханов Ч. Ч.* Собр.соч. в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Гл.ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.
5. *Жирмунский В. М.* введение в изучение эпоса «Манас». Киргизский героический эпос «Манас». Ф., 1961. 166 с.
6. *Мамытбеков З., Абдылдаев Э.* «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери. Ф.,1966. 246 б.
7. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., пополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2013. 874с.
8. *Ромодин В. А.* Извечения из «Маджму – ат – таварих» / Перевод, комментарии В. А. Ромодина. Ленинград. Июль – ноябрь 1963. 110 с.

9. *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа. Научно-популярное издание. Новосибирск: Издательство «Наука». Сибирское отделение, 1992. 176 с.

10. Слово об Алтае. История, фольклор и культура. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990. 400 с.

11. *Эралиева Ы. С.* Вклад Ч. Валиханова в изучение и научного признания эпоса «Манас» в критике З. Мамытбекова // Вестник Кыргызстана № 1, 2017. 115 с.

ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ

Юркова Е. М. (Краснодар, Россия)

Аннотация: *Объектом исследования научной статьи является феномен социально-культурной активности личности. В работе сконцентрировано внимание на положении объекта исследования относительно современной культуры. Определены характерные черты современной социально-культурной активности личности и культуры в киберпространстве.*

Ключевые слова: *активность личности, современная культура, киберкультура, киберпространство.*

POSITION OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY OF THE PERSONALITY IN THE PROCESS OF CULTURAL DYNAMICS

Yurkova E. M. (Krasnodar, Russia)

Abstract: *The object of the research article is the phenomenon of social and cultural activity of an individual. The work focuses on the position of the research object in relation to modern culture. The characteristic features of the modern socio-cultural activity of an individual and culture in cyberspace have been determined.*

Keywords: *personality activity, modern culture, cyber culture, cyberspace.*

В современном информационном обществе сфера культуры проходит длительный путь адаптации к новым реалиям. Личность оказывает решающее воздействие на преобразование культуры в рамках киберпространства. Творческий подход личности создает форму культуры, которая будет сохранять прежние свойства, притом будет органично выполнять свои функции в виртуальном мире. Именно в этом процессе определяется взаимосвязь современной динамики культуры и социально-культурной активности личности.

Культура – богатейшее наследие человечества, являющееся результатом преодоления варварства путем интенсивной созидательной деятельности. Активное развитие социокультурных процессов дало начало формированию ценностей, являющихся по

своей сути универсальными для всего человечества и неоспоримыми. Именно ценности отличают культуру от иных сфер жизнедеятельности человека. В историческом разрезе культура подвергалась динамическим процессам, адаптируясь к новым реалиям, за счет чего сформировались пласты культуры, создающие многоликость феномена. В современных условиях актуальны вопросы динамики культуры в киберпространстве и информационном обществе, в связи с тем, что сегодня происходит процесс адаптации сферы к новым условиям. Движущей силой и в культуре, и в социально-культурной активности является личность и общество. Так сегодня можно наблюдать, как виртуальное пространство наполняется творческими идеями по адаптации культуры к изменившимся условиям и предпочтениям общества в потреблении ценностей. Рассматриваемые явления находятся в тесной взаимосвязи, культура предоставляет спектр ценностей, которые прививаются человеку, в свою очередь, личность обогащает и дополняет культуру оригинальными результатами творческой деятельности. Рассмотрим теоретическую основу терминов «культура» и «социально-культурная активность».

За основу определения многогранности термина «культура» приведем классификацию А. Я. Флиера, в которой отражены самые основные определения: культура как «способ познания и упорядочения мира»; как средство самоорганизации совместной жизнедеятельности людей; как «механизм выработки и селекции определенных способов поведения, практической и интеллектуальной деятельности по удовлетворению интересов и потребностей людей»; «как деятельность по реализации потенциалов и способностей»; «как рефлексии и фиксации социального опыта»; «система границ интерпретации и способов применения норм и образцов»; «средство межпоколенного воспроизводства общества как устойчивой и исторически своеобразной социокультурной целостности, осуществляемое путем трансляции социального опыта» [3; 12]. Данная классификация описывает стороны культуры в общем, учитывая современное появление интернет-культуры, следует добавить актуальные свойства. Современной культурой или интернет-культурой можно назвать тот вид, который сформировался в обстоятельствах адаптации сферы к новым формам потребления ценностей в киберпространстве.

Важно отметить, что понятие интернет-культуры можно рассматривать в двух разных ракурсах. Первый – интернет-культура как вид массовой культуры и киберкультуры, куда

входит использование богатого инструментария для реализации индивидуальных способностей в глобальном масштабе, выражающемся во множестве входящих в нее киберкультур и субкультур (киберспорт, программирование, социальные сети, блоги и т.д.) [2]. Второй – адаптация сферы культуры в киберпространстве, внедрение и распространение культурных ценностей посредством интернет-технологий, передача опыта молодому поколению и их воспитание в новом виртуальном мире. В этом смысле речь не идет о полной трансформации традиционной сферы культуры в новых реалиях, а лишь приобретении еще одной современной версии культуры, являющейся модернизированной её версией. В первом варианте интернет-культура определяется как нечто иное, созданное пользователями сети, схожее в большей мере с субкультурой. В рамках нашего исследования мы будем опираться на второе определение интернет-культуры.

Во-первых, отметим, что культура продолжительное время проходила и частично до сих пор проходит путь адаптации. Некоторые проявления культуры с трудом находят путь наиболее выгодного транслирования. Во-вторых, в целях воспитания молодого поколения, являющегося основной аудиторией киберпространства, традиционные культурные ценности принимают современные формы подачи информации (акции, челленджи, конкурсы и т.д.).

В то время как определения культуры насчитывают более 500, термин социально-культурной активности предстает в двух вариантах. Наиболее точное на наш взгляд следующее: социально-культурная активность является интегральным качеством личности, отражающее ее жизненную позицию и находящее свое выражение в нравственно мотивированном стремлении и готовности участвовать и проявлять инициативу в деятельности, связанной с созданием, освоением, сохранением и дальнейшим развитием ценностей культуры [1].

Принадлежность социально-культурной активности к культуре в своем происхождении неоспорима, однако, адаптируясь к современным условиям, феномен приобретает индивидуальные черты, придающие самостоятельный характер. В киберпространстве активность личности предстает в виде саморазвития и самореализации. Пользователь в киберпространстве получает мгновенный ответ на свой запрос, благодаря чему личность имеет возможность удовлетворить культурные потребности. Благодаря

такому широкому развитию виртуальной сети созданы условия для индивидуального развития любого навыка в самых необычных формах, что проявляется так же в активном влиянии отдельных личностей, получивших свою популярность, за счет высокого развития отдельных навыков. Известные блоги предстают для пользователей некой культурной площадкой в отдельном виде творчества и выполняют образовательные, стимулирующие, развивающие, коммуникативные функции. В таких условиях пропагандируется индивидуальное творчество во всех его проявлениях, а личные страницы позволяют представить результаты трудов на всеобщее обозрение и получить моментальную реакцию и комментарии.

Культуру и социально-культурную активность можно рассматривать как пространство для субъектно-объектных взаимодействий. При том социально-культурная активность является свойством личности по расширению границ культуры, позволяющим модернизировать и адаптировать к новым реалиям.

Литература

1. Бабахова Е. С. Современные особенности развития социально-культурной активности учащейся молодежи. URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/2138-современные-особенности-развития-социально-культурной-активности-учащейся-молодежи.html> (дата обращения 17.02.2021).

2. Интернет-культура // ru.wikipedia.org // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-культура> (17.02.2021).

3. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2000. 496 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авазов Эрнис Абдыманапович – кандидат исторических наук, доцент, Джалал-Абадский государственный университет им.Б. Осмонова (Джалал-Абад, Кыргызстан)

Андрянова Татьяна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Анударь Баярхангай – аспирант, кафедра географии, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Атласов Владислав Викторович – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Баймуканов Аскар Каиржанович – магистрант, Северо-Казахстанский университет им. Манаша Козыбаева (Петропавловск, Казахстан)

Баубекова Светлана Альбертовна – кандидат исторических наук, главный библиотекарь, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)

Болорчулуун Чогсом – магистр наук, преподаватель, кафедра географии, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Бообек уулу Болот – Директор средней школа им. Шапака Рысмендеева (Кочкор, Кыргызстан)

Борисова Ольга Владимировна – старший преподаватель Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Водичев Евгений Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет; Национальный исследовательский Томский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Геворгян Гаяне Гариковна – студент, Лингвистический институт, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Гришанова Мария Александровна – аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Дашдордж Оюунгэрэл – Ph.D, научный сотрудник, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Журба Виктория Владиславовна – студент, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Замятина Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Злобина Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Касенова Надежда Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Катаева Ангелина Евгеньевна – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Каулбекова Ракия Абдрасуловна – кандидат исторических наук, кафедра регионоведения и кыргызоведения, КНУ им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

Кода Егор Александрович – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Кожокар Виталий Александрович – заместитель директора, ОО «Павлодарский Дом географии» (Павлодар, Казахстан)

Кузина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности РАН (Москва, Россия)

Максимова Светлана Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Мальковец Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета; Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (Новокузнецк, Новосибирск, Россия)

Маркина Полина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Муканова Гюльнар Кайроллиновна – кандидат исторических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Мунхцерен Золзая – Ph.D, научный сотрудник, Институт философии, социологии и права, Академия наук Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Назаркулова Аселя Кубатовна – аспирант института гуманитарных знаний, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева (Бишкек, Кыргызстан)

Ноянзина Оксана Евгеньевна – кандидат социологических наук, консультант отдела по взаимодействию с институтами гражданского общества департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по вопросам внутренней политики (Барнаул, Россия)

Нургалиев Темирлан Мухтарович – преподаватель, Карагандинский индустриальный Университет (Темиртау, Казахстан)

Нуркатова Ляззат Толегеновна – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Казахстана, директор национального ресурсного центра по социальной работе (Нур-Султан, Казахстан)

Омельченко Дарья Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Плотникова Марина Владимировна – аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет, психолог Алтайского промышленно-экономического колледжа (Барнаул, Россия)

Совостьянова Анастасия Михайловна – студент, Институт детства, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Соколов Алексей Аркадьевич – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Солонина Мария Васильевна – магистрант, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Спирина Анастасия Сергеевна – аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Старовойт Анна Николаевна – студент, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Суртаева Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Сырцева Татьяна Ивановна – главный библиотекарь сектора научных исследований, научная библиотека, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)

Ульмасов Рахмон Ульмасович – доктор экономических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Таджикистан)

Урманбетова Жылдыз Карыбаевна – доктор философских наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

Харитонов Александр Михайлович – научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Черепанова Мария Ивановна – доктор социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Чжан Юньфэй – аспирант, Институт массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Чулуудай Баярчимег – Ph.D, Монгольский университет естественных наук (Улан-Батор, Монголия)

Шарапов Отабек Мурадович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики, Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Таджикистан)

Шаршенбек кызы Айпери – преподаватель кафедры регионоведения и кыргызоведения, КНУ им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

Шахова Екатерина Владимировна – лаборант-исследователь, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Шевлякова Анна Николаевна – студентка, факультет философии и социологии, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Шевнина Татьяна Эдуардовна – магистрант, Алтайский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Щеглова Дарья Константиновна – аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Эралиева Ырыс Сагынбековна – старший преподаватель КНУ им. Ж. Баласагына, соискатель Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Академии наук Кыргызской республики (Бишкек, Кыргызстан)

Юркова Евгения Михайловна – аспирант, Краснодарский государственный институт культуры (Краснодар, Россия)

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник материалов

*III Международный научный форум
«Интеграционные процессы в этнокультурной сфере»*

*I Международная конференция «Большой Алтай: развитие,
интеграция, международное сотрудничество»*

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 11.08.2021 г.

Объем 18,4 уч.-изд. л. Формат 64x90 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 6163.

Отпечатано ИП Колмогоров И.А.,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,

тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,

nf-kniga@yandex.ru,

сайт: типография-новый-формат.рф

